

АНДЖЕЙ ЧЕХОВИЧ

семь трудных лет

ANDRZEI CZECHOWICZ

**siedem
trudnych
lat**

WYDAWNICTWO MINISTERSTWA OBRONY NARODOWEJ

АНДЖЕЙ ЧЕХОВИЧ

семь трудных лет

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО
КОСТИКОВА П. К.,
КАГАНОВА Л. С.,
КИРИЛЛОВА - МАСКОВА К. Н.

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
Москва — 1976

Чехович А.

Ч-56 Семь трудных лет. Воспоминания. Пер. с польск. Костикова П. К., Каганова Л. С., Кириллова-Маскова К. Н. М., Воениздат, 1975.

272 с.

В своих воспоминаниях автор рассказывает, как в течение семи лет по специальному заданию органов безопасности Польской Народной Республики он находился в ФРГ и работал в польской секции радиостанции «Свободная Европа».

В книге ярко показаны сложные и трудные будни разведчика, связанные с постоянным риском. Богатый фактический материал книги дает наглядное представление о всей «кухне» идеологической диверсионной деятельности, проводимой с помощью радиостанции «Свободная Европа» разведывательными службами против социалистических стран.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

Ч 70304-084 71-75
068(02)-75

И(Пол)

© Перевод на русский язык, «Воениздат», 1975

КАК Я СТАЛ „ПЕРЕБЕЖЧИКОМ“ ИЗ ПОЛЬШИ

Кельн — город на Рейне. Хорошо, что позднее я побывал там еще несколько раз. Иначе сегодня я думал бы о нем как о городе угрюмом и мрачном. Таким он мне показался в ноябре 1963 года, когда я провел в нем полтора дня. Теперь, по прошествии нескольких лет, я понимаю, что сложившийся в моем сознании образ прирейнского города был попросту отражением чувств, в которых я тогда не хотел, а может, и не сумел бы признаться даже себе. Ведь я глубоко верил в себя, в свою зрелость, ловкость и сообразительность, а также в хорошую подготовленность к заданию, которое я должен был выполнить. Мне казалось, что достаточно придерживаться инструкции, исключая возможность ошибки, — и путь к далекой цели будет прямым.

Впрочем, о самом себе я почти не думал, когда впервые ступил на перрон вокзала в Кельне. Не время было тогда регистрировать собственные чувства, докапываться до каких-то сомнений. Мое поведение было четко определено инструкцией: «Идешь в ближайший полицейский участок; может быть, даже в тот, что находится на вокзале. Там говоришь, что ты студент из Польши. Решил не возвра-

щаться на родину и просишь убежища в Федеративной Республике Германии».

Правда, я решил, перед тем как явиться в полицию, осмотреть город, известный своим знаменитым готическим собором. Но в Кельне был холодный и дождливый день. Выйдя из здания вокзала, я увидел съездившихся людей, перебегающих через небольшую площадь, над которой возвышалась серая громада стрельчатого кафедрального собора. Меня немного поразило, что он стоит так близко от железнодорожной станции. Я рассматривал собор в течение минуты, констатируя, что его размеры и архитектурные формы не отличаются от представления о нем, которое сложилось у меня после просмотра многих фотографий в книгах по истории искусства. Установив это, я отказался от дальнейших туристических впечатлений и начал искать полицейский участок. Нашел его быстро. Надпись «Полиция» ярко светилась над дверьми.

Долго не размышляя, я резко толкнул дверь. Слишком резко, пожалуй, но я принадлежу к людям, которые предпочитают прыгать в холодную воду сразу. Полицейский посмотрел на меня с удивлением. Я подошел к нему и произнес несколько заранее подготовленных фраз на немецком языке. Он осмотрел меня совершенно равнодушно.

— Вы хорошо все обдумали, молодой человек? — спросил он.

— Да, разумеется, — ответил я.

— В таком случае прошу ваш паспорт.

Профессионально бросив лишь один взгляд, он сравнил мое лицо с фотографией в документе. Перелистал странички паспорта, где были сделаны отметки виз, и направился к телефону, находившемуся в глубине другой комнаты. Он говорил тихо, короткими фразами, не выпуская моего паспорта из рук. До меня долетали только отдельные слова. Среди них повторялись: «поляк», «Польша». Я слышал также, как он ломал язык, пытаясь правильно произнести мое имя и фамилию.

Возвратившись на свое место, он показал мне на стул.

— Простите садиться. Вам придется немного подождать. Скоро приедут люди из соответствующей службы и займутся вами, — разъяснил он и перестал интересоваться мной.

Он перебирал бумаги с солидным достоинством, характерным для мелких служащих, когда они, зная, что за ними наблюдают, хотят продемонстрировать сложность и ответственность своей работы.

Я не отношусь к людям, которые умеют терпеливо ждать. Вынужденная бездеятельность всегда меня раздражает. Сидя в полиции, я точно знал, что будет через минуту, что должно наступить. Еще в Варшаве мне говорили, что за мной приедут один или двое западногерманских полицейских в гражданском и вместе с ними я отправлюсь на первый допрос, который будет только пробой сил перед тяжелым состязанием. Таким образом, у меня как будто не было повода для беспокойства, но я беспрерывно ерзал на стуле. Погруженный в работу полицейский наверняка по-своему объяснял себе мое нетерпение. Делая вид, что не обращает на меня внимания, он несколько раз многозначительно улыбнулся. Стараясь не давать ему повода для излишних домыслов, я взял себя в руки и успокоился.

Оценивая сложившуюся ситуацию, я упрекнул себя: слишком близко к сердцу принимаешь мелочи. Правда, я мог оправдаться тем, что перед выездом проходил интенсивную подготовку, в которой психология вообще играла существенную роль, а для меня в особенности. Я любил эту науку, изучал ее исследовательские методы, способы определения разных состояний человека, проникновения в мир его чувств. Меня радовало, когда удавалось находить этим знаниям практическое применение при различных обстоятельствах.

Кроме того, у меня в памяти, как сигнал тревоги, звучали наставления моего инструктора из Центра. На вокзале в Кельне он оставался в моих мыслях просто как майор Стефан. Только и всего, но и этого было достаточно. Его имя подсознательно, как бы автоматически, я связывал с предостерегающим сигналом, который, возникая неоднократно, напоминал о себе в течение семи с лишним лет, проведенных мною за границей. Я запомнил выражение его лица, когда он говорил:

— Не пренебрегай мелочами. Никогда не думай о людях, как рыбак о пескарях. Помни, что тобой там будут заниматься специалисты, которые умеют мыслить. Если будешь считать себя умнее своих противников, проиграешь. Пять, десять встреченных тобой, которых ты пра-

вильно оценишь как неопасных червей в жизненном навозе, сделают заметки о тебе. В своем мелочном усердии они точно опишут, как ты ведешь себя, что говоришь и какую мину имел на лице, когда тебе казалось, что ты можешь быть не слишком осторожным. Ни один из них не опасен в поединке. Но кто может дать тебе гарантию, что не найдется тот один настоящий специалист, который все эти заметки сопоставит, сравнит, и тогда ты побежден.

Короче говоря, меня беспокоил вопрос: хорошо это или плохо, что полицейский видит, что я нервничаю? Может, это вообще не имеет значения и я не должен обращать на него внимания?

Ответить себе на этот вопрос мне не пришлось, так как от энергичного толчка дверь со стуком распахнулась, и в помещение с шумом вбежала женщина. Прямо с порога она возбужденно начала рассказывать, что не может поехать в Бохум, так как у нее нет денег, которые у нее были еще полчаса назад, а вот когда возле кассы она полезла в сумочку, то обнаружила, что портмоне с деньгами пропало и ее, следовательно, обокрали. Только здесь, на вокзале, в этом бандитском Кельне могло случиться нечто подобное. Одним словом, хватайте вора, только быстро, а то он убежит.

Полицейский безуспешно пытался остановить этот поток слов. Женщина — хорошо одетая, средних лет и недурна собой — то плакала, то сквозь слезы кокетничала с полицейским, повторяя без конца свои жалобы. Выведенный из себя полицейский, не видя возможности выяснить у потерпевшей хотя бы ее фамилию, в конце концов резко повысил голос, на что женщина отреагировала истерическим криком.

Отвлеченный этой сценой, я почти не заметил, как в комнату вошли двое мужчин, выглядевших и одетых так, что ошибиться в их профессии было невозможно даже человеку, не находившемуся в оккупации.

Один из них, старший по возрасту, обратился ко мне по-польски, коверкая некоторые слова:

— Вы хочешь убежище?

— Да, — ответил я.

— Хорошо, хорошо. Поехал и поговорим. Ходи, машина ждет... — подбадривал он меня, улыбаясь во весь рот.

Другой, помоложе, тем временем пошептался с полицейским, который принял меня, и забрал у него мой паспорт. Через минуту мы уже сидели в автомашине. Из этой поездки я запомнил немного. Вновь увидел контуры огромного собора, несколько раз мигнули нам белые трамваи. На улицах автомобили встречались чаще, чем прохожие, но, поскольку в Кельн я приехал из Лондона, уличное движение показалось мне небольшим, а город провинциальным и скучным. В машине мы почти не разговаривали. Молчание меня устраивало, но одновременно оно было продолжением ожидания, которого я, как уже отмечал ранее, не люблю.

Значительно лучше и увереннее я почувствовал себя, когда эти двое привезли меня в здание полиции и приступили к предварительному допросу. К задаваемым один за другим вопросам я был подготовлен. В сущности, меня не спросили ни о чем, чего бы я уже не «проработал» в Варшаве. Я чувствовал себя так, словно кто-то из Центра встал возле меня, чтобы помогать мне. Позднее это ободряющее чувство повторялось не раз. В такие минуты я с облегчением думал: я не один...

Здесь я хотел бы сделать некоторые пояснения, необходимые для понимания событий, в результате которых я оказался в Федеративной Республике Германии, чтобы «попросить убежища».

Ранее я уже употребил слово «Центр». Следовательно, я должен объяснить, что Центром называю Министерство внутренних дел.

Начало пути, который привел меня в Центр, относится к периоду, когда я был еще студентом Варшавского университета.

О том, чем заниматься после выпуска, я начал задумываться относительно поздно, приблизительно тогда, когда получил тему дипломной работы («Бухара и Хива в российской государственной системе 1867—1873 гг.»). Собирая материалы, работая над дипломом, готовясь к экзаменам и празднуя их сдачу, я размышлял о своем будущем. На нашем курсе (я окончил исторический факультет Варшавского университета) почти все мечтали о научной деятельности. Высоко котирировалась также работа в редакциях журналов, на радио, телевидении и в издательствах. Менее всего и без энтузиазма думали о работе в системе народного образования.

Как и другие студенты, я взвешивал свои возможности (причем профессия учителя мне также нравилась, скорее всего, потому, что в школе у меня было несколько очень хороших педагогов, особенно историков). Я многим обязан преподавателю Станиславу Лабузу, который учил меня истории в Груйце, где я получил аттестат зрелости. Обязан не только как учителю, который настолько привил мне любовь к истории, что именно в этом направлении я стал учиться дальше, но и как человеку. Станислав Лабуз был моим наставником в самом лучшем и широком значении этого слова.

В результате размышлений, а также бесед с друзьями у меня постепенно начала складываться следующая картина моего профессионального будущего: пойду работать в школу и одновременно поступлю в аспирантуру. Если дела в аспирантуре пойдут успешно, а работа в школе не оправдывает моих надежд, то перейду на научно-исследовательскую работу. Однако я не предпринял никаких шагов для осуществления этого плана, сосредоточив все свое внимание на дипломной работе. В этот период я встретил коллегу, тоже историка, который защитил диплом на два года раньше меня. Разговор зашел о том, чем я займусь после окончания университета. Это было не случайно, так как тогда на эту тему я беседовал часто и почти с каждым, кто только хотел со мной об этом говорить. Коллега выслушал меня и задал неожиданный вопрос:

— А о том, чтобы пойти работать в Министерство внутренних дел, ты не думал?

— Нет, — ответил я.

— Министерству нужны молодые люди, окончившие вузы. Разумеется, там не принимают каждого, кто обратится. Отбор очень тщательный. Но, насколько я знаю, шансы у тебя есть.

Он задал мне множество разных вопросов и разжег мое воображение. Я решил попытаться поступить на работу в Министерство внутренних дел, и притом именно в разведку. Однако коллега отсоветовал мне принимать решение, не взвесив тщательно все «за» и «против». Прощаясь, я записал номер его телефона и обещал, что через неделю дам продуманный ответ.

Я пишу эти воспоминания уже после того, как у меня были выступления по телевидению, многочисленные

пресс-конференции и встречи на предприятиях, в школах и воинских частях. Меня часто спрашивают: «Почему вы пошли работать в разведку? Каковы мотивы этого решения?» На эти вопросы трудно ответить коротко. Мотивов было много. О работе разведки и других тайных служб у меня были весьма наивные представления, основанные главным образом на приключенческой литературе о тайных агентах, с риском для жизни добывавших документы, от которых зависели судьбы сражений и целых войн. Много приключений, игра с опасностью, непрерывная проверка себя в борьбе — все это, несомненно, действует на воображение. Кроме того, я воспитывался в семье, в которой существовал культ дедов и дядьев, отдававших, когда возникала в этом необходимость, жизнь за свою любимую родину. Это звучит, может быть, патетически, однако я не сумею найти более простых слов, чтобы выразить чувства, с которыми я рассматривал, будучи еще подростком, фотографии и другие реликвии, оставшиеся от прадеда, который участвовал в Январском восстании 1863 года. Позднее, уже во время учебы в университете, копаясь в архивах в поисках материалов для курсовых работ, я неоднократно находил документы царской полиции, в которых упоминались фамилии моих предков, участвовавших в борьбе за независимость Польши. Мальчишкой, еще не отдавая себе полностью отчета в том, что такое война, я испытывал огорчение, что не смог принять в ней непосредственного участия. Поступление на работу в разведку было для меня продолжением того, что я называю семейной традицией. Подобно моим прадедам, дедам и отцу, я стремился участвовать в действиях, связанных с личным риском, быть на первой линии борьбы, ведущейся в уже изменившихся условиях, при другой ситуации в Польше и во всем мире.

Я хорошо запомнил, что мне говорил коллега об условиях приема на работу в МВД. Высокие требования, которым может соответствовать далеко не каждый, возбуждали во мне особый азарт, поэтому я охотно шел на различные проверки.

Не буду по понятным причинам описывать всех испытаний, которые я прошел после подачи заявления о приеме на работу. Скажу коротко, что в большинстве случаев они основывались на проверке моей реакции в

различных неожиданных ситуациях. Пришлось как следует попотеть в прямом и переносном смысле, прежде чем я услышал:

— Когда вы собираетесь защищать дипломную работу?

— В июне, — ответил я, не совсем еще понимая, зачем мне был задан этот вопрос.

— Есть ли у вас какие-нибудь трудности с дипломной работой?

— Нет.

— После получения диплома вы хотели бы отдохнуть или можете сразу приступить к работе?

Этот вопрос обрадовал меня, ибо я понял, что принято положительное решение, но, с другой стороны, он меня и несколько опечалил. С друзьями я запланировал поездку в ГДР. Жалко было отказываться от обещавшей много интересного экскурсии. Об этом я сказал своему собеседнику.

— Все чудесно складывается, — сказал он. — Поезжайте в ГДР. Мы вам даже поможем продлить пребывание там, поскольку заинтересованы в том, чтобы вы совершенствовались в немецком языке. Больше разговаривайте, живой язык быстрее всего запоминается. Было бы хорошо, если бы вы смогли поступить на отделение германистики. Университет вам еще не надоел?

— Нет, отчего же?

— Учеба на этом отделении может вам пригодиться в будущем...

Вот так и началось. Следующий год прошел в напряженном ритме. Я сдавал экзамены на звание магистра, ожидал приема на отделение германистики и провел некоторое время в ГДР. С осени начал учебу на отделении германистики и одновременно проходил специальную подготовку. Разумеется, никто из моих родных и близких или знакомых не мог даже допустить мысли, что я имею какое-либо отношение к разведке. Очень часто у меня буквально слипались глаза на семинарах по немецкой грамматике. Но я делал вид, что эта сонливость вызвана скукой, так как никто не должен был знать, что я просто сильно устал после многочасовых тренировок.

Подготовка, которую я проходил, была интенсивной и всесторонней. Я изучал психологию, обучался вождению автомобиля и мотоцикла, осваивал приемы дзюдо,

учился писать донесения, овладевал искусством микрофотографии. И все это почти одновременно, в условиях, при которых не могло быть и речи о каких-либо льготах и скидках на сильную занятость.

Позднее я понял, почему нельзя было продлить обучение и вести его в более медленном темпе. Просто-напросто необходимо было как можно тщательнее скрыть сам факт этой учебы в моей биографии, вокруг которой строились все допросы, которым я был подвергнут на территории ФРГ. И это удалось.

В ходе подготовки я понял, кем являются мои противники. Ими должны были стать агенты американского Центрального разведывательного управления. Поэтому я не удивился, получив официальную информацию о задании, с которым в ближайшее время меня направляли на Запад. Моей главной целью была радиостанция «Свободная Европа».

Эта станция является учреждением двойного характера.

С одной стороны, наиболее широко известной, она служила и по-прежнему служит правящим и милитаристским кругам Соединенных Штатов в качестве орудия антикоммунистической пропаганды и идеологических диверсий, направленных против социалистических стран. Исходя из этих предпосылок и готовятся радиопередачи «Свободной Европы». Для достижения этих целей используются разные методы: в пятидесятые годы запускались воздушные шары с листовками, в наше время выпускаются специальные бюллетени для буржуазной прессы на Западе, а также финансируются издания книг и журналов для контрабандной засылки их в социалистические страны.

С другой стороны, «Свободная Европа» является одним из важных центров шпионской сети ЦРУ и выполняет для американской разведки довольно серьезные задания. Эта двойкая роль «Свободной Европы» была хорошо известна моим шефам и инструкторам в МВД. Обсуждая со мной детали плана моей деятельности за рубежом, они неоднократно повторяли:

— Старайся прежде всего проникнуть в разведывательные ячейки, законспирированные в радиостанции «Свободная Европа».

«Легенда» — известное слово, но на языке работников разведки оно имеет особое значение. Очень часто исполь-

зуются глагольные формы, производные от этого слова, ибо «легенда» означает здесь все, что служит прикрытием. В истории разведок известны случаи инсценировки громких событий, которым газеты многих стран посвящали специальные выпуски, в то время как в действительности речь шла о создании «легенды», имеющей целью вызвать доверие к подлинности специально сфабрикованных документов или, наоборот, подвергнуть сомнению достоверные материалы, добытые противником. История второй мировой войны дала уже десятки таких примеров. Сотни новых появятся, когда историкам будет предоставлен доступ к закрытым архивам.

Перед выездом на Запад товарищи из Центра много раз проработали со мной мою «легенду» и систему оперативной связи. Моя «легенда» состояла из следующих элементов: бегство из Польши и просьба об убежище, детальная биография, в которой упоминалось мое помещичье происхождение и высылка всей моей семьи советскими властями (отец — кавалерист, во время сентябрьской кампании оказался в немецком плену), учеба в средней школе и студенческий период в Варшаве. В составленной таким образом биографии вполне укрывался и факт поступления на работу в МВД и специальной разведподготовки. В ней просто не было никакого просвета во времени.

Из «легенды» вытекал один из основных пунктов данной мне Центром инструкции: «Во время всех допросов говорить правду, и только правду за одним исключением. Ты не вспоминаешь, что послало тебя МВД, а также зачем оно тебя послало». Такая установка очень облегчала мне дачу показаний, сокращая до минимума возможность ошибиться. Однако она затрудняла мотивировку моего желания получить политическое убежище на Западе. Простое утверждение, что я «боюсь возвращаться», могло прозвучать искусственно. Здесь я уже должен был играть, ссылаясь на факты из моей биографии, связанные с военным периодом. Мне не было и трех лет, когда в начале 1940 года вместе с матерью, бабушкой и младшей сестрой я был переселен в Северный Казакстан. В Польшу мы возвратились весной 1946 года. Эти шесть военных лет — не худшее воспоминание в моей жизни. Однако я мог соответствующим образом приукрасить повествование о матери, помещице по происхожде-

нию, которая вынуждена была собирать в степи кизяк для отопления жилища. Анализируя мои показания, психолог без труда нашел бы в них, как следовало ожидать, глубокую обиду, вынесенную с детских лет, которая в его глазах объясняла бы мою боязнь возвращения на родину. Разумеется, аргументы были не из самых убедительных, но, возможно, это было и к лучшему...

После этого необходимого отступления я возвращаюсь к изложению событий в Кельне, к первому допросу на территории ФРГ. Двое сотрудников полиции задали мне более ста вопросов, но, как я думаю, не слишком утомились. Ведь они знали, что это только предварительная формальность. Я отвечал в соответствии с инструкцией. В результате они получили представление о моей биографии.

Они узнали, что я родился 17 августа 1937 года в Швенчёнсе, на Виленщине, в шляхетской семье. Слова «шляхетский», «шляхта» звучат ныне в Польше совершеннейшими анахронизмами. В ФРГ же дворянское происхождение и сейчас является качеством, которое ценится или подчеркивается, а аристократические титулы по-прежнему продаются. Я сказал также, что мой отец имел поместье Колодно в Швенчёнском районе. Это имение было национализировано, когда Красная Армия в 1939 году вступила на территорию Западной Белоруссии. Я весьма много распространялся о том, как не по собственной воле мы оказались в Северном Казахстане и в каких колхозах работала моя мать. Я объяснил, что аттестат зрелости получил в Груйце, под Варшавой, а экзамены на звание магистра сдал в Варшавском университете в июне 1962 года.

Когда я назвал Груйце, старший из полицейских, который немного говорил по-польски, очень оживился. Он сказал, что хорошо знает этот городок, так как во время второй мировой войны в течение нескольких лет служил недалеко от него на полевом аэродроме. Хвалил окрестности, городок, свиной копченый бочок, самогон. Позднее я уже привык к тому, что в ФРГ многие мужчины старшего возраста, те, которые в 1939—1945 годах подлежали мобилизации, встретив поляка, любят вспоминать о своем пребывании на наших землях и искренне удивляются, когда собеседник принимает их рассказы без энтузиазма.

Для меня не были неожиданными и последующие вопросы. Я объяснил, что, защитив диплом на историческом факультете, остался студентом и уже почти окончил первый курс отделения германистики. Во время летних каникул в августе 1963 года мне удалось воспользоваться приглашением от знакомых в Великобританию, где я провел более трех месяцев. На обратном пути остановился в Кельне, так как решил просить политическое убежище в ФРГ.

Допрашивавших меня полицейских заинтересовало мое пребывание в Лондоне. Они захотели узнать, что я там делал. Здесь я также не должен был ничего выдумывать, чтобы удовлетворить их любопытство. Мои знакомые не были людьми зажиточными, и мне не хотелось быть для них обузой. Во время учебы в университете я подрабатывал, нанимаясь ремонтировать квартиры у людей, которые обращались за подобного рода услугами в наш студенческий кооператив. Я занимался этим часто и набил руку на покраске стен, окон и дверей. Эти навыки оченьгодились в Лондоне. При помощи знакомых мне удавалось находить клиентов, так как по сравнению с английскими мастеровыми я выполнял заказы за полцены. Таким образом я создавал себе новую «легенду». Зарабатывал шиллинги на свое содержание и, кроме того, сумел отложить немного фунтов, чтобы иметь кое-что на первое время в ФРГ. Конечно, я не упомянул о том, что в Центре очень обрадовались, когда весной 1963 года я рассказал о приглашении, которое совершенно случайно получила моя мать из Великобритании. Благодаря такому стечению обстоятельств отпадала необходимость выдумывать или создавать «легенду», объясняющую, как и почему я оказался на Западе.

Кельнские полицейские поинтересовались, сколько я заработал в Великобритании и удалось ли мне сделать какие-либо сбережения. Я назвал сумму, которую они тут же записали. На следующий день я убедился, что они интересовались моими финансами не случайно.

После подписания протокола я подвергся аресту. Это был не арест в буквальном смысле — со всеми ритуалами, сдачей всех личных предметов на хранение и т. п. Просто мне велели забрать все вещи и заперли в камере. Это была одиночка. Вечером я даже ее не осмотрел как следует. Я чувствовал себя очень усталым, и мне

казалось, что я усну тотчас же, как только переоденусь в пижаму и улягусь на топчан. Но сон пришел не скоро. В Центре меня предупредили о возможности ареста, поэтому заточение в камеру не было для меня неожиданностью. Впрочем, я никогда не был настолько наивным, чтобы думать, что каждого перебежчика из социалистических стран на Западе встречают с букетом цветов, в котором спрятан чек на сумму, оканчивающуюся несколькими нулями.

Я лежал на топчане и размышлял. Память подсовывала мне свежие сцены моего пребывания в Лондоне.

...Вместе со знакомыми и их друзьями я бродил по городу на Темзе, заходил в клубы и пивные, в которых обычно собираются поляки. Одни, как я понял, посещают эти заведения, чтобы поест польские национальные блюда, выпить польской водки; другие — чтобы после тяжелой работы на заводах, фабриках, в мастерских и конторах оказаться вновь среди людей, для которых они по привычке все еще являются «капитанами», «старостами», «председателями». В целом этом зрелище немного печальное, немного смешное. Беседы, которые я там вел, явились как бы продолжением моей учебы. До сих пор в Варшаве я был человеком, который, не оглядываясь на последствия, почти всегда говорил то, что думал. Потом я должен был сразу перестроиться и помнить, что нужно действовать в соответствии с принципом: «С волками жить — по-волчьи выть». Я понимал, что такой тактики я должен придерживаться как офицер разведки, придерживаться долго, в течение многих месяцев, и что это просто необходимо.

В этих «польских» заведениях бывают дамы и господа, отличающиеся большим любопытством. Это любопытство, однако, является не чертой характера, а профессией. Отличить тех, которые о положении доцента Б. в Варшавском университете спрашивают потому, что он является мужем их двоюродной сестры, от тех, которых такая информация интересует не по сентиментально-семейным причинам, почти невозможно. Впрочем, это не входило в мою задачу.

Ведь могло случиться — о чем я постоянно помнил, — что мои высказывания на Темзе попадут в досье ЦРУ. Поэтому пару раз в различных беседах мимоходом я упоминал о том, что подумываю не возвращаться в Польшу.

Я не знал, может ли это помочь в моих будущих хлопотах о получении убежища, однако считал, что не повредит наверняка. Просто я хотел увидеть реакцию собеседников. Эти беседы я рассматривал как психологический эксперимент. Меня удивила разнородность ответов. Мужчина, который обычно ругал красных, выбрал меня публично:

— О чем вы думаете? Страна затратила на ваше образование капиталы, а вы хотите свои способности продавать другим! (В таком духе он разговаривал со мной добрых четверть часа.)

Однако порой меня похлопывали по плечу, обнимали, говорили:

— Чем больше таких молодых людей, как вы, ищет свободу, тем быстрее мы скрутим шею красным.

Такие заявления варьировались в зависимости от взглядов и темперамента собеседника, однако всегда подчеркивалось, что меня на Западе ждет прекрасное будущее. Во время этих бесед меня сместила и невольно раздражала общая фраза: «Избрать свободу».

Я хорошо помню, что, засыпая в арестантской камере в Кельне, сказал себе: «избранная свобода» начинается с каталажки. Эту фразу я повторил несколько раз...

Проснулся я на рассвете. Следовало что-нибудь сделать, чтобы не ждать пассивно. Я захотел обратиться на себя внимание и начал стучать кулаком в дверь. Пришла какая-то женщина, кажется уборщица, а может быть сторожика, и изругала меня на кельнском наречии. Это трудный диалект, непонятный даже для многих немцев. Из быстрого потока ругательств я ухватил только то, что я мерзкий пьяница, которого справедливо посадили и который заслуживает того, чтобы всю жизнь провести за решеткой. Сидеть я должен тихо, а если нет, то меня сейчас так разукрасят, что я долго буду помнить, что такое порядок. А вообще сейчас лишь шесть часов утра, господа приходят в восемь, и когда придут, то займутся мною. А сейчас я должен сидеть тихо и заткнуть плеватьницу, если мне жаль своих костей.

Я предпочел не проверять, насколько эти угрозы реальны. Двое мужчин, которые допрашивали меня, появились без нескольких минут восемь. Они застали меня выбритым и освеженным, что, впрочем, заметили и про-

комментировали. Привели в комнату, где допрашивали накануне.

— Может быть, вы вспомнили что-нибудь, что хотели бы добавить в протокол? — спросили меня скорее по обязанности, без интереса. Затем заявили: — Мы с вами закончили. Теперь вы поедете в лагерь для беженцев в Цирндорф. Это недалеко от Нюрнберга. У вас есть, мы слышали, фунты и марки. Дайте, пожалуйста, деньги, мы купим вам железнодорожный билет. Каким классом вы хотели бы ехать?

Тогда я понял, почему накануне меня так тщательно расспрашивали о моих финансовых запасах. Между прочим, я не мог не подуматься со своего рода восхищением о чиновничьей предусмотрительности моих хозяев. Они хотели сэкономить своему государству даже те несколько десятков марок, которые должны были бы израсходовать на билет из Кельна в Нюрнберг. Если бы мой кошелек был пуст, то я поехал бы в лагерь за счет правительства ФРГ. С подобными явлениями я позднее встречался много раз.

Еще немного, и я спросил бы своих «опекунов», должен ли я также заплатить за ночлег в камере и завтрак, состоявший из кофе и куска хлеба с колбасой. Однако я вовремя сдержался, не будучи уверенным, что чувство юмора присуще кельнским полицейским чиновникам. Относительно этого у меня есть сомнения даже сегодня, после семи лет, проведенных в ФРГ.

ЛАГЕРЬ В ЦИРНДОРФЕ

В Цирндорфе я должен был обратиться в пересыльный лагерь для иностранных беженцев, находящихся на улице Ротенбургштрассе, 29. С этим адресом, написанным на листочке, и с не слишком тяжелым чемоданом, содержавшим пару смен белья и ряд других мелочей, я остановился перед решетчатой изгородью с закрытыми воротами. В глубине, за оградой, в свете немногочисленных фонарей я заметил здания казарменного типа. Смотри на них, легко было догадаться, что находящаяся у ворот швейцарская была когда-то караульным помещением.

Мне долго пришлось стучать в ворота, прежде чем явился заспанный портье.

— Чего надо? — пробурчал он неодобрительно.

Я объяснил ему, что приехал из Кельна, направлен сюда полицией и должен обратиться...

Портье почти не слушал меня.

— Уже поздно, — буркнул он. — Нужно прийти утром или днем. Сейчас ночь, и никого не принимают.

Действительно, уже был поздний вечер, приближалась полночь. Однако я не намеревался спать на улице. Я здорово устал после путешествия пассажирским поездом и сейчас мечтал только о постели в теплом углу. Так просто избавиться от меня я не позволил. Немного разозлившись на упрямого портье, я повысил голос. Он тоже перешел на крик. Не знаю, чем закончился бы этот «диалог», если бы из темноты не появились двое рослых мужчин. Они мгновенно поняли, в чем дело, и сразу же прикрикнули на портье, не особенно выбирая выражения. Тот, попав под перекрестный огонь, потерял охоту к сопротивлению и в конце концов открыл ворота.

Бормоча что-то себе под нос, он выдал мне два одеяла и матрац. Эту ночь я должен был спать в так называемом «транзите». Меня проводили туда мужчины, с которыми я познакомился у ворот.

— За ним нужно смотреть, — сказал один из них. — Это опытный прохвост. Иногда выдаст одно одеяло, а рассчитывать приходится за два...

Так я познакомился с Шереметой, который стал моим опекуном и первым проводником по лагерю. Я догадался, что он поляк, уже у ворот, когда мы вместе кричали на цербера.

Шеремета и его друг чех, фамилию которого я, к сожалению, не запомнил, познакомились во французском иностранном легионе. Чех, как инвалид, был уволен из легиона и собирался вернуться на родину, но его задерживали какие-то темные дела, и он постоянно откладывал свой выезд на более позднее время. Шеремета же, рослый и сильный парень, дезертировал из легиона и укрывался на территории ФРГ от французской жандармерии. Немцы не знали, что с ним делать, и на всякий случай выслали его в Цирндорф. В лагере тоже не нашлось мудрецов, которые бы знали, как поступить с дезертиром, и поэтому его держали в «транзите».

«Транзит» — это большое казарменное помещение, заставленное несколькими дюжинами коек. Занятые койки

можно было определить по грязным матрацам, свободные имели только сетки. Каждый новый жилец стелил полученные матрац и одеяла. Не знаю, какой была эта постель в лучшие времена. Сейчас она вся была пропитана затхлым запахом немытых человеческих тел. Скупое освещение только усугубляло неприглядность этого угрюмого помещения. В полумраке, в клубах дыма самого дешевого табака я заметил десятка полтора людей, лежащих, как бурые личинки, на грязных матрацах. Другие обитатели толпились в разных концах помещения, образуя небольшие группки. Почти все были пьяны, некоторые ссорились, назревали драки.

Я быстро понял, что жители лагеря боятся Шеремету. Одним движением, коротким словом он гасил очаги скандалов. Шеремета выполнял функции своего рода старосты, которые захватил самовластно. Сильный парень, закаленный в драках на ножах и кулаках, приученный в легионе к общению со всякого рода авантюристами, здесь он также быстро сумел справиться с беспокойными представителями восемнадцати национальностей. Добиться повиновения было не легко. Он вынужден был провести несколько схваток. Шеремета и его коллега по легиону чех дрались артистически.

Поляк нашел для меня койку недалеко от своей. Потом, подозревая двух типов, известных ему как воры, он на цветистом языке люмпенов приказал им считать мои вещи неприкосновенной святыней и живо изобразил, что с ними будет, если кто-либо забудет об этом. Независимо от этого он дал мне необходимые наставления:

— Чемоданы держи при себе. Что снимешь с себя, клади в чемодан. Одеялами завернись так, чтобы никто их с тебя не стянул. Здесь у тебя будет много времени. Старайся ночью только дремать, а спать днем. Полная гарантия спокойствия, особенно когда имеешь кореша, который печется, чтобы тебя не обобрали. Раз уж оказался в таком месте, для тебя нет десяти заповедей. Есть всего одна, и самая важная: не давай шанса тем, кто хотел бы тебя обобрать.

Очень жалею, что не могу дать полное представление о богатстве словаря Шереметы. По тому, что он говорил и как говорил, я догадывался, что этот человек прошел огонь и воду. Однако мне не удалось склонить его к дружеской откровенности.

Ночью я действительно не спал. Не потому, что строго придерживался наставлений Шереметы. Просто не мог спать. Лишь только я лег, как меня обсыпали насекомые. Блохи и клопы ели меня поедом. Кроме того, дожимал холод.

Новый день начался для нас около шести часов утра, ибо ровно в шесть лагерная кухня выдавала каждому, кто становился в очередь, кружку горячего суррогатного кофе. Это была слегка подслащенная бурда, зато горячая.

Шеремета поделился со мной хлебом. Его друг угостил маргарином. Во время еды Шеремета продолжал свои лагерные наставления:

— Завтрак ты уже видел. На обед будет холерный гитлеровский «ейнтопф». Это такая похлебка — жижа, в которой чуть-чуть мяса и немного побольше картошки. Тебе сунут еще полкилограмма хлеба, кусочек маргарина и иногда ломтик мармелада. Хлеб — это завтрак и ужин. Чтобы не ходил без денег, получаешь еще 26 марок в месяц наличными и живешь как господин. С голоду не умрешь, но ожирения сердца не будет. Неважные дела, братишка...

В Центре меня предупреждали, что лагерь в Цирндорфе не напоминает дом отдыха, однако здесь оказалось хуже, чем я предполагал. «Только бы этот кошмар не продолжался слишком долго», — думал я не в силах приспособиться к существующим там условиям. Задание, которое я должен был выполнять, требовало, однако, чтобы я прошел через этот этап нормального пути беженца. С этим надо было считаться.

Шеремета уговаривал меня:

— Не будь фраером и возвращайся домой, в Польшу.

— Уже не могу, — твердил я, а он убеждал меня:

— Ты молодой и образованный. В Польше тебе может стать порой тяжело. Может случиться, что тебя кто-то обидит, но в конце концов так или иначе ты завоеешь уважение людей. А здесь что ты найдешь?

— Может, разбогатею, — возражал я.

— Немного денег, может, и заработаешь, но ценой лишений, если только не погибнешь и не дашь сгноить себя в течение первых пятнадцати лет. Нас гноили и гноят, но мы и сейчас ничего не имеем. Мотай домой, пока у тебя паспорт в кармане!

Через три часа паспорта у меня уже не было. У меня его забрали в администрации лагеря и дали взамен обходной лист. С этим «бегунком» я начал путешествовать из комнаты в комнату. Сперва побывал у фотографа. Он сделал мне фотографии анфас и в профиль, причем нашее у меня была табличка с номером. Не помню уже этого номера, но заметил, что он был четырехзначный. Потом у меня взяли отпечатки пальцев. После таких процедур человек сразу же начинает чувствовать себя преступником. Это впечатление усугублялось еще тем, как со мной обращались. Я видел, что на всех обитателей лагеря здесь покрикивают и каждый должен терпеть разные унижения. В первый день, однако, меня охватило легкое беспокойство, так как я подумал, что эта грубость представителей лагерных властей объясняется тем, что они каким-то неизвестным мне образом узнали, кем я в действительности являюсь, и поэтому не хотят рассматривать меня как обычного беженца, которого привели сюда сказки о сладкой жизни на Западе.

После выполнения всех вступительных формальностей я должен был подвергнуться допросу.

— Из всех допрашивающих в Цирндорфе самым важным и самым страшным является господин Б, — объяснял мне Шеремета и другие поляки, с которыми я вскоре познакомился. Мне не известно, знал ли кто-нибудь из обитателей лагеря его фамилию и служебное положение. Называли его господином Б, так как, закончив серию своих допросов, разумеется очень детальных, он ставил в соответствующую клеточку обходного листа маленькую печать с буквой Б.

В дверь комнаты господина Б я постучал в первый же день, когда мне вручили обходной лист. Коренастый мужчина в толстых очках на курносом носу, увидев меня, заговорил по-сербски. Скорее всего, его дезориентировали мои выющиеся волосы и темные глаза. Пришлось ответить ему по-немецки:

— Я поляк.

Господин Б тотчас же перешел на польский язык:

— Сегодня я должен принять еще несколько человек. Прощу прийти завтра в десять часов.

Этот немец напоминал бульдога (про себя я так и назвал его). Сидел он в большой, светлой, хорошо меблированной комнате. Украшали ее прекрасно ухоженные

растения в больших горшках. В их тени стояла радиола. Пол был покрыт цветным ковром.

Мне кажется, что господин Б для каждого допрашиваемого заводил новую тетрадь, по формату похожую на наши школьные, продаваемые в писчебумажных магазинах. Записывал он много, быстро и подробно. За время бесед со мною он исписал почти всю тетрадь. Наши встречи продолжались более недели, и каждая беседа занимала не меньше двух часов, а были и такие, которые тянулись часов по шесть.

Господин Б не скрывал, что является работником разведки ФРГ. Любил хвастаться всеведением этой разведки, а при этом немного и собственной мудростью. Вставлял в разговор ни с того ни с сего такие фразы:

— Германская разведка работает настолько хорошо, что для нее не является секретом, что сегодня на завтрак ел ваш Гомулка...

Или:

— Когда в ваших магазинах в Варшаве утром не хватает мяса, мы об этом знаем уже после полудня.

В другой раз:

— Ваша «беспека»¹ прислала нам сюда инженера. Должен был заниматься у нас экономической разведкой. Мы знали, кто он такой, хотя он и не признался, с какой целью прибыл. Решили наблюдать за ним. Установили, что он не занимается шпионской деятельностью... На запросы из Варшавы не отвечал. Однажды мы заметили, что не только мы наблюдаем за ним. Ему грозила смертельная опасность. «Беспека» ликвидировала бы его, ибо ни одна разведка не цацкается с предателями. В последний момент мы спасли ему жизнь. Если бы он рассказал о себе раньше, мы смогли бы обеспечить ему защиту. А так он мог только благодарить провидение, что мы оказались более быстрыми...

Такие и подобные им басни служили господину Б вступлением к угрозам:

— Советую вам говорить правду, ибо у нас всегда найдется средство обнаружить обман.

Хотя господин Б и угрожал, но все же чаще он старался быть милым и любезным, чем отличался от большинства служащих, с которыми я столкнулся в Цирн-

¹ Органы государственной безопасности ПНР. — Прим. ред.

дворфе. Желая склонить меня к искренности, он и сам временами откровенничал.

Выше я уже упоминал, что в Центре меня подготовили к допросам. Прошел я там также и подготовку, которую можно назвать закалкой против всякого рода психологического давления, против простых и изощренных приемов, которые использует полиция различных стран, чтобы вырвать признание в ходе следствия. Мне думается, что я хорошо выполнял инструкции.

Первый вопрос был таков:

— Почему вы не попросили убежища в Великобритании?

Я ответил:

— Британцы не предоставляют убежище тем гражданам социалистических стран, которые покинули страну легально, имея заграничный паспорт. Но в любом случае, имея выбор между Объединенным королевством и ФРГ, я выбрал бы Федеративную Республику, так как знаю немецкий язык. Немецкая культура мне более близка, не случайно я поступил на факультет германистики...

Господин Б легко проглотил мой ответ, подобно тому, как девушка, привыкшая к лести, принимает комплименты.

Посыпались вопросы, целью которых было установить причины, по которым я решил остаться на Западе и просить политического убежища в ФРГ. Я повторил то, что говорил в Кельне. Мои ответы вызвали дальнейшие вопросы, которые я назвал бы биографическими. Господин Б тщательно интересовался моими ближайшими и дальними родственниками. Он хотел знать, чем занимались родители, тетки и дядья до войны, во время войны, что делали и где жили с конца войны до настоящего времени. Я сразу понял, что больше всего его заинтересовало мое пребывание в Казахстане. Он пожалел, что мне тогда было слишком мало лет и, следовательно, он немного смог от меня услышать о казахстанских заводах, колхозах и совхозах. Более подробно он интересовался также периодом, когда я вместе с родителями жил в Гливицком повяте. Он вновь расспрашивал о предприятиях, об отношениях между местным населением и поляками, которые поселились в Силезии после 1945 года. Когда мы дошли до периода моей учебы, больше всего внимания

он уделил военной подготовке и воинской части, где я проходил учебные сборы.

Таким приблизительно было начало наших бесед. Позже господин Б действовал более систематически. Он разработал себе схему допроса и последовательно придерживался определенных групп вопросов. Он сконцентрировал свое внимание на четырех темах: Варшавский университет, военные занятия, пребывание в Казахстане и Гливицкий повят. Сосредоточившись на них, он хотел добиться не столько «прорыва моей обороны», сколько определить, заслуживаю ли я получения убежища. По каждой из тем он задавал сотни вопросов. Некоторые повторял по несколько раз под предлогом того, что забыл ответы. Он старался также захватить меня врасплох. Разговаривали мы, например, о моем пребывании в Казахстане во время войны, и вдруг внезапно он спрашивал:

— Как звали вашего командира роты, когда вы были на военной подготовке в Щецине?

Я называл фамилию, а господин Б снова:

— Это действительно та самая фамилия, которую вы называли мне раньше?

— Думаю, что не ошибся...

— Ах, да. Однако вернемся к делу. В каком колхозе работала ваша мать в 1945 году?

И снова мы беседовали о моем пребывании в Казахстане, о работе моей матери в животноводческой бригаде. Так пролетали час за часом, день за днем.

В ходе этих допросов господин Б много курил. От его сигарет у меня пересыхало в горле. Тогда он угощал меня минеральной водой. Раз или два он поставил по бутылке пива. Угощая меня, он, очевидно, рассчитывал на то, что я из благодарности стану более откровенным. Порой он делал вид, что разговаривает со мной доверительно. Например, он говорил:

— Здесь, в Цирндорфе, среди поляков есть и такие, которые оскорбительно отзываются о немцах и еще думают, что мы предоставим им убежище...

Или:

— Мы знаем, что девяносто процентов тех, кто попадает в лагерь, — это преступный элемент. Разумеется, это не касается вас, ибо такие люди, как вы... — Он старался льстить мне.

— С поляками, — откровенничал он в другой раз, — еще можно выдержать, но такие, к примеру, как югославы или венгры... Разве это люди? В венграх я очень разочаровался, когда они хлынули к нам после 1956 года. Вечно ссорились между собой, а ссоры эти заканчивались поножовщиной. Поляки более спокойные, более культурные...

Как-то я разговорился с одним югославом о господине Б. И тут выяснилось, что господин Б в свою очередь говорил этому сербу, что поляки — это сброд и только сербы — героический, культурный и благородный народ.

Когда наконец господин Б поставил мне свою печать в обходной лист, я смог обратиться к американскому чиновнику. Этот делал все, чтобы я не чувствовал в нем полицейского. Сразу же, в начале беседы, он рассказал, что происходит из польско-украинской семьи и чувствует себя почти поляком.

— От поляков отличаюсь, пожалуй, только тем, что люблю говорить по-русски, — пошутил он и почти все время разговаривал со мной именно на этом языке. Когда он узнал, что у меня высшее образование и я хотел бы выехать на постоянное жительство в Соединенные Штаты, он решил:

— Здесь не место разговаривать. Завтра поедете в Нюрнберг, там можно спокойно поговорить.

Обитатели лагеря в Цирндорфе завидовали тем, кого американцы брали на допрос в Нюрнберг. Это расценивалось как знак определенного отличия, привилегией избранных. Некоторых возили даже во Франкфурт-на-Майне. Разумеется, место допроса каждый раз определяли американцы в зависимости от того, какую ценность представлял для них беженец. В этом последнем случае речь шла о людях, наиболее интересных с точки зрения разведки. Выезжавший в Нюрнберг получал командировочные в размере двадцати марок в день. Во Франкфурте же допрашиваемые кроме командировочных получали трехразовое питание и жили в комфортабельных виллах.

В Нюрнберг ходил микроавтобус. От ворот лагеря в Цирндорфе примерно за час он подвозил пассажиров к угрюмому зданию, расположенному в районе вилл столицы Северной Баварии. В этом здании, тщательно охраняемом не видимыми с улицы часовыми, я снова путешествовал из комнаты в комнату.

Первым меня допрашивал плотный мужчина лет за пятьдесят, среднего роста, опрятный и розовый. Разговаривал он со мной по-немецки. Начал с идеологии. Я слушал, а он говорил о традициях европейской культуры, о духовном содружестве христианских народов, берущем свое начало в древней Греции и Риме, о латинских истоках польской культуры и о дружбе Мицкевича с Гёте. Мимоходом заметил, что любит Шопена, а затем в более пространной речи пытался объяснить мне, с какой целью создан блок НАТО. Из его слов следовало, что члены Североатлантического пакта желают принести свободу европейским народам, в том числе и польскому народу. Он пошел еще дальше, утверждая, что долгом всех поляков является оказание помощи НАТО, так чтобы этот блок смог выполнять свою миссию. По его мнению, я лично также должен был поддерживать НАТО. Он так увлекся, что в один из моментов у него непроизвольно вырвалась фраза:

— Мы, немцы, сумеем быть благодарными... — Однако он быстро спохватился и поправился: — Мы, европейцы, сумеем быть благодарными, ибо благодарность и верность дружбе заложены у нас в самом образе мышления, в культуре.

Нелегко мне было слушать эту «лекцию». Когда «идеолог» пришел к выводу, что я уже достаточно подготовлен, он приступил к вопросам. Все они касались обучения военному делу в Варшавском университете и пребывания в летнем воинском лагере. Он хотел узнать, какое оружие мы изучали. Чтобы не было недоразумений, он вынул толстый том, напоминавший каталог, и начал мне показывать изображения различных видов стрелкового оружия, орудий, боевых машин и ракет, имеющих на вооружении армий Варшавского Договора. Он требовал ответа на вопросы, что из этого я знаю, чего никогда не видел, а что видел, когда, где и в каком количестве. Эта часть беседы заняла у нас почти три часа до обеда и два после обеда.

На следующий день я попал к подстриженному под ежик американцу из Цирндорфа — к тому самому, который направил меня на допрос в Нюрнберг. Роли, очевидно, были распределены заранее. Армия мало интересовала этого человека. Зато он хотел знать, как, по моему мнению, поведут себя поляки в случае, если вспыхнет

вооруженный конфликт между Западом и Востоком. Станут ли они воевать против американцев, если на стороне Запада не будет бундесвера? Он хотел также услышать от меня, каково отношение польских студентов к социализму. Что они хвалят в социализме, а что им не нравится в этом строе? Какова вероятность того, что студенты в Польше выступят против народной власти? Какими аргументами можно было бы, по моему мнению, побудить студентов к таким выступлениям? Как складываются в Польше отношения между интеллигенцией и властью? Имеют ли лица, занимающиеся интеллектуальным трудом, достаточно влияния, чтобы вовлечь другие группы населения, рабочих в антиправительственные акции?

Я вновь напомнил американцу, что после получения убежища в ФРГ попытаюсь эмигрировать в США. Однако мои планы не получили одобрения. Лицо его стало хмурым.

— Америка может вас разочаровать, — сказал он откровенно. — Это совсем не такая страна, какой ее видят те, кто приезжает к нам на стажировку. Не такая, какой ее представляют себе люди. Американцы не могут понять поляков, русских, украинцев, а те в свою очередь не могут понять американского образа жизни, не находят общего языка в новой среде, с трудом привыкают к местным условиям. Я — исключение, я понимаю вас, так как у меня славянская душа.

Мы разговаривали также о жизненных условиях в лагере в Цирндорфе. Американец и по этому вопросу имел свое мнение.

— Это инкубатор коммунистов, — заявил он без обиняков. — В него попадают люди, которые говорят о себе, что бежали от коммунизма и избрали свободу. А чем является для них эта свобода? Это плохое питание, грязь, прозябание. Но есть теория, утверждающая, что благодаря сохранению таких условий мы можем лучше проверить людей, которые бежали на Запад. Намного легче установить, кто совершил этот поступок из идеологических соображений, а кто из желания улучшить свой жизненный уровень. Мы хорошо знаем, какие настроения царят в лагере. Нам доносят, кто выражает недовольство и что именно он говорит. Эти высказывания принимаются во внимание, когда решают вопрос о предоставлении политического убежища.

Я был несколько удивлен откровенностью американца. Он не открыл, правда, мне особой тайны, упомянув об агентах-осведомителях (меня предупреждали о них еще в Центре), но то, о чем он говорил, побуждало ко многим практическим выводам.

Стремясь получить политическое убежище, я должен был считаться со всем, что могло мне препятствовать. Кстати, я напомним, что господин Б также пользовался услугами лагерных доносчиков. Он был хорошо информирован о содержании разговоров в спальнях помещениях и в коридорах. Его мнение об условиях жизни в лагере тоже наводило на размышления. Несколько раз, желая сделать мне комплимент, он сказал, что интеллигентные и образованные люди легче переносят тяготы лагерной жизни, ибо рассматривают пребывание в лагере как своего рода чистилище, из которого только избранные попадают в рай. Более примитивные личности, по его мнению, надламываются быстрее и поэтому, обнаруживая свою низкую ценность, не заслуживают получения статуса политического эмигранта.

В ходе этих многодневных бесед в Нюрнберге меня направили к английскому чиновнику всего лишь на час. Допрашивавший меня американец попросту объявил мне:

— Сегодня я должен уступить вас англичанину. У него будет не много вопросов. Когда вы с ним закончите, прошу возвратиться ко мне для дальнейшей беседы.

Англичанин действительно был не намерен уделять мне много времени. У меня создалось впечатление, что я наводил на него ужасную скуку, а он задавал мне вопросы просто по обязанности, поскольку, в сущности, мои ответы его совсем не интересовали. Значительно быстрее, чем думал, я возвратился к американцу для продолжения бесед, которые касались все тех же тем, но более обстоятельно.

В течение недели или даже десяти дней я уезжал по утрам в Нюрнберг и возвращался в лагерь после полудня или вечером. Однажды, когда я возвратился в Цирндорф, мне встретился господин Б. Он пригласил меня к себе.

— С удовольствием выпил бы с вами пива, — сказал он. — Может, зайдете ко мне, так, по-приятельски, а не по службе...

Я пошел к нему. Господин Б был разговорчив. Рассказал мне о какой-то выходке югославов, которые вопреки

запрещению ловили рыбу в частном водоеме (я уже знал эти примитивные психологические уловки), а потом перевел разговор на университет. Сначала он делал вид, что его интересует система устройства на работу выпускников. Потом вдруг спросил:

— Много ваших товарищей во время учебы или сразу после ее окончания пошло работать, например, в МВД?

— Не знаю, — ответил я равнодушно. — Такими вещами мало кто хвалится, а те, которые хвалятся, не всегда говорят правду.

— А вы, случайно, не помните, кто этим хвалился? — напирал господин Б.

— Из тех, кого знаю, пожалуй, никто...

— Пан Чехович, у вас ведь есть сестра. Может быть, на такую работу поступили знакомые вашей сестры?

— Откуда я могу об этом знать?

— Ведь вы можете ее об этом спросить.

— Как?

— Способ найдется. Не хочу вас ни к чему принуждать, но вы хорошо, очень хорошо подумайте. Я вам даю две недели.

В период, когда шли допросы, я был переведен из «транзита» в нормальное лагерное помещение, то есть в несколько меньшую комнату, где жили шесть-семь мужчин. Число проживавших в комнате постоянно изменялось, так как все искали более теплого угла. Я тоже вскоре перебрался в очень маленькую комнату под самой крышей. Еще до меня там поселился Богумил Анелек, мясник по профессии, который, однако, последнее время перед бегством из Польши работал в системе охраны промышленных предприятий в Варшаве. Пан Анелек умел всюду удобно устроиться. В своей комнате, вмещавшей только две кровати, он установил вопреки инструкциям два электрических устройства, выполнявших роль нагревательных приборов. В то время как все вокруг целый день буквально лязгали зубами от холода, мы жили в тепле. Я вообще не ощущал холода и даже не заметил, как наступил декабрь.

Очевидно, не только пану Анелеку пришла мысль обогревать помещение, так как лагерные власти заметили, что счетчики крутятся быстрее, чем обычно. Тогда они стали устраивать неожиданные проверки помещений. Среди ночи в здание врывались стражники, крича: «Raus!

Raus!»¹ — выгоняли всех в одном белье в холодные коридоры с каменными полами и перерывали наши вещи в комнатах. Не знаю, искали ли они только электрические приборы и обогреватели. Во всяком случае, пану Ане-леку повезло. Наших электропечек не обнаружили.

Однако счастье не всегда ему сопутствовало. Пан Ане-лек влюбился, быть может со взаимностью, в пани Розу Дворничак. Насколько я помню, пани Роза была краков-янской, а ее брат жил в Швеции. К этому брату она ездила несколько раз, но что-то у нее там в Швеции не выходило, и она возвращалась в Польшу. Весьма неясным образом она убежала из Польши через Чехословакию в ФРГ, заявив, что просит политического убежища. Попа-ла в Цирндорф, где очень долго ее прошения не рассмат-ривали. Этот метод использовался во многих случаях. Людей здесь часто держали в состоянии неопределенно-сти. Пани Роза в отчаянии (а может быть, только из же-лания обратить на себя внимание и ускорить решение властей) пыталась совершить самоубийство. Она прогло-тила большую дозу снотворного и, пожалуй, уже не про-будилась бы, если бы не вмешательство жителей лаге-ря. Немецкая администрация, своевременно получившая сигнал тревоги, совсем не собиралась вызывать «скорую помощь» или врача. Тогда в лагере начался настоящий бунт. Еще немного — и все более возбуждавшиеся обита-тели лагеря избили бы портье и охранников, которые не хотели подпустить их к телефону. Испуганный персонал капитулировал, приехала «скорая помощь», и пани Роза на неделю попала в больницу. Когда, однако, она возвра-тилась в лагерь, о предоставлении ей убежища не было и речи.

Тогда пани Роза начала рассказывать, что она якобы работник польской разведки, которая направила ее с се-кретной миссией сначала в Швецию, а потом в ФРГ. Она согласилась выполнить это задание только для того, что-бы выехать из Польши. Однако она не хочет выполнять задание, что, разумеется, закрывает ей обратный путь на родину, поскольку там ее ждет тюрьма. Господин Б и его коллеги по профессии живо заинтересовались этими рассказами. Так или иначе, звучали они необычно. Одна-

¹ Вон! Вон! (нем.)

ко после длительных бесед они пришли к выводу, что Роза Дворничак лжет и, следовательно, тем более не заслуживает получения политического убежища.

Тогда в атаку ринулся влюбленный пан Анелек. Он сам явился к господину Б и категорически заявил, что его подруга наверняка работник польской разведки. За это он ручается, поскольку он, Богумил Анелек, также является работником разведки, специально направленным в ФРГ, чтобы на месте проверить, как выполняет свое задание пани Роза.

Дело разрослось. Им в конце концов заинтересовались американцы. Пана Богумила увезли во Франкфурт-на-Майне. В течение двух месяцев, как он мне рассказывал, Анелек жил в роскошной вилле, ел досыта три раза в день, ежедневно принимал горячую ванну. О самих допросах говорил весьма туманно. Из его рассказов я понял, что беседовали с ним психологи и психиатры, что описываемые им картинки, которыми пользовались в ходе исследований, были тестами. Американцы использовали также детектор лжи, но он якобы справился даже и с этой машиной. В стремлении представить себя работником разведки пан Анелек был очень забавен.

Обособленную, вначале сплоченную группу составляли так называемые «турки». Это были поляки, участники туристической поездки, которые в 1963 году поплыли на теплоходе «Победа» по Черному и Средиземному морям вокруг Европы. В Стамбуле они не вернулись на теплоход и попросили политического убежища. Ими занялись американцы и привезли самолетом в Цирндорф. Среди «турков» больше всех задирала нос некая дантистка. Эта особа убежала не столько из Польши, сколько от мужа. Она отправилась в путешествие с зубным техником, с которым еще на родине поддерживала не только профессиональные контакты. Эта пара воображала, что в «свободном мире» легко устроиться. Дантистка очень плохо переносила Цирндорф и царившие в нем обычаи. Особенно она страдала, когда ее допрашивали американцы. С возмущением она комментировала их обычаи — класть ноги на стол, курить сигареты и жевать резинку в ее присутствии. А больше всего ее раздражал тот факт, что они пренебрежительно не замечали в ней дамы и красивой женщины, какой она себя считала. Ее техник легче переносил лагерные условия. Над ним подшучивали,

за то что он любил при различных okazиях начинать фразу со слов: «Мы, врачи...»

Когда сегодня я думаю о людях, которых встретил в Цирндорфе, они невольно вызывают у меня сочувствие. Я знаю, что они его не заслуживают, но верно и то, что не каждый из них был дрянью, хотя с точки зрения морали они достойны осуждения. Часть этих людей — жертвы рассказов о Западе, сияющем неоновой рекламой, забитом автомобилями, магазинами с богатым ассортиментом роскошных товаров, каких не встретишь у нас даже в комиссионках. Такие описания Запада попадают в наших журналах, являются фоном импортируемых в страну фильмов. Западные радиостанции, особенно «Свободная Европа», подсовывают слушателям заманчивую картину благополучия и сытости, формируют поверхностное представление о капиталистическом мире и обещают каждому беглецу из Польши сказочное будущее. Достаточно, мол, оказаться на Рейне, Сене, Темзе или Гудзоне, чтобы стать владельцем автомобиля, виллы с садом и гардеробов, заполненных роскошными нарядами. Простак, несмотря ни на что, дает себя соблазнить мнимой доступностью «сладкой жизни» — и оказываются в Цирндорфе. Соприкосновение с лагерной действительностью становится для этих людей тяжелым потрясением.

В Цирндорфе каждый обитатель, если он не хочет лишиться карточек на суп и хлеб, должен раз в неделю подметать коридоры и мыть до снежной белизны грязные туалеты. Во время раздачи обеденных порций не раз можно было услышать, как кухарки, размахивая тряпками, покрикивали:

— Вы, грязные иностранцы...

Насколько я знаю, лагерь в Цирндорфе не считается худшим. Те, которые прошли через подобные лагеря в Италии или Австралии, вынесли оттуда еще более мрачные воспоминания.

В Цирндорфе и подобных ему лагерях в капиталистических странах Европы живут надеждой на получение политического убежища, что дает определенные шансы на эмиграцию в США, Канаду или Австралию. В этих странах легче встретить более удачливых земляков, с помощью которых человек — как он думает, не желая потерять остатки веры в будущее, — через десять — пятнадцать лет тяжелой работы сможет стать на ноги. По-

лучить право на политическое убежище, однако, нелегко, а заокеанские страны не слишком охотно впускают эмигрантов, не получивших этого права. Будущее таких людей безнадежно, они могут рассчитывать только на какое-либо исключительно благоприятное стечение обстоятельств.

В Федеративной Республике Германии осенью 1963 года, когда я туда приехал, начинался экономический бум. Безработицы почти не существовало. Получить работу в принципе было нетрудно, хотя условия не для всех были одинаковыми. Обитатели Цирндорфа не имели большого выбора. Формально им нельзя было поступить на работу, если они не получили права на политическое убежище или права на постоянное жительство в ФРГ. Однако лагерные власти не соблюдали этих правил чересчур строго. В окрестностях Цирндорфа находилось более десятка различных мелких предприятий, существовавших только потому, что лагерь поставлял им дешевую незаконную рабочую силу. Людям, которые хотели работать, платили ниже ставок, завоеванных профсоюзами, а нормальный заработок составляет там от трехсот до пятисот марок в месяц. Условия труда были тяжелыми, во многих отношениях они заставляли вспомнить «Капитал» Маркса. Я убедился в этом лично, когда поступил работать в мастерскую по производству игрушек. Мне не хотелось обрекать себя только на один лагерный суп. Кроме того, я должен был как-то оправдать то, что имею больше денег, чем мог бы иметь, получая лишь лагерное «жалование». В моем положении необходимо было располагать некоторой суммой денег. Иногда поставленная кому-нибудь рюмка водки могла помочь в установлении контакта, в получении сведений о методах допросов, о лагерных обычаях и в других нужных делах.

На работе у меня был мастер, который если и не бил меня по лицу, то только потому, что при первой же такой попытке я дал ему понять, чем это может закончиться. Мастер струсил, но меня в покое не оставил. Он становился возле меня, когда я клеил куклы, и рассказывал, как в 1939 году бил поляков, как изъездил вдоль и поперек всю Польшу, чтобы убедиться, что это примитивная страна, без следа культуры, что поляки — это сплошь воры и бандиты... Я не выдержал. Через три недели бросил работу.

С подобными явлениями часто сталкивались и другие обитатели лагеря. Поэтому нет ничего удивительного в том, что моральное состояние их не было и не могло быть нормальным. Единственным выходом из этого невыносимого положения было получение политического убежища. Некоторые для получения убежища готовы были пойти на унижение своего человеческого достоинства, иногда даже на предательство. Эти настроения использовали для собственных целей господин Б и другие работники действовавших в лагере разведок.

Мое положение в Цирндорфе было одновременно и легким, и трудным. Легким, ибо во всем, что вокруг меня делалось, я имел право чувствовать себя сознательным наблюдателем и участником, который личными невзгодами, холодом и голодом платил за то, чтобы в будущем уберечь других от несчастья и скитаний. По существу, я мог этого избежать, мог попросту в любую минуту упаковать свое барахло и возвратиться в Польшу. Я доложил бы в Центр: «Что делать, не подхожу!» Разумеется, это было бы моим поражением. Сознание того, что именно таким образом я могу проиграть, придавало мне силы в самые тяжелые моменты. Трудность же заключалась в том, что во мне, как в каждом человеке, чувствительном к людской несправедливости и обиде, то, что я видел вокруг, вызывало боль и возмущение. Меня раздражала глупость людей, которые в погоне за «лучшими» условиями попадали в лагерь. Когда я видел, что выделывают иностранные разведки с бывшими гражданами социалистических стран и для чего хотят этих людей использовать, я с трудом сохранял спокойствие. Несколько раз я сообщал в Центр о фактах, которые наблюдал в лагере, сигнализировал о том, какая обстановка складывается в нем. Теперь я представляю, как воспринимались там мои сообщения, какие громы низвергались на мою голову. К счастью, до меня они не доходили. Я получал лишь успокаивающие указания: «Будь терпеливым. Из твоей информации вытекает, что все идет хорошо». С терпеливостью же было хуже всего. До сего дня это не самая сильная черта моего характера.

Лагерь для беженцев в странах Западной Европы — это пережитки «холодной войны». Их создавали в атмосфере международной напряженности, когда громко провозглашались напыщенные лозунги об опеке над якобы

бедными и преследуемыми людьми. В действительности эти лагеря стали пастбищем для различных разведок, направляющих острие своей деятельности против социалистических стран. Лагеря калечат и деморализуют людей. Я познакомился с такими фактами вблизи. Господин Б, желая выжать необходимую ему информацию из бывшего аковца¹, открыто издевался над ним, унижая его человеческое достоинство. Господин Б высмеивал 16 статью конституции ФРГ, на которую ссылался тот человек, отказываясь давать нужные для разведки показания. Статья эта звучит гуманно, в ней содержатся благородные фразы о правах человека. Однако все это является пустым звуком в Цирндорфе, где правят разведки, для которых антикоммунизм является главной директивой к действию.

Лагерь в Цирндорфе, кроме того, был и является объектом внимания работников ЦРУ, выступающих под маской журналистов или корреспондентов радиостанции «Свободная Европа». Этот факт был учтен в плане, который мне предстояло реализовать.

Поэтому я не был удивлен, когда однажды меня посетил пожилой мужчина, который мягко начал беседу:

— Я корреспондент «Свободной Европы». Хотел бы с вами поговорить, поскольку слышал от майора Рейтлера, что вы человек с высшим образованием и у вас есть интересные наблюдения, касающиеся Польши, а также много других сведений...

Майора Рейтлера — американца, выполнявшего функции коменданта в считавшемся западногерманским лагере, — я видел раза два, когда он шагал через двор, поглядывая свысока на лагерное сборище людей. Я даже не предполагал, что он вообще знает о моем существовании.

Корреспондент, который пришел ко мне, представился как Генедиуш Которович. Я знал эту фамилию еще в Центре. Мне показывали фотографию этого человека. Я познакомился также с его точным описанием. По сложившемуся у меня в Варшаве представлению, это должен был быть упитанный мужчина, один из тех, на кого достаточно взглянуть, чтобы понять, что он любит хо-

¹ Член подпольной военной организации — Армии Крайовой, действовавшей в период оккупации в Польше и подчинявшейся лондонскому правительству. — *Прим. ред.*

рошо поесть, иногда выпить и почти всегда готов сделать глупость ради красивой женщины. Между тем человек, представившийся Которовичем, был худым, облысевшим и с трудом передвигался с помощью трости. Лицо и весь облик его не соответствовали данным, которые я о нем имел. Это насторожило меня, я боялся, что здесь какой-то подвох. Только позднее я узнал, что это изменение внешнего облика явилось следствием тяжелой болезни, которую он перенес за то время, пока я находился в Лондоне. В первый же момент я был близок к мысли отделаться от него, но так поступить я не мог и позволил втянуть себя в беседу. В конце концов я дал согласие Которовичу — тогда я думал еще мнимому — пойти с ним на обед в поселок. Цирндорф — ведь это не только лагерь, но и поселок, прекрасно озелененный, в котором охотно поселяются жители Нюрнберга, когда им надоедает большой город.

Генадиуш Которович умел слушать и вести беседу. Я делал вид, что очарован им, и много рассказывал о вузах Варшавы, о моих студенческих экскурсиях в СССР и ГДР. Вспомнил также, что с несколькими другими студентами-историками, будучи в ГДР, собирал материалы о жизни лужицких сербов. Которович был мною явно заинтересован. Может быть, он тоже только притворялся, но выглядело это убедительно, чувствовался опыт старого стреляного воробья. Он сразу попросил, чтобы я все это написал, а он постарается, чтобы текст пошел в эфир радиостанции «Свободная Европа» за соответствующую оплату. Он похвалил меня также, когда я «признался» в своем намерении выехать в США. Мимоходом он сказал, что «Свободная Европа» подбирает молодых сотрудников. «Если ваши материалы для передач получатся неплохо, а я надеюсь на это, — сказал он с намеком, — то, кто знает, не предложит ли директор Новак вам работу на радио».

Беседа с Которовичем вселила в меня надежду. У меня сложилось впечатление, что я значительно приблизился к цели, поставленной передо мною Центром. Поэтому, не возражая, я сел писать заказанные тексты. Не скажу, что дело сразу пошло хорошо, так как я старался, чтобы материал получился действительно интересным. Я знал, какая ставка в этой игре. Занятый подготовкой материалов, я даже не заметил, что приближается рождество.

В лагере началось предпраздничное оживление. Все готовились к празднованию сочельника, которое устраивала нам польско-американская организация PAIRC — Polish-American Immigration and Relief Committee, — официально занимающаяся оказанием помощи полякам, намеревающимся иммигрировать в США.

В праздничный вечер мы собрались в клубе-столовой, где столы были установлены в виде подковы. В углу на большой елке горели электрические свечи. К столу подали рыбу и красный борщ, который приготовила пани Стефаньская.

Пани Стефаньская была немкой. Ее муж, поляк, повесился несколько лет назад, ибо, как она говорила, «не мог выдержать жизни среди швабов»¹. От этого брака у нее осталось пять детей. Потом к ним прибавилось еще двое. Таким образом, ей приходилось кормить семерых малышей. Хотя детишки не были похожи на мужа, как утверждали многие, кому она показывала фотографию покойника, в Цирндорфе не было поляка, который бы не жалел маленьких Стефаньских. Люди сами терпели нужду, но для детей у них всегда что-нибудь находилось.

Когда пани Стефаньская подавала борщ, не только я думал о ее муже поляке, который повесился. Вообще весело нам не было. Настроение не улучшили даже бутылки вина. С первым тостом обратился к нам пан Енджеевский, представитель PAIRC в Цирндорфе. Говорил он недолго. Я хорошо запомнил его слова:

— Путь беженца, который вы выбрали, не самый легкий, может быть, не самый лучший путь. Я говорю это вам, так как знаю, что вас ждет еще много тяжелых переживаний. Я хотел бы, чтобы у вас не было разочарований...

Когда Енджеевский закончил, все молчали. Через несколько дней я спросил его:

— Зачем вы так говорили? Почему вы не старались сказать нам, так ждущим слов поддержки, что-нибудь более радостное?

— Когда-то я произносил другие тосты, — признался Енджеевский. — Я советовал людям, руководствуясь самой искренней верой, что они должны делать, чтобы достичь счастья. Может быть, я продолжал бы советовать,

¹ Так поляки презрительно называют немцев. — *Прим. ред.*

утешать, ободрять, поднимать дух, если бы один из моих подопечных не совершил самоубийства, а перед тем как лишиться себя жизни, не послал мне письма, в котором писал, что я его обманул, сбил с толку. Это было первое потрясение. Позднее были и другие. Меня и сейчас проклинаят люди. Недавно отозвался инженер, который пять лет назад выехал с моей помощью в Штаты. В США он не сумел устроиться, не зная английского языка. Многообещающий в Польше конструктор должен был в США зарабатывать на жизнь в качестве ловца аллигаторов. Год тому назад во время охоты на них он потерял ногу и сейчас живет в нищете, за счет общественной благотворительности. Не буду вам рассказывать, что он пишет.

Я понимал его и даже в какой-то степени ему сочувствовал, хотя хорошо знал, кто такой Енджеевский и кому он служит. Там, в лагере, многое приобретало иные масштабы. Факты следовало рассматривать через призму обиды и несчастья людей, которым деятельность Енджеевского могла дать какой-то шанс выйти из Цирндорфа и начать иную жизнь.

Во время праздничного вечера за скромно накрытым столом, приглядываясь к людям, которые в этот день наперекор всем превратностям судьбы хотели быть веселыми, я видел, как было принято выступление представителя PAIRC. Внезапно умолкли беседы, и без того не слишком оживленные, каждый думал только о своем. Эту гнетущую атмосферу не смогли рассеять даже попытки спеть коляды. Кто-то затыкнул «Среди тиши ночной», кто-то другой попытался поддержать мелодию, но замолчал на полуслове, так как не оказалось желающих петь. Наступила полная тишина. Одна из женщин истерически засмеялась и, выбежав в коридор, разразилась плачем. Больше уже нельзя было сидеть за столом. Мы разошлись.

На следующий день в коридорах и в комнатах, где жили поляки, валялись пустые бутылки из-под дешевого вина. Туалеты были перепачканы красным борщом. Я благодарил судьбу за то, что в первый день праздников не мне выпало дежурство по уборке помещений.

Несколько дней спустя, когда я стоял в группе людей, кто-то напомнил:

— Завтра Новый год, может, устроим что-нибудь?

Никто не отозвался, не было желающих собраться

вместе в клубе-столовой. После сочельника настроение поляков в лагере сильно ухудшилось. Гнетущими были эти короткие, темные дни, донимал холод. Мы старались не выходить из комнат. Столовая пустовала, хотя не так давно мы охотно проводили там вечера. Всегда находился кто-нибудь, кто за пару последних пфеннигов включал музыкальный автомат, кто-нибудь другой наскребал полторы марки на бутылку вина. В столовой знакомились также с новичками, которые попадали в лагерь. Их рассказы — правдивые и вымышленные — несколько скрашивали затянувшееся ожидание изменения судьбы. Со временем и эти рассказы также начинали действовать удручающе, ибо видно было, как люди опускались, как их охватывала апатия.

Приехал, например, в лагерь Станислав Дычковский, который, кажется, должен был окончить вуз в Москве. В 1962 году он получил стипендию в США. Был в восторге от Штатов.

— Там даже в автобусах есть клозеты, такая культура! — рассказывал он с воодушевлением.

Решил навсегда остаться в США. Однако, как стипендиату, ему отказали в праве хлопотать о получении политического убежища. Дычковскому велели возвращаться в Польшу. Он не хотел этого. Задержался в ФРГ, явился в полицию, которая и направила его в Цирндорф. Здесь Копыто — мы называли его так, поскольку он прихрамывал на одну ногу, — сочинял совершенно невероятные истории, чтобы получить право на убежище. Все его несчастье, на мой взгляд, заключалось в том, что он чересчур много выдумывал и слишком часто изменял версии своих показаний. Раз он утверждал, что является сыном богатого крестьянина из Келецкого воеводства и опасается, что его вместе с отцом могут посадить, так как во время войны они оба были в партизанском отряде Армии Крайовой. Это звучало смешно даже в Цирндорфе. Каждый, кто умел считать, без труда мог прикинуть, что, когда окончилась война, Копыто было, пожалуй, восемь или девять лет. Поверить же в то, что он получил ранение в ноги во время сражения, могли только самые наивные. Пытался врать он еще и по-другому. Согласно второй версии, он, находясь на учебе в Москве, женился на еврейке, которая стремилась выехать из СССР. Он обещал, что заберет ее немедленно, как только получит граж-

данство США или ФРГ. Поскольку и эта сказка не удалась, он перекинулся на некую американку с богатым приданым, которая якобы делала все, чтобы срочно самолетом доставить его в США и столь же скоропалительно добиться заключения брака с ним. «Как только достигну этой цели, — рассказывал он, — защищу диссертацию и стану ученым с большой славой». Он был так уверен в успехе, что некоторых завсегдатаев столовой заранее приглашал на свою будущую виллу в Калифорнии, чтобы чудесно провести отпуск.

Первые рассказы Дычковского развлекали нас в течение пяти-шести недель. Затем Копыто забыл о богатой американке и московской еврейке, прекрасной как ангел. Он мечтал уже только о том, чтобы получить политическое убежище или хотя бы право на жительство в ФРГ.

— Когда буду иметь эту бумагу в кармане, — говорил он, — сразу же найду себе какую-нибудь состоятельную вдовушку и поступлю в университет. Защищу диссертацию, а потом мне будет уже легче. Вилла, автомобиль...

Спустя еще какое-то время, когда положение не изменилось, так как власти не спешили рассматривать его дело, Копыто изменил тон:

— Если даже не получу убежища, то в конце концов тоже как-нибудь устроюсь. Получу право на работу. Через пять-шесть лет смогу купить автомобиль. Я видел объявление, что кто-то хочет продать подержанный «фольксваген» за восемьсот марок...

Дычковским по-прежнему никто не занимался, и он постепенно перестал говорить о будущем, только трогательно вспоминал, какие хорошие колбасы делала его мать, когда закалывали свинью на рождество или на пасху.

В рассказах и мечтах Дычковского, по мере того как он опускался все ниже, проявлялась закономерность, которая повторялась почти столько же раз, сколько было обитателей лагеря в Цирндорфе, ожидавших получения политического убежища. Поначалу каждый новичок смотрел на тех, кто месяцами сидел в лагере, как на растяп, которым не хватает ловкости, чтобы устроить простое дело. Потом появлялись воспоминания о бигосе¹ в доме на

¹ Польское национальное блюдо. — *Прим. ред.*

Висле, а еще через некоторое время в более или менее явной форме (ибо люди убеждались, что между ними крутятся шпики) дело доходило до рассуждений такого рода:

— Если бы сейчас я вернулся в Польшу, то сколько бы получил? Два, может быть, три года тюрьмы...

Живя в атмосфере таких разговоров, я старался не слишком выделяться в массе лагерных обитателей.

Которович приезжал все реже, часто болел. Поэтому он просил меня, чтобы я его выручал и собирал для него сведения.

— Тяжело мне сюда ездить, — говорил он, — а вы здесь на месте. Пишите за меня докладные. Это просто. Вы должны только точно записать фамилию собеседника и место его бывшей работы в Польше.

— Что я должен записывать? О чем спрашивать? — пробовал я уточнить.

— Нас все интересует, — объяснил он и быстро добавил: — За каждое донесение половина гонорара ваша...

— Это, значит, сколько? — спросил я, сделав вид, что меня интересуют главным образом деньги.

— Половина. Иногда это будет десять, а иногда и двадцать марок.

Разумеется, я согласился, ибо тогда согласился бы на все, что могло меня приблизить к цели — к возможности выполнения порученного мне Центром задания. Я знал, что Которович не хочет приезжать в Цирндорф не только из-за плохого состояния здоровья. Были и другие важные причины. Однажды его чуть не избили обитатели лагеря. Спасло его только то, что был он слабым и при ходьбе опирался на трость, а те, с которыми он сталкивался, не сидели еще в лагере настолько долго, чтобы посланца «Свободной Европы», которая в большей степени была причиной их несчастья, бить даже в случае, если он калека.

Однажды, когда я выслал уже пару таких докладных на домашний адрес Которовича, я получил от него письмо, уведомлявшее, что мои тексты пошли в эфир и были подписаны, в соответствии с моим желанием, псевдонимом «Богдан Остоя».

Остоя — это название герба моих предков по мужской линии. У меня были даже некоторые угрызения совести, что я использую герб для таких целей. Но уж если на-

думал свое бегство на Запад мотивировать также и шляхетским происхождением (а это было одобрено в Центре), нужно было быть последовательным. Поэтому я рассказал и Которовичу, откуда взялся мой всевдоним.

— Я тоже прихожу из польско-украинской шляхты, — похвалился он тогда.

Я не так уж хорошо знал его биографию. Но одно знал точно: в период оккупации он сотрудничал с гестапо и давно не ходил бы по земле, если бы вовремя вместе с отступающим вермахтом не бежал из Польши. Милые улыбки людям, которым в другой ситуации не подал бы руки, требуют основательной тренировки. Я отрабатывал их в беседах с Которовичем. Он был мне просто необходим. В моих расчетах он являлся определенной ступенью на пути к лабиринту «Свободной Европы». Я поставил на него и интуитивно чувствовал, что не совершаю ошибки.

В конце января 1964 года Которович сообщил мне по телефону, что разговаривал обо мне уже с самим Яном Новаком.

— Директор, — говорил он явно возбужденно, — очень вами заинтересовался. Ждите приглашения в Мюнхен. Радиостанция возместит вам стоимость проезда, оплатит гостиницу, и вы получите по двадцать марок командировочных на день. Вы приедете?

Нет нужды писать, каким был мой ответ, ибо это и без того ясно. Однако я старался не проявлять излишнего энтузиазма. Выразил готовность поехать, но сделал это так, чтобы Которович не почувствовал моего радостного возбуждения. Впрочем, я не вполне поверил ему, так как он часто лгал без зазрения совести. Приглашение, однако, пришло.

В Мюнхене Которович играл роль гостеприимного хозяина. С его помощью я познакомился с городом. После совместной прогулки он повел меня на радиостанцию. Я знал, что очень многое зависит от того, какое впечатление я произведу на Новака во время личной встречи. К этой встрече, как и вообще к своей работе на радиостанции «Свободная Европа», я был подготовлен. Знал документы, которые позволили мне выработать свое мнение о личности шефа польской секции радиостанции. С мыслью о первой беседе с Новаком я внимательно читал в Варшаве книжки Меровского. Я ведь знал от Генрика — моего шефа в Центре, — что Новак, хотя он

в этом и не признается, находится под сильным влиянием главного публициста парижской «Культуры». Уже работая в «Свободной Европе», я видел несколько раз, что Новак носит в портфеле книжки Меровского, читает их внимательно и делает многочисленные пометки. В период подготовки, когда было определено мое задание, я должен был в течение нескольких недель прослушивать программу передач радиостанции «Свободная Европа» на польском языке. Мне объяснили также суть американских концепций использования «Свободной Европы».

Новак принял меня в своем кабинете.

Он оказался мужчиной среднего роста и средней упитанности, подстриженным — как говорят остряки на радиостанции — под Муссолини. На первый взгляд он производил впечатление совершенно безликого человека. Сам же он хотел представиться собеседнику человеком решительным и сухим. Поэтому он выражался кратко, по военному.

Он спросил меня коротко об учебе, о Варшавском университете, а затем предложил:

— Возьмите тексты наших передач за два дня подряд и постарайтесь написать, по возможности подробно, что вы считаете в них хорошим, а что неудачным. Будьте смелы и критичны, ибо наша деятельность — мы в «Свободной Европе» знаем об этом хорошо — не всегда бывает удачной. Человек, как вы, недавно выехавший из страны, может быть нам очень полезным и помочь в исправлении ошибок.

Затем по редакционным помещениям меня водили Юзеф Птачек, Юлицкий-Розпендовский и Цельт-Лясота. Некоторые мелкие детали этих первых бесед и визитов уже несколько стерлись у меня в памяти.

В Мюнхене я провел почти неделю за счет «Свободной Европы». Написал то, о чем просил меня Новак. Не знаю: понравились ему мои критические замечания или нет. Во всяком случае, перед отъездом мне пришлось заполнить кучу анкет и бланков и написать автобиографию, что означало, как уверял меня Которович, что радиостанция имеет в отношении меня серьезные намерения.

В конце своего пребывания в Мюнхене я снова был у Новака. На этот раз он произнес следующую короткую речь:

— Я охотно взял бы вас на работу, но в данный момент у меня нет свободной штатной единицы. Однако я верю, что какая-нибудь вакансия будет. Я знаю, что вы в настоящее время находитесь в трудном положении. Что могу вам посоветовать? Возьмитесь за какую-нибудь работу. Если вам представится возможность иммигрировать, поезжайте. Когда вы окажетесь нам нужны, мы вас вызовем из любого уголка мира. Расходы для нас не имеют значения. Ну, до свидания!

Вновь я в Цирндорфе. К удобствам, как оказалось, я привыкаю быстро. Отель, который снимала для меня радиостанция «Свободная Европа», был очень дешевым, то есть плохим. Обеды, которые я ел в Мюнхене, вряд ли можно было назвать пиршеством гурмана. Но возвращение в казарменные комнаты, к грязным одеялам, к атмосфере запущенности и равнодушия не наполняло меня радостью. Позднее, когда я уже работал в «Свободной Европе», я хорошо понимал, почему так быстро становятся покорными редакторы и дикторы, когда Новак топает ногами и кричит: «Я вас выброшу из моей радиостанции!»

Трудно сказать, оказал ли мой визит в Мюнхен какое-либо влияние на ход событий, но, во всяком случае, вскоре после моего возвращения в Цирндорф состоялось судебное разбирательство, на котором рассматривалось мое прошение о предоставлении политического убежища.

Разбирательство происходило на территории лагеря, в здании, занимаемом федеральной администрацией. Решение выносила коллегия, состоявшая из трех человек. Мне был выделен официальный переводчик. Его услугами я не воспользовался, что, как я заметил, произвело хорошее впечатление на коллегия. В ее состав входил также психолог. Помня о нем, я много рассказывал, как глубоко и болезненно переживал переселение из Виленьицы в Казахстан.

Сама процедура не слишком отличалась от того, что каждый может представить себе на основе чтения обычных журналистских судебных отчетов. Ни один из вопросов не захватил меня врасплох. Когда суд удалился на совещание, я не был, однако, полностью уверен в том, какое решение он примет. Дело в том, что за несколько дней до судебного разбирательства я случайно встретил

возле лагерных ворот господина Б. Он спросил меня, не придумал ли я чего-нибудь в отношении сестры.

— Думал, но так ничего и не придумал, — ответил я.

— Ну, что же делать, — сказал господин Б и загадочно усмехнулся.

Во время судебного разбирательства один из членов коллегии так формулировал вопросы, словно знал, по крайней мере частично, содержание моих бесед с господином Б, а именно от него — согласно общему мнению в лагере — в большей степени, чем от самого суда, зависело решение о предоставлении политического убежища.

Однако политическое убежище я получил. Это означало, что я могу уехать из Цирндорфа. У меня был выбор: Бремен или Мюнстер, а точнее, лагерь в Бремене или в Мюнстере.

Снова лагерь...

В МЮНСТЕРЕ И В ОХРАННОЙ РОТЕ

В мюнстерский лагерь я прибыл к вечеру.

В промышленной Вестфалии увидеть закат солнца практически невозможно. Оно исчезает раньше в высоко поднявшейся дымной мгле, превращающей лучи в жемчужные отблески, которые оживляют краски и нежно размягчают контуры предметов. В таком освещении я увидел казарменные здания, сушившееся между ними белье, развешанное на нейлоновых веревках, и кучу детей. Их было очень много. Они катались на самокатах и велосипедах, бегали и кричали по-польски, по-немецки, по-литовски, по-украински...

Издаലെка все это выглядело безмятежно, даже весело. Когда же я приблизился, то заметил, что в шумной куче было много, очень много детей хилых и рахитичных, грязных и оборванных малышей с личиками грустными даже во время игр. Я увидел также запущенные строения, облупившуюся краску на оконных рамах, покосившиеся двери и потрескавшиеся стены.

Официальное название этого лагеря — приют для иностранцев без гражданства и иностранных беженцев. Его адрес — Гревенерштрассе, 69. До центра Мюнстера, исторической столицы Вестфалии, оттуда далеко. С вокзала надо ехать сперва трамваем, потом еще порядочное

расстояние автобусом. Лагерные строения служили когда-то казармами сначала для прусской, а потом для гитлеровской армии.

Сразу же после занятия города в 1945 году англичанами оккупационные власти заперли в бывших казармах иностранных рабочих, которых гитлеровцы свезли со всей Европы на вестфальские фабрики и шахты. Их поместили в казармы не только потому, что Мюнстер сильно пострадал от налетов и в городе не хватало жилых помещений. Речь шла главным образом о том, чтобы изолировать этих людей, поскольку боялись, что они будут мстить немцам за годы унижений и рабские условия труда на «народ господ». Для того чтобы держать под стражей тысячи людей, прекрасно подходили казармы, построенные по прусским планам. Они были обнесены высоким забором, а возле каждого ворот находились сторожевые будки.

В лагере я встретил немало поляков, которые были поселены в этих казармах англичанами еще в конце войны. Там они поженились, дождались детей и даже внуков. В Польшу сразу же после войны возвращаться не решались, чему немало способствовали приезжавшие из Лондона и из армии генерала Андерса офицеры и гражданские лица, энергичные дамы, князья — деятели различных эмигрантских партий и организаций. Все они говорили о приближении новой войны, пугали голодом в Польше, возможностью тяжелого путешествия в места, где можно встретить белых медведей. Англичане их деятельность терпели и даже поддерживали, так как не хотели, чтобы иностранные рабочие покидали этот промышленный район, — им нужно было, чтобы вестфальские шахты и фабрики начали давать продукцию, чтобы кто-то пахал землю и собирал с нее урожай, пока миллионы немцев находились в лагерях для военнопленных, разбросанных на трех континентах.

Много поляков, чехов, сербов и словаков попало на удочку западной пропаганды и осталось здесь. Некоторые до настоящего времени живут в лагере — это самые слабые физически, по характеру или уму. Они не возвратились на родину, но не удалось им также и уехать за океан. Некоторые, например, когда-то болели туберкулезом, а в туберкулезниках не нуждались ни США, ни Канада, ни Австралия. Эти, слабейшие и обманутые, не сумели устроить свою жизнь и в Германии, так как пло-

хо знали язык, не приобрели специальности, считая, что нет смысла учиться чему-то, когда вот-вот придет срок упаковывать чемоданы, чтобы ехать в Польшу, ту, старую, обещанную эмиссарами из Лондона. Несколько иначе было вначале с латышами, украинцами, хорватами и литовцами, но позднее их судьбы, по существу, складывались так же. Здесь следует отметить, что в ФРГ проявляют специальную заботу о людях, которые когда-то дали себя склонить к службе в военных формированиях, боровшихся на стороне гитлеровской Германии. В Мюнстере, например, существует содержащаяся на средства государства гимназия для детей бывших литовских коллаборационистов с преподаванием на их родном языке.

Время от времени тот или другой из постоянных обитателей лагеря поступает на работу, но мало кто удерживается на ней долго. Заработает немного, купит какие-нибудь тряпки, а на остальное напьется. Тогда уже ему море по колено. На похмелье еще хватает, поэтому пьет день, второй, на третий день его угощает какой-либо приятель. После пяти таких дней гордость не позволяет показаться на глаза мастеру. Обитатели лагеря живут не столько на заработки, сколько за счет различных видов «помощи» — посылки от благотворительных организаций и тому подобных подачек.

После выпивок (а напивались обычно вермутом дешевого сорта, бутылка которого стоит 1 марку 10 пфеннигов) начинаются драки. А когда лагерь бурлит, полиция предпочитает не приезжать. В таких случаях жители лагеря тоже сторонятся властей, отчасти потому, что полиция, как здесь говорят, «швабская», но главным образом по причине своей не слишком чистой совести. Одни уже состоят на учете за различные кражи, другие работали, работают и будут работать нелегально. В таких случаях работодатель не уведомляет властей о факте найма лица без гражданства. Он бывает в выигрыше здесь даже тогда, когда платит зарплату в соответствии с коллективным договором, поскольку экономит на страховых и других отчислениях, которых в подобных случаях он, разумеется, не делает. Внешне выигрывает также и работник, так как он получает зарплату и одновременно не теряет 33 марки, которые выплачиваются еженедельно органами социального обеспечения каждому неработающему, проживающему в лагере. Обе стороны заботятся о том,

чтобы этот замкнутый круг не был нарушен каким-либо вмешательством извне, например дотошной полицией.

Я узнал обо всем этом в течение первых трех дней пребывания в лагере. Кое-что рассказал мне сам начальник лагеря — плотный, седой и вызывающий доверие немец по фамилии Хофф, немного добавила его секретарша Хельга Лизнер, очень милая молодая женщина, которая сильно переживала из-за условий, в которых должна была работать, и стыдилась их. Остальное я слышал и о многом мог догадываться во время вечерних наблюдений в кафе-столовой, которую содержал пан Броневич, довольно симпатичный человек, поносивший алкоголиков, но и зарабатывавший на них столько, что ему хватало денег и самому выпить, и других угостить.

Жилищные условия в мюнстерском лагере были лучше, чем в Цирндорфе. Казарменные спальни были разделены перегородками на маленькие клетушки. Я получил такую трехкроватьную комнатку, в которой помещались еще стол и шкаф. Два одеяла должны были заменить мне постель. Я обрадовался, когда увидел, что они здесь более чистые, чем в Цирндорфе.

Начальник лагеря господин Хофф обещал мне помочь найти работу и, надо сказать, обещание выполнил.

Сперва я поехал в Гамбург, где в течение нескольких недель исполнял обязанности повара на маленьком каботажном суденышке, которое плавало в британские порты, преимущественно в Лондон, с грузом овощей. Команда вместе со шкипером-арматором насчитывала четырнадцать человек. Самую многочисленную группу в ней составляли финны. Они знали только свой язык и международные команды вроде «Отдать концы!». Кроме того, у них были острые ножи и они умели с ними обращаться, когда приходили к выводу, что кто-то их обидел и это оскорбление можно смыть только кровью. Я смотрел на них как на персонажей произведений Джека Лондона, а они на меня как на чудака, который вместо того, чтобы спать, читает газеты и книжки. Однако, несмотря на языковую преграду, мы понимали друг друга. Они, между прочим, научили меня уважать крыс. На нашем суденышке их было множество. Финны следили, чтобы всегда я оставлял крысам немного еды, так как тогда они якобы становятся более кроткими. Случилось однажды, что кто-то из команды убил крысу (рассказывал мне са-

мый старший по возрасту фини), а на следующий день вся команда осталась босой, так как крысы сожрали всю обувь. С крысами и у меня бывали приключения в камбузе. Вошел я туда как-то, чтобы приготовить ужин, и увидел перевернутую вверх дном кастрюлю, с шумом передвигающуюся по полу. Я поднял кастрюлю, и из-под нее выскочило большое и тучное животное. Крыса не сразу исчезла. На секунду она задержалась, словно хотела увидеть, кто ее освободил из металлического ящика. В другой раз я лежал и читал книжку. Внезапно лампа, висевшая под потолком, начала ритмично мигать, как сигнальный аппарат. Свет то темнел, то делался более ярким. Я пригляделся и заметил, что в колпаке лампы что-то движется. Встал, приблизился к лампе и в этот момент почувствовал, как мне на голову прыгнуло крупное животное. Пробежало по спине и соскочило на пол. Потом писк, тишина — и никаких следов. Крыса мгновенно исчезла в какой-то дыре.

Команда хвалила мою стряпню, к крысам я привык, морской болезнью не страдал, начал даже учить финский язык, и вдруг оказалось, что я должен покинуть судно. Шкипер помирился со своим родственником, который до меня плавал в качестве кока, и отказался от моих услуг.

В следующий раз я отправился из Мюнстера в Бонн. В столице Федеративной Республики я должен был получить работу, за которую, как уверял Хофф, кроме вознаграждения мне должны были предоставить бесплатную квартиру. Это казалось очень заманчивым, так как плата за снимаемые комнаты в ФРГ очень высокая. Квалифицированный рабочий — а следовательно, получающий больше, чем я мог получить, — вынужден расходовать на эту цель от четвертой части до половины заработной платы.

Выехал я в Бонн и попал в приют для бездомных. Я разочаровался сразу же, но по необходимости должен был воспользоваться и этой возможностью. Приют был предназначен не для иностранных беженцев, а для немцев. Мне там поручили функции младшего кладовщика, что практически означало работу в качестве курьера и рабочего для переноски тяжелых тюков, уборки и т. п. Обещанная бесплатная квартира оказалась не чем иным, как местом на ночь в общем помещении с бездомными.

После первой ночи у меня пропали рубашка и носки. Может быть, стыдно признаваться в этом, но я попросту дал себя одурачить. В тот момент, когда кто-то открыл дверь, я одевался. Желая посмотреть, кто входит, я отвернулся от кровати, на которой лежали мои вещи. Этого момента было достаточно, чтобы у меня пропало все, что я не держал в руках, не имел одетым на себе и не прижимал ногой. Прежде чем я опомнился настолько, чтобы кричать «Держи вора!», половины людей, пользующихся ночлегом, уже не было. Я знаю, что сейчас должен описать, как выглядят и кем являются те, кто в Федеративной Республике проводит ночи в подобных заведениях. Однако я боюсь, что не сумею воссоздать всех красок этой мрачной картины. Слишком хорошо я помню «На дне» Горького и «Мыши и люди» Стейнбека, чтобы рискнуть изображать эту среду бродяг, нищих, наркоманов, мелких жуликов и бандитов, каждый из которых имел собственную историю падения, так не гармонирующую с парадным фасадом жизни в стране «экономического чуда».

Из Бонна я значительно быстрее, чем из Гамбурга, вернулся в Мюнстер. Начальник господин Хофф имел право не принимать меня обратно, однако принял, видя мою беспомощность, которая была, разумеется, наигранной.

В Мюнстер первый раз я приехал в марте 1964 года. Теперь, когда я убедился, что не смогу работать в Бонне, был май. В этот период я несколько раз выходил на связь с Центром, чтобы сообщить о моих очередных намерениях и получить санкцию на их осуществление. Впрочем, однажды одобрения я не получил. Мне представилась возможность получить данные, которые, по моему мнению, должны были интересовать нашу разведку. Я сообщил об этом в Варшаву. Но вместо ожидаемой похвалы за инициативность, я был сурово и резко предупрежден, что не должен забывать, зачем нахожусь в ФРГ и какое задание имею. «Ты должен действовать в соответствии с инструкцией, и только в соответствии с инструкцией», — напомнили мне. Со временем я понял, что эти «сенсационные материалы», которые сами шли мне в руки, могли быть простой приманкой, на которую хотели меня, желторотого птенца, поймать. Но тогда в Мюнстере я почувствовал себя немного обиженным, а моих шефов в Центре счел рутинерами.

Между мартом и маем я выслал Новаку и Которовичу несколько писем. Я описывал в них, где я и что делаю, в надежде, что таким образом немного продвину вперед решение вопроса о моей работе на радиостанции «Свободная Европа», а если даже и не продвину, то хотя бы напомним о своем существовании. Отвечал мне только Которович и всегда в оптимистических тонах. Он призывал меня иметь капельку терпения, так как, по его мнению, все шло по правильному пути.

То, что в одну из суббот, сидя вечером в клубе-столовой, я познакомился с тремя братьями, можно назвать делом случая. Беседа началась за кружкой пива. Они расспрашивали, кто я, когда покинул Польшу, что собираюсь делать. О себе рассказали, что служат в охранной роте Британской рейнской армии шоферами. Слово за слово, как это обычно бывает, когда встречаются соотечественники, — и мы перешли к делу. Я узнал, что в охранную роту нужны водители и охранники (они сказали: вахманы).

— Подумай хорошенько, — сказал один из братьев. — А мы выясним в Хампе, есть ли у тебя какие-нибудь шансы попасть туда. Через две недели мы вновь заскочим сюда к семьям и дадим тебе знать что и как. Если все будет «о'кей», поедешь с нами. Договорились?

Я не возражал. Ведь я ничего не терял. В Хампе находилось командование Британской рейнской армии, о которой я много слышал перед выездом из Польши.

Трое братьев не подвели. Благодаря им неожиданно я оказался в Хампе, в казармах охранной роты Британской рейнской армии.

Там я должен был написать заявление, автобиографию, заполнить анкеты. Потом я прошел поверхностный медицинский осмотр. Несколько дольше продолжалась беседа с работником британской контрразведки, но его вопросы носили формальный характер. Полученное недавно право на политическое убежище явилось достаточной рекомендацией. Меня приняли.

Позднее я получил на складе мундир — британского покроя, но черного цвета — и другие предметы личной экипировки, которые упаковал в большой мешок. Поместили меня в комнату, предназначенную на шесть человек. На остальных пяти кроватях спали водители. Только

я в этой компании был вахманом, а точнее, кандидатом в вахманы, поскольку должен был пройти обучение.

Обучение заключалось в усвоении некоторых элементов муштры с оружием и без него, что отняло у меня более десяти часов. Несколько часов продолжалось изучение оружия. Немного дольше мы занимались на стрельбище. Через неделю я был готов к службе. Потом еще несколько дней затратили канцеляристы, чтобы зачислить меня на довольствие, выписать различные бумажки и т.п.

В начале июня 1964 года я, таща мешок с багажом, высадился на вокзале в Миндене. Здесь меня ждала автомашина и солдат из охранной роты. Через час я докладывал о своем прибытии в Штейерберге.

Задачей нашей части была охрана большого склада горючего, расположенного на краю лесного массива. Территория склада была огорожена высоким сетчатым забором, в котором имелось несколько ворот и возле каждого — караульная будка. Дежурство у ворот несли без оружия, так как слишком часто имели место случаи самоубийства часовых. Незадолго до моего приезда сюда молодой паренек лет двадцати с небольшим, стоя на часах ночью, вложил себе в рот дуло автомата и нажал на спусковой крючок. С того времени на посты у ворот автоматы не давали. Оружие стояло в главном караульном помещении. Часовые у ворот имели только кнопки сигналов тревоги. За десять месяцев, которые я провел в Штейерберге, я только дважды слышал эти сигналы, и оба раза тревоги были учебными.

А вообще-то учениями нас слишком не мучили. Службу несли мы в две смены — двенадцать часов дежурства и двенадцать отдыха. Во время дежурств кто-то из офицеров вспомнил однажды, что мы в некоторой степени являемся военными, и вздумал занять нас чисткой оружия и быстрой разборкой и сборкой очень простых по конструкции автоматов. Другие же офицеры позволяли нам дремать и сами дремали, за что, разумеется, мы необижались на них.

Жилищные условия в Штейерберге были, пожалуй, хорошими. Мы жили в длинных двухэтажных низких домах, крытых красной черепицей. Красными были и сами дома, так как фасады были выложены из облицовочного кирпича. О первоначальном предназначении этих домов рассказывали две разные истории,

Говорили, что в этих домах должны были жить чистокровные, согласно критериям фашистской расовой теории, молодые немки, которые для блага третьей империи добровольно соглашались за самое короткое время родить как можно больше «расово чистых» детей. К ним приезжали отборные эсэсовцы и делали все, чтобы порадовать «любимого фюрера» большим количеством новорожденных.

Из второй истории следовало, что поблизости находился большой подземный военный завод. На нем во время второй мировой войны якобы производилось какое-то секретное гитлеровское оружие. Ученые и инженеры, а также техники, руководившие работой, жили в домах, в которых теперь размещались мы.

Судя по внутренней архитектуре наших домов, обе версии равно могли быть правдивыми. Дома были спланированы по гостиничной системе. Вход во все комнаты был из коридора, а в каждой из них при максимальном использовании площади помещалось не больше трех кроватей.

Я жил в двухместной комнате с мужчиной значительно старше меня. Он попал в Германию после сентября 1939 года в качестве пленного. Это был спокойный и малоразговорчивый человек. Он делал свое дело и не вмешивался в чужие.

Сброд — это слишком слабое слово, чтобы передать ту огромную разнородность людей по возрасту, национальности, образованию, характеру и облику, которую я встретил в своей новой среде.

В охранных ротах служат мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет. В Штейерберге большую группу составляли поляки, жившие, пожалуй, в согласии с украинцами, литовцами и двумя русскими.

Один из этих русских, Попов, добродушный великан, стал однажды причиной серьезного скандала. Его начали подозревать в прокоммунистических настроениях, и у британской военной контрразведки появилось немало хлопот. Я допускаю, что русский явился жертвой слишком усердных осведомителей, так как система внутреннего наблюдения в охранных ротах весьма развита. Британцы имеют в них своих агентов. Личный состав этих рот охраняет военные склады, возит военное имущество на полигоны и базы. Британская контрразведка исходит

из того, что к таким людям нужно присматриваться внимательно.

О поляках, занимающих должности офицеров и старших подофицеров в британских охранных ротах, можно писать повести. Я думаю, немногие из нас отдадут себе отчет в том, что это за люди, во имя чьих интересов несут они службу и едят чужой хлеб, что их связывает или чаще сталкивает и вызывает острые конфликты.

На основе собственных наблюдений я пришел к выводу, что среди них есть несколько групп, четко различающихся во многих отношениях.

Относительно многочисленной является группа тех, которые поступили сюда в период, когда подобные роты только создавались. Вскоре после окончания войны британские власти начали демобилизовывать части польских вооруженных сил, в оперативном отношении подчинявшиеся командованию союзников, а в политическом — связанные с эмигрантским правительством в Лондоне. Приблизительно тогда же западные союзники приступили к демобилизации собственных войск, не считая вооруженных сил США, которые были переброшены для военных действий на Дальний Восток.

У находящихся на территории трех западных зон оккупации Германии воинских частей было слишком много задач, чтобы они могли дополнительно взвалить на свои плечи обязанность постоянной охраны оставшихся с периода войны складов оружия, боеприпасов, горючего и т. п. Эти запасы не ликвидировались, так как в кругах политических авантюристов, не считавшихся с новым соотношением сил в Европе, начала уже тогда созреть мысль о возможности нового вооруженного конфликта. Для охраны запасов военных материалов можно было с успехом привлечь персонал значительно более дешевый, чем регулярные части, так как он не пользовался бы привилегиями военнослужащих. И именно тогда американское, британское и французское командования подумали о поляках. Ряд офицеров польских вооруженных сил и эмигрантские деятели, чтобы обеспечить себе источник доходов и сохранить в руках нечто являющееся хотя бы формальным суррогатом армии, охотно согласились на создание охранных рот. Тысячи работоспособных поляков не вернулись на родину, когда в стране начинался трудный период восстановления народного хозяйства. В течение

долгих лет они охраняли военные склады западных держав, а те, кто обязательно хотел командовать, пусть даже надев иностранный мундир, получили такую возможность.

Я встретил несколько офицеров и подофицеров поляков, которые продолжали считать, что из охранных рот еще удастся создать армию. Например, поручник Шнук или Шмук — фамилию я уже не помню — обычно говорил о себе, что был офицером уже в период Варшавского восстания. Он любил муштру. Усердно следил, чтобы солдаты нашей роты были энергичны, имели пружинистый шаг и молодецкую выправку. Но что можно было требовать от «молодца» шестидесяти лет и с ревматизмом.

Вторая группа — это офицеры и подофицеры, которые, не говоря этого прямо, всем своим обликом давали понять, что их собственная жизнь не сложилась так, как могла бы, а следовательно, и в нас они видели людей внутренне сломленных, разочарованных. Когда они давали приказания или поручения, в интонации их слов, каждом жесте можно было прочесть: «Вам не повезло, мне тоже, но вместе мы можем что-нибудь сделать, чтобы хоть чем-то компенсировать отсутствие удачи».

Третья группа — это циничные проходимцы, которые старались нажиться на водителях и вахманах из охранных рот. Для них любой способ был хорош. При мне в Штейерберге произошел весьма пикантный случай. Связан он был с подофицером, нашим официальным начальником. Его называли просто Зайцем. В Штейерберге почти все имели прозвища. Однажды Заяц приехал из Хампа в компании женщины, по которой было видно, что она живет с каждым, кто готов ей заплатить.

Заяц энергично принялся за дело. Он приказал освободить комнату, завел туда свою гостью, сам уселся возле двери и установил цену — двадцать марок. Образовалась очередь. Из выплаченного «гонорара» Заяц забрал себе половину.

Каждый служивший в охранных ротах отдавал какой-то процент своего жалованья «на культурно-просветительную деятельность». На эти деньги выпускался журнал «Последние известия». Была у нас также библиотека и читальня, куда приходила эмигрантская пресса и некоторые журналы из Польши. Однако на что шли остальные деньги из этих обязательных поборов? На эту

тому разговаривали часто. Говорили, что собранным фондом распоряжаются несколько проходимцев, устроившихся где-то наверху на теплых местечках. На получаемые суммы они без стеснения ведут «культурную» жизнь в избранном обществе.

Более непосредственно затрагивали нас частые «добровольные» сборы денег. Цели, для которых они предназначались, почти всегда были сформулированы в очень патриотическом духе. Устроители сборов прекрасно понимали, что поляки в охранных ротах — это люди когда-то обманутые, когда-то запуганные и ныне беспомощные. Их легко купить на патриотическую фразу, что и делалось. Деньги собирали для бездомных летчиков 303-й эскадрильи, для инвалидов битвы под Монте Кассино, на школы для их детей в Великобритании, для вдов погибших... Одни говорили, что это липа, другие молчали, но и те и другие платили, чтобы не раздражать шефов.

Четвертая группа наших чинов в ротах — это вконец опустившиеся люди. Они ничего уже не хотели, кроме водки и дешевых утех. К одному из них я присмотрелся поближе. Кем он был до войны? Что делал во время войны? Рассказывали разное. Кто-то мне говорил, что он был ротмистром, держал прекрасных лошадей и любил шикарных женщин. Во время войны он примкнул к подпольной организации, которую, как оказалось, создал гитлеровский провокатор. Когда это обнаружилось, он пробовал реабилитировать себя в борьбе с немцами, но ни одна организация не хотела его принять. Тогда он начал действовать самостоятельно, и вновь у него что-то не вышло. В декабре 1944 года он был арестован гестапо. Попал в концлагерь. Когда он вышел оттуда, ему не хотели подавать руки. Устроился на службу в охранную роту, женился. У него уже были две почти взрослые дочери. С женой и дочерьми он приезжал иногда в роту. Пил в клубе-столовой, а его дочери с совершенно определенной целью пропадали в казарменных комнатах или в окружающем казармы лесу. Он не мог этого не видеть. Пил, много пил...

Разграничение водителей и вахманов, служивших в ротах, было проще. Эти делились на две категории: на «старых» и «новых». «Старые» иногда были моложе «новых», так как деление шло не по возрасту, а по стажу пребывания вне Польши.

Большинство «старых» — это бывшие военнопленные, которых немцы вывезли в Германию во время войны. Попадались среди них и такие, которые сразу же после войны убежали из Польши на Запад. К «старым» причисляли также сыновей тех, кто с 1945 года жил в мюнстерском лагере, следовательно парней, если и не родившихся в Германии, то, во всяком случае, там воспитанных.

«Новые» — это недавние перебежчики из Польши, которые еще не сумели устроиться. Для них охранные роты были своего рода пересыльным пунктом, где они ожидали возможности или уехать за океан или получить более подходящую работу. К «новым» причислили и меня.

«Старые», особенно в более пожилом возрасте, рассчитывали уже на то, что, дослужив до своих 65 лет, они получат пенсию, разумеется, если до этого времени не будут ликвидированы охранные роты. Сплетни о ликвидации рот больше всего волновали «старых». И, что существенно, они не были полностью необоснованными. Американцы, например, часть своих охранных рот распустили. Через некоторое время они объявили набор в новые. Однако теперь они уже не принимали пожилых людей, сэкономив таким образом доллары, которые им причиталось бы истратить на пенсии через несколько лет. Не поступят ли англичане подобным образом, беспокоились люди. У «новых» не было таких забот. Из Польши они уехали относительно недавно, оказались в ФРГ в тот период, когда безработица там была ликвидирована и найти работу было относительно легко. Поэтому рассказы «старых» о голоде и угрозе безработицы они слушали с недоверием и усмешкой, почти так, как историю об одном старом вахмане, у которого нашли мешок сухарей. Над этим бедняком издевались даже тогда, когда стало известно, что этого человека гитлеровцы в течение какого-то времени держали вместе с советскими военнопленными в лагере, где убивали голодом.

Среди «старых» было много алкоголиков. Некоторые пропивали все, что зарабатывали, так что не имели даже гражданской одежды, в которой могли бы выйти за территорию казарм. В получку денег они не брали, так как все выплаты за них уполномочен был делать буфетчик, который в границах определенной суммы выдавал им алкоголь. Если у них было желание выпить еще, то они выклянчивали у коллег 50 пфеннигов на бутылку вина.

В период, когда я был в Штейерберге, известной личностью в казармах был некий Каланто, который в Германию попал в качестве военнопленного в сентябрьскую кампанию 1939 года. Днем он занимался главным образом подметанием территории. Летом еще солил огурцы, делая это весьма умело. Вечерами сидел в солдатском буфете и пил. Когда уже не имел, на что пить, разыгрывал вместе с одним литовцем примитивные пантомимы порнографического характера. В таких случаях почти всегда находился кто-нибудь, кто или ставил ему пиво, или давал полмарки. Одни потому, что их это веселило, другие просто из жалости к алкоголику.

Другой старый вахман — один из тех, кто как напился от радости по случаю падения третьей империи, так и не протрезвился до сих пор, — вышел однажды вечером из буфета бледный и шатающийся. Никто не обратил на него внимания, так как подобный вид не был для него чем-то необычным. А на следующий день его нашли на помойке мертвым. Он умер там от сердечного приступа. Может быть, быстрая медицинская помощь и спасла бы его от смерти, но кто знает, хотел ли он вообще, чтобы его спасали...

Солдатский буфет был главным пунктом, где сходились люди. Здесь каждый вечер собирались все, кто имел еще немного денег, чтобы выпить бутылку пива или купить сигарет. Первым буфетчиком, которого я застал, когда приехал в Штейерберг, был человек с разносторонними интересами. Он крал и обманывал, но каждый год совершал паломничество в Рим, чтобы увидеть папу и получить его благословение. Преемником этого буфетчика стал Дычковский, тот самый из Цирндорфа, носивший кличку Копыто. Он получил наконец право на политическое убежище, но устроиться в ФРГ не сумел. И вот, когда он написал мне, что ищет работу, я подбросил ему мысль занять должность буфетчика, которая как раз освобождалась в наших казармах.

Дычковский не был единственным человеком, с которым я переписывался, находясь в Штейерберге. Я писал десятки писем еженедельно — мне это было нужно по разным причинам. Писал также и родителям. Первое письмо домой послал еще из Цирндорфа, сообщая, что решил не возвращаться на родину, так как хочу посмотреть мир. Родители, естественно, не были информирова-

ны о моей работе в разведке, не знали, что мое «бегство» из Польши было лишь тактической уловкой. Обычно на письма, адресованные обоим родителям, отвечал отец. На этот раз написала мать. Задача у нее была не легкая. Интуитивно она чувствовала, что мне нелегко вдали от родины, но в то же время она не могла не написать, какую боль я им причинил. Беспокоилась обо мне. Через некоторое время я получил от нее посылку, в которой были пальто, свитер и теплое белье. Эти вещи мне оченьгодились в морозные дни в Цирндорфе. На мои письма из Штейерберга по-прежнему отвечала мать. Отец молчал. Из материнских намеков я понял, что он не простил меня. Я был горд за него.

Между тем мать по-прежнему старалась мне помогать. Несколько раньше она написала родственникам в Канаду и попросила их постараться забрать меня из ФРГ к себе. В результате хлопот дальних родственников я получил вызов в канадское консульство. Я должен был явиться туда, так как всем рассказывал, что мечтаю уехать за океан, но одновременно боялся, как бы канадцы на самом деле не пожелали увидеть меня гражданином их страны. Из Канады было бы труднее поддерживать контакты с радиостанцией «Свободная Европа». К счастью, от обитателей лагеря в Цирндорфе я уже знал, кого Канада «не впускает». Во время беседы в канадском консульстве я держался так, что беседовавший со мной служащий должен был быть злостным саботажником, пренебрегающим инструкциями своих властей, если бы дал обо мне положительный отзыв. Через некоторое время я получил извещение, что не отвечаю требованиям, предъявляемым иммигрантам в Канаде. Мать, уведомленная канадскими родственниками о бесплодности их хлопот, расстроилась. Она писала мне об этом. Я же не мог сообщить ей, как я рад такому обороту дел. Поэтому я отвечал ей как можно сдержаннее. Во всяком случае, мне так тогда казалось. Однако когда после возвращения на родину я просмотрел эти письма (мать их все время хранила), то увидел, как угнетающе действовало на меня пребывание в охранных ротах.

Я переписывался также с родственниками и знакомыми в Великобритании. Там жила одна девушка, которую тогда я очень хотел увидеть. Поездке в Англию я собирался посвятить свой отпуск. В связи с этим я начал

хлопотать о визе. Я помнил любезных, исполнительных служащих британского посольства в Варшаве. Но тогда в руках у меня был польский паспорт. Теперь же, входя в британское консульство в ФРГ, я был лицом без гражданства, политическим беженцем. Работники консульства смотрели на меня как на преступника. После серии различных вопросов, касающихся биографии, последовал и такой:

— А на что вы будете жить в Великобритании?

— У меня есть деньги, — ответил я. Действительно, я из своего жалования сэкономил немного марок.

Узнав, какой суммой я располагаю, чиновник заявил:

— Это, пожалуй, слишком мало...

Визы я не получил и поэтому обратился с прошением к английской королеве. В своих письмах я не жаловался на отношение ко мне ее чиновников, мне хотелось только добиться визы. Наконец я получил уведомление, что должен вновь обратиться в консульство для обсуждения вопроса о визе.

Я переписывался также с Которовичем и несколькими другими работниками так называемого польского отдела радиостанции «Свободная Европа». Которович отвечал все реже. Чувствовал он себя скверно, но все еще успокаивал меня, советуя набраться терпения, так как «все идет хорошо», что, впрочем, я знал не только от него. Потом он замолк. В октябре я прочитал в «Последних известиях» некролог, посвященный Которовичу. Теперь из «Свободной Европы» писали мне иногда Птачек и Юлицкий-Розпендовский. Они получали от меня различные материалы. Помню, что один из них касался общественной работы студентов, а точнее — студенческих бригад, выезжавших на уборку урожая, их организации и задач. Поскольку во время учебы в Варшавском университете мне пришлось однажды организовывать такие бригады по поручению Союза социалистической молодежи, я написал проект статьи, выдержанный в тоне, о котором я договорился еще с товарищами в Центре. Я даже не знаю, передала ли «Свободная Европа» этот текст в эфир. Будучи в охранной роте, я, как и другие вахманы, редко слушал эту радиостанцию. Были там два или три офицера, которые проявляли живой интерес к передачам «Свободной Европы», но большинство вахманов и водителей считали, что у них «не все дома». Да и могли

ли люди, которых нищенские условия существования вынудили пойти на службу в охранные роты, иначе расценивать дешевую пропаганду радиостанции «Свободная Европа», взалхлеб восторгающей «чудесами» Запада?

В связи с приходившими на мое имя письмами в фирменных конвертах с типографским оттиском «Radio Free Europe» у меня однажды произошел разговор, который я часто вспоминал позднее. Один из вахманов, Вацек, которого называли Медведем за его огромную силу, увидел как-то такое письмо. Вацек был выходцем из Белостокского воеводства, он родился и воспитывался в глухой лесной деревушке. Я уже не помню, рассказывал ли он подробно, как попал на Запад. Запомнил только, как он мне объяснял, почему это сделал. Насмотрелся он, как ведут себя и как живут в течение нескольких недель те «иностранцы» поляки, кто сэкномленную у себя валюту решил истратить за один отпуск в своих родных местах в Польше.

— Люди восхищаются лаком на их машинах, — рассказывал он с восторгом. — Девушки расстилаются перед ними, как свадебный ковер в костеле. Все у них есть, живут в свое удовольствие. И я тоже так поживу, — убеждал он меня, — через пять-шесть лет, когда уже буду иметь иностранное гражданство...

Вацек намеревался перебраться из Европы в Южно-Африканскую Республику. Не знаю, почему именно там он надеялся найти райскую жизнь. Пока же, как и многие другие мечтатели, он служил в охранной роте. Меня поразила его реакция, когда он увидел письмо, присланное мне из радиостанции «Свободная Европа». Он сразу набросился на меня:

— Ты что, сумасшедший?! Зачем связываешься с этими проститутками? Наша «беспека» должна ведь там иметь своих людей. Засекут эти письма, и как ты сможешь потом ездить в Польшу? Никогда не поедешь: страх тебе не позволит. А я, увидишь, буду ездить!

Я стоял как вкопанный: он ошеломил меня. Позднее, когда я уже, как работник радиостанции, высылал в Центр копии приходивших в «Свободную Европу» текстов, авторами которых были люди, считавшие себя умными и образованными гражданами нашего государства, я не раз вспоминал о Вацекке. Этот парень, во всяком случае, не был глуп.

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ НА РАДИОСТАНЦИИ „СВОБОДНАЯ ЕВРОПА“

В начале 1965 года я получил письмо с уведомлением, что могу быть принятым на работу на радиостанцию «Свободная Европа», если не изменил своих первоначальных намерений.

Если бы это зависело только от меня, я, может быть, и изменил бы намерения. Но ведь я выполнял конкретный приказ, и «Свободная Европа» (а точнее, разместившиеся под ее вывеской разведывательные ячейки ЦРУ) не перестала быть для меня целью номер один. Поэтому я написал в Мюнхен, что только и мечтаю о работе на радиостанции и очень рад, что этот вопрос решен положительно. В данном случае я действительно не преувеличивал. Хотелось наконец достичь цели, оказаться в кругу людей и проблем, теоретически изученных в Центре, хотелось в конце концов стать лицом к лицу с моими противниками, о которых я столько слышал. Мне надоело влачить жалкое существование в лагерях, осточертел ма-разм охранных рот, я по горло был сыт западным образом жизни.

Когда перед выездом в ФРГ я спросил Генрика, надолго ли я еду, он ответил: «Время пребывания будет зависеть от конкретных оперативных нужд. Ничего заранее в данном случае нельзя планировать. Однако я думаю, что это не продлится дольше, чем два-три года...»

Мне запал в память этот ответ. Поэтому когда я узнал о представившейся возможности устроиться на работу на радиостанцию «Свободная Европа» начиная с апреля 1965 года, то сразу сделал простой подсчет. Из него вытекало, что к концу 1968-го или самое позднее в начале следующего года я вновь буду в Польше. Этот срок мне показался небольшим, и я заранее обрадовался, не видя впереди каких-либо серьезных осложнений. Получилось, однако, иначе. Я не только вынужден был находиться в Мюнхене дольше запланированного срока, но и тогда, уже как работник радиостанции «Свободная Европа», продолжал оставаться, хотя и в иной форме, на задворках жизни. Персонал «Свободной Европы» изолирован от хода нормальных повседневных дел столицы Баварии, отделен стеной недоверия от мюнхенцев, подверг-

нут всеобщему бойкоту и даже — как я заметил — определенному сознательно подчеркнутому презрению. Многие люди смотрят на работников радиостанции «Свободная Европа» как на непрошенных гостей, выполняющих работу, которая никому не приносит пользы и не делает чести. Персонал «Свободной Европы», образно говоря, посажен в позолоченную клетку, составляет изолированный микроскопический мир, наглухо закрытый и бдительно хранящий свои секреты.

Весной 1965 года я еще не знал этот мир так хорошо. Радовался только, что худшее осталось позади. Расставшись с охранной ротой, я воспользовался случаем и съездил на неделю в Лондон. Письма к королеве действовали. Британскую визу в конце концов я получил. Эта поездка была мне нужна по многим существенным причинам. Отпуск удался на славу. Я снова встретил людей, с которыми познакомился во время своего первого пребывания в Великобритании.

Довольный успешным решением самого трудного для меня вопроса и приятно усталый после проведенного в Лондоне отпуска, я ехал в столицу Баварии почти без всяких забот, как в туристическую поездку. От скуки я любовался прекрасными пейзажами, проплывавшими за окнами вагона.

Поезд из Лондона в Мюнхен долго едет вдоль Рейна. Это одна из наиболее живописных дорог в Европе. Из окна вагона не видно, что Рейн сегодня — о чем я многократно читал в западногерманских газетах — это крупнейшая клоака мира, поскольку в нем содержится больше промышленных отходов, чем воды. Появляющиеся на поверхности пятна масла придавали даже красоту этой реке, так как в лучах весеннего солнца они переливались всеми цветами радуги на волнах от проплывавших самоходных барж и белых пассажирских теплоходов. Движение по этому водному пути было оживленным. На склонах окрестных холмов грелись на солнце виноградники. В это время года они напоминали линияющих ежей, так как из земли торчали только ряды жердей, на которых еще не зеленели виноградные лозы. За виноградниками тянулись леса, а пространство между ними и террасами полей было густо усеяно деревенками, сгрудившимися вокруг церквей со стрельчатыми башнями, и красиво расположенными городками. То тут то там на вершинах хол-

мов остро вырисовывались башни замков. Такие замки со множеством башен, с выступами в стенах, бойницами и крутыми крышами любят рисовать художники в исторических книжках, предназначенных для детей и молодежи. Замки над Рейном выглядят романтически, ассоциируются с повестями о рыцарских турнирах, приключениях и благородных поступках. Историческая правда, связанная с ними, более прозаична. За зубчатыми стенами и башнями этих строений никогда и никто не укрывался от стрел и пушечных ядер. Нынешние формы большинства таких замков являются творением конца XIX и даже начала XX века. Готический собор в Кельне, чтобы он более соответствовал требованиям стиля, тоже еще достраивался в 1842—1880 годах, то есть уже после победы пруссаков под Седаном. На деньги, которые побежденная Франция выплатила в виде контрибуции, бисмарковская империя понастроила себе готических достопримечательностей.

В Мюнхене я ориентировался уже достаточно свободно. По своим предыдущим приездам я уже знал отель, в котором радиостанция «Свободная Европа» резервировала комнаты для таких гостей, как я. Когда в Мюнхен приезжали люди с фамилиями, когда-то известными в Польше, чтобы записать передачу, оплеывающую страну, которой они обязаны своей прошлой славой, радиостанция «Свободная Европа» не жалела денег. Их помещали в роскошных апартаментах. Моя комнатуха в отеле «Адриа», так же как позднее и комнаты в отеле «Морена», была крохотной. В ней помещалась кровать, умывальник и шкаф, такой тесный, что в нем с трудом поместились вещи, которые я привез, а их было у меня немало.

Энглишер Гартен в Мюнхене — это обширный парк в английском стиле: деревья и кусты растут здесь якобы без людского вмешательства, не подрезанными, не подстриженными. В Энглишер Гартен приходят прогуляться и выпить пива в многочисленных рестораниках. Парк тихий, хотя и небезопасный. Рассказывали о совершаемых в нем нападениях в целях грабежа и разгуливающих по ночам выродках. В последние годы эти слухи и рассказы получили новую питательную почву. Под одним из дубов расположились хиппи. Полиция много раз их прогоняла, но они возвращались. Со временем на адрес «под

дубом» стали приходить письма, там соорудили даже нечто вроде почтового ящика. Со стороны «порядочных» жителей Мюнхена, старающихся выглядеть образцом всех буржуазных добродетелей, на хиппи сыпались громы и молнии. Обывателей возмущало то, что в Энглишер Гартен на глазах проходящих господ хиппи творили то же самое, что сами эти «порядочные» люди делали без свидетелей, охотней всего вне собственного дома. Разумеется, я далек от того, чтобы восхвалять хиппи и их оригинальные обычаи, но чем дольше я находился в ФРГ, чем лучше узнавал солидных господ, для которых марка автомобиля, величина телевизионного экрана и толщина бумажника были единственным мерилom ценности человека, тем больше терпимости проявлял по отношению к этим разочарованным в жизни юношам и их неопытным девушкам.

Одна из улиц, ведущих к парку, также называется Энглишер Гартен. Именно на ней под номером один стоит импозантное здание с фасадом из алюминиевых плит и стекла возле Арабеллаштрассе. Сравнивая резиденции этих двух радиостанций, директор «Свободной Европы» вполне может чувствовать себя несправедливо обойденным. Единственным утешением для него является близко расположенный парк и теннисные корты, охотно посещаемые любителями этого вида спорта.

Чтобы войти в здание радиостанции «Свободная Европа», нужно иметь пропуск. Работники, проходящие испытательный срок (он длился обычно три месяца, иногда дольше), имеют пропуска одного цвета, а те, кто его выдержал, — другого. Пропуска имеют формат приблизительно такой же, как проездные месячные билеты на городском транспорте. На них наклеены фотографии, и покрыты они прозрачным пластиком. Пропуска предъявляются при входе вахтерам, обычно рослым мужчинам, одетым в костюмы одинакового цвета и покроя. Вахтеры вооружены, но оружия открыто не носят. Пояса с пистолетами в кобурах появляются на них в дни выплаты жалования. Тогда они стоят не только у выходов, но и у касс.

Изучение системы наружной охраны здания, способов несения службы вахтерами, их характеров, привычек и навыков отняло у меня вначале порядочно времени. Я должен был лично проверить все это, запомнить много

важных для меня деталей, убедиться, когда и как я смогу после рабочего времени входить и выходить из здания. Через некоторое время система охраны не являлась для меня секретом.

Посторонние лица, приходящие на радиостанцию, обращаются в холле к девушке, которая сначала спрашивает, имеет ли господин «икс» желание встретиться с господином «игреком». Вызванный работник радиостанции «Свободная Европа» должен получить от своего шефа соответствующее разрешение, а затем лично сам спуститься к посетителю. Если хочешь провести его внутрь здания, необходимо написать ему пропуск, на котором точно отмечается время прихода и ухода. Для тех, кого не приглашают внутрь, в вестибюле стоят кресла.

Я показал девушке письмо, приглашающее меня на работу на радиостанцию «Свободная Европа». Она позвонила, кто-то ко мне вышел, и началось выполнение формальностей.

Радиостанция «Свободная Европа» является учреждением, возникшим по инициативе ЦРУ и финансируемым американской разведывательной службой. В течение длительного времени этот факт старались тщательно скрывать от общественного мнения даже на Западе. Позднее, когда то там то здесь начала появляться информация об этих связях, руководители радиостанции сами или голосами дикторов клялись перед микрофонами, что обвинение «Свободной Европы» в каких-то контактах с ЦРУ «несерьезно», не соответствует действительности.

«Польская» радиостанция, как утверждалось, пользовалась только американской благотворительностью, воплощенной в радиопередатчиках, в студиях, обитых звукопоглощающими плитами, и в другого рода мелкой материальной помощи, о которой не стоит даже и вспоминать. Сейчас, после дискуссии в конгрессе США, когда факт тесной и многосторонней связи ЦРУ и радиостанции «Свободная Европа» был официально зафиксирован в парламентских стенограммах, в передачах «Свободной Европы» можно услышать несколько иные интонации. Уже не отрицается так категорически факт финансирования радиостанции ЦРУ, хотя по-прежнему умалчиваются цели и методы работы так называемых корреспондентов «Свободной Европы», а также, что еще более важно, способы использования собираемой информации.

Официальное разоблачение связей между ЦРУ и радиостанцией «Свободная Европа» поставило руководителей этой радиостанции в трудное положение. Ведь никто не отрицает, что ЦРУ занимается шпионажем, политическими диверсиями, организует государственные перевороты и покушения на прогрессивных общественных деятелей во многих странах на всех континентах. Эти факты всем известны и широко комментируются. Конечно, Новак и его люди чувствовали бы себя спокойнее, если бы никто не знал, что радиостанция «Свободная Европа» является одним из важных звеньев ЦРУ, управляемым в вопросах принципиального характера из-за океана. Секретные службы в основном действуют в тени, они не любят гласности. В конце концов я также, став работником радиостанции «Свободная Европа», не хвалился тем, что меня послало разведуправление в Варшаве. В лице Новака, Гурецкого или Заморского я видел не людей, искренне считавших себя поборниками интересов Польши, а прежде всего работников, состоявших на жаловании ЦРУ, послушных исполнителей воли американцев. Я знал характер и закулисную сторону функционирования радиостанции как инструмента ЦРУ. Поэтому меня совсем не удивили формальности, которые я должен был выполнить, переступив порог этого учреждения.

Каждый, кто хочет работать на радиостанции «Свободная Европа», должен дать письменное согласие на то, что его биография и личность будут специально изучены. Эти «исследования» производят по поручению контрразведки различные службы. Я знаю, что в моем случае полковник Ганс Фишер, носивший официально титул директора административного отдела, а фактически бывший шефом службы безопасности радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене, получил на меня несколько отзывов: от господина Б из Цирндорфа, от симпатичного американца, который допрашивал меня в Нюрнберге, и от работников британской и западногерманской контрразведок, которые «опекали» охранные роты. Мне известны также случаи, когда отзывы о поляках — кандидатах на работу на радиостанции «Свободная Европа» — старались получить через разведку непосредственно в их стране. Один из работников радиостанции, Анджей Смолинский, рассказывал мне, что, когда он почувствовал,

что некоторые его начальники стали относиться к нему с недоверием, и пожаловался на это одному американцу, тот прямо ему заявил: «Что делать? Мы запросили о вас наше посольство в Варшаве. Оно ответило, но, к сожалению, полученный отзыв не является однозначно положительным».

После сбора всей информации о кандидате в работники радиостанции Ганс Фишер часто проводит с ним беседу. На меня она не произвела большого впечатления (я прошел через гораздо более трудные испытания), но я знаю людей, которые сознательно избегали Фишера, а вызова к нему в кабинет просто боялись. Вероятно, он мог быть мало симпатичным и очень дотошным в своих вопросах. Директор по кадрам радиостанции «Свободная Европа» Рассел Пул подписывал решение о принятии на работу лишь после получения одобрения Ганса Фишера.

Каждый вновь принятый должен собственноручной подписью в присутствии свидетеля, то есть другого работника радиостанции «Свободная Европа», подтвердить, что он принял к сведению и обязуется строго выполнять инструкцию по внутренней безопасности, разработанную Security office (бюро безопасности). В период моей работы на радиостанции «Свободная Европа» эта инструкция стала еще более строгой. Работникам радиостанции нельзя было ездить в социалистические страны, контактировать с их дипломатическими, торговыми или культурными представителями. Запрещалось также звонить лицам, проживающим в социалистических странах.

О каждом, даже случайном, контакте с гражданами этих стран следовало докладывать в Security office. Работник «Свободной Европы» обязан был сообщать, при каких обстоятельствах установлен контакт, кем является osoba, с которой он разговаривал, где эта osoba живет, какие имеет политические взгляды и т. п.

Принятый на работу должен быть также сфотографирован на радиостанции «Свободная Европа». Личные документы, выдаваемые радиостанцией или с ее помощью (на радиостанции существовало специальное бюро, занимавшееся получением виз, паспортов и т. п.), были снабжены преимущественно фотографиями, выполненными собственным фотоателее.

В первый день я должен был посетить множество комнат в обширном здании радиостанции. Путешествие заня-

ло у меня почти целый рабочий день. Однако я успел на аудиенцию у директора польского отдела Яна Новака, который уже ждал меня.

Новак принял меня доброжелательно, но недвусмысленно дал понять, что ждет от меня выражения признательности за великодушный жест. В конечном счете от него зависело, буду ли я принят сюда на работу. Я знал об этом и не обманул его ожиданий: благодарил его горячо, не скупясь на приятные слова. Он получил то, чего хотел. В этой роли я выступил, пожалуй, безупречно.

В кабинете директора я вновь был представлен Казимежу Заморскому, которого Новак специально вызвал. С Заморским я познакомился за год до этого, когда в первый раз приехал в Мюнхен. Тогда он был для меня лишь одним из руководителей польской редакции, теперь я стал его непосредственным подчиненным. Таким образом, мне необходимо было сразу приспособливаться к существующей субординации, чтобы не совершить какого-нибудь промаха. В присутствии Заморского Новак проинформировал меня о подготавливаемой программной конференции польского отдела (обычно его называли «польская редакция») и предложил мне выступить на ней.

— Мы очень рассчитываем, что вы выскажетесь, — настаивал он. — Прошу подготовиться к этому выступлению. Я хотел бы, чтобы вы, как человек, который недавно покинул Польшу, рассказали нам, как польский народ оценивает свое положение. Особенно нас интересует проблема молодежи: что думают и как смотрят на свое положение студенты, молодые рабочие, крестьяне?..

Новак явно возвращался к теме беседы, которую я однажды имел с ним, а позднее — с американцем по фамилии Браун. Тогда меня спросили: «Предположим, что в Польше рушиться коммунистический строй. Могло бы молодое поколение поляков в такой ситуации представить себе реставрацию частной собственности на банки, крупные предприятия, создание заново больших поместий и восстановление родовых имений?»

Я рассмеялся тогда и начал объяснять, почему это невозможно. Помню, что употребил выражение: «Уж не настолько они тронутые, чтобы клонуть на это», которое очень понравилось Новаку, так как он услышал его, ка-

жется, в первый раз. В польской редакции радиостанции «Свободная Европа» отдают себе отчет в том, что польский язык, которым они пользуются, начинает отличаться от живого языка, на котором разговаривают в Польше, постоянно изменяющегося, обогащающегося новыми выражениями и идиомами. Впрочем, я сам после возвращения в Польшу испытывал трудности в нахождении нужных слов. Те, кто слушал мои выступления по телевидению сразу же после моего возвращения на родину, наверное, согласятся со мной. Чтобы избежать языкового отчуждения, на радиостанции «Свободная Европа» для редакторов подготавливается своего рода словарь современных польских слов и выражений. Однако большинство польских сотрудников не умеет пользоваться этим словарем. Исключением может являться Тадеуш Новакowski-Ольштынский, но он писатель, и, как мне кажется, даже способный.

Поставленный мне Новаком вопрос относительно взглядов молодежи в Польше был, как я узнал позже, важной тестовой проверкой. Американцы, то есть владельцы и фактические руководители радиостанции «Свободная Европа», на рубеже 1964—1965 гг. перестроили радиопрограмму на польском языке, так как пришли к выводу, что примитивный антикоммунизм и полное отрицание всего социалистического не вызывает отклика среди слушателей в Польше. Они стали выпускать в эфир материалы ревизионистского содержания, следуя новым концепциям политической стратегии и тактики США по отношению к социалистическим странам. Между моментом, когда бывают сформулированы принципы действий, и их практическим применением проходит, как правило, определенное время. Этот период необходим для того, чтобы общие положения приспособить к геополитическому направлению действия, придать ему определенную пропагандистскую форму, учесть интересы и пожелания потребителя. Поисками формулы для американской ставки на ревизионизм в Польше, которую могли бы принять на вооружение специалисты психологической войны, занялась парижская «Культура» и ее публицисты, особенно Юлиуш Мерошевский. Разумеется, «Культура» делала это не по собственной инициативе и не за свой счет. Этот ежемесячный журнал и его сотрудники являются, как и радиостанция «Свободная Европа», собственностью

ЦРУ. Ян Новак, первое лицо в польском отделе «Свободной Европы», иногда конкурирует с графом Ежи Гедройцем, шефом парижской «Культуры». Однако в принципиальных вопросах, как я смог убедиться, они тесно сотрудничают. К этому вопросу я еще вернусь. Пока же только напомним, что парижская «Культура» — это своего рода лаборатория, в которой американцы испытывают свои проекты политических диверсий, проверяют, годятся ли они для деятельности на Польшу и поляков. То, что признают проверенным, передают для более широкого применения в польских программах радиостанции «Свободная Европа». Совсем случайно я узнал, что вопросы о возможном возвращении частной собственности ее владельцам задавали также другим кандидатам для работы на радиостанции «Свободная Европа». Некоторые простаки, не замечая нового курса «Свободной Европы» и желая, очевидно, показать себя решительными людьми, пытались утверждать, ссылаясь на якобы имеющиеся в стране настроения, что молодежь с нетерпением ожидает возвращения помещиков, фабрикантов и самого генерала Андерса. Вместо аплодисментов их утверждения вызывали иронические улыбки, так как американцы, а вслед за ними Новак, приходили к выводу, что перед ними находятся бестолково усердные, а может даже и подозрительные типы. Во всяком случае, на работу их не принимали.

Конференция польского отдела, на которую я попал сразу же по поступлении на работу, проводилась в пансионе в Фельдафинге, у озера Штарнберг. Впоследствии на это озеро я летом ездил отдыхать по субботам, а когда уже купил себе автомобиль, то выскакивал туда и вечерами после работы. Летом там масса народу и порой трудно найти место, чтобы поставить машину. Тогда же, в начале апреля 1965 года, когда уже не было снега для лыжников, но еще холодно было гулять в гористых окрестностях озера, многочисленные отели и пансионаты, расположенные там, стояли преимущественно пустыми. Один из таких пансионатов сняла на два дня радиостанция «Свободная Европа» для проведения программной конференции польского отдела.

В конференции участвовало около шестидесяти человек. Началась она в десять часов утра, вскоре после нашего приезда из Мюнхена. Ехали дорогой на Гармиш-

Партенкирхен, то есть в сторону Альп. Проезд был так организован, что владельцы автомашин подбирали на дороге «немоторизованных» пассажиров.

Продолговатую и очень светлую столовую превратили в конференц-зал. Столы были установлены в форме подковы, центральная часть которой предназначалась для руководства. В президиум сели: Новак, Гурецкий, Михаловский, Женьчиковский. Были там также американцы Браун и Коллинс и, кажется, кто-то еще, но их лица стерлись у меня в памяти.

Конференция, которую позднее называли в польском отделе «конференцией в Фельдафинге», долго и старательно подготавливалась. Она должна была положить начало новому, с точки зрения тактики, периоду деятельности радиостанции «Свободная Европа» на Польшу. Поэтому на конференцию пригласили всех так называемых корреспондентов, то есть людей, формально входящих в польскую редакцию и работающих на нее, проживающих постоянно в разных столицах Европы. Для меня это было очень важно, ибо в течение двух дней я смог узнать почти всех, кто меня интересовал в польском отделе радиостанции.

Конференцию открыл и вел Ян Новак.

Во вступительном слове он сказал, что задачей совравшихся является осуществление необходимых изменений в программе передач на польском языке с тем, чтобы лучше приспособить ее к положению в Польше. «Уже недостаточно только критиковать коммунистическую власть, — подчеркивал Новак, — нужно перестроиться на псевдопозитивную программу». Я не хотел бы здесь хвалить «Свободную Европу», но в 1965 году Новак действительно был очень хорошо информирован о том, что делается в Польше. Эту информацию он часто получал от лиц, занимавших высокие посты в политической и общественной иерархии страны. Такое положение вещей продолжалось приблизительно до середины 1968 года. Позднее некоторые из его информаторов эмигрировали из Польши, то есть бежали или, будучи за границей, отказались возвратиться. Находясь в эмиграции и выступая зачастую цинично в роли «преследуемых», они уже открыто демонстрировали свое истинное лицо — по-прежнему продавали различную информацию. К этому вопро-

су я еще вернусь, а пока мы в Фельдафинге, на озере Штарнберг.

Если бы Новак был человеком, обладающим аналитическим умом, то он смог бы из демонстрируемых им сведений и фактов сделать более глубокие и всесторонние выводы. Однако сделать это он был не в состоянии. Желая поразить и ошеломить слушателей, произвести впечатление своими «открытиями», он сыпал фамилиями, фактами, иной раз мелкими деталями. Очевидно, он полагал, что этот фейерверк мог заменить аргументацию, логические доказательства, объективную истину. Как и другие, я слушал внимательно, сопоставляя его выводы с собственным опытом и знаниями, полученными мною еще во время подготовки в Польше.

Новак доказывал, что «Свободная Европа» в ближайшее время должна не атаковать социалистический строй прямо и грубо, а подсказывать, что и как можно было бы в нем «поправить и изменить». Он сделал ставку на ревизионизм и, не упомянув фамилии Меровского, привел многие из его высказываний на эту тему. Новак и его отдел часто подчеркивают, что «Свободная Европа» является самой активной политической частью эмиграции и, следовательно, именно она должна совместно с теми людьми в Польше, которые могут оказать влияние на «изменения в социализме», разработать программу действий, направленную на постепенное преобразование этой общественно-политической системы по образцу современного капитализма. Разумеется, слово «капитализм» в таких выводах не упоминается, не упоминалось оно, насколько я помню, и на данной конференции. На языке радиостанции «Свободная Европа» вместо него говорят «свободный мир», «свободная конкуренция», «право на политическую самостоятельность» и т. п.

В заключение Новак предложил подумать об изменениях в радиопрограмме на польском языке с тем, чтобы увеличить количество и улучшить содержание передач, которые адресованы интеллектуалам, имеющим влияние на широко понятое общественное мнение в Польше, а также молодежи. В конце он сказал:

— Здесь среди нас находится молодой беженец из Польши, пан Анджей Чехович, который, как мы надеемся, расскажет нам, как, по его мнению, мы должны реа-

лизовать наши новые программные установки, особенно в отношении молодежи...

Затем началась дискуссия.

Эта конференция, по существу, была фикцией, ибо программные установки для польского отдела, как и для других «национальных коллективов», дали американцы в соответствии с собственными пропагандистско-диверсионными концепциями. Роль Новака, собственно, ограничивалась претворением этих общих установок в конкретные указания. Он изложил их публично, чтобы получить в рамках «свободной дискуссии» нечто вроде общественного одобрения. Если бы даже он его и не получил — что было маловероятно, — все и так должны были бы выполнять указания директора. Так было на конференции в Фельдафинге и на многих других совещаниях и заседаниях. Только изредка дело доходило до полемических выступлений, особенно в присутствии тех американцев, которые, как говорили, не слишком уважали Новака. Некоторые работники польского отдела питали иллюзии, что такие выступления могут несколько ослабить позиции директора у американцев, но это были беспочвенные надежды. Новак верил в свое «предназначение» и не боялся оппонентов. Он до такой степени чувствовал поддержку ЦРУ, что никто не смел вступать с ним в открытый спор, а он сам, убежденный в своем величии, придерживался мнения, что современная Польша имеет трех выдающихся деятелей, которые оказывают непосредственное влияние на формирование польской действительности, и в числе их он без излишней скромности называл себя.

Подробное донесение о ходе конференции я выслал в Центр и поэтому мог бы точно воспроизвести ход дискуссии, но теперь, по истечении стольких лет, думаю, это не слишком интересный материал. Для меня дискуссия была важна тем, что я должен был фиксировать выступления отдельных ораторов, а кроме того (что еще более существенно), она позволяла мне ближе познакомиться с людьми, среди которых я должен был в течение ближайших месяцев и лет жить и работать.

В ходе конференции я заметил, что коллектив польского отдела «Свободной Европы» распадался на три основные группы.

Самую многочисленную из них составляли усердные защитники взглядов Новака, выражающие ему свою под-

держку без малейших колебаний и готовые выполнить любые его поручения. Тон их выступлений напоминал слова верноподданнического письма так называемой польской курии в австро-венгерском парламенте на имя императора Франца Иосифа: «Возле Твоего трона стоим и стоять хотим вечно». В такой роли я запомнил Вацлава Поморского (корреспондента «Свободной Европы» в Вене), заместителей Новака — Михала Гамарникова-Гурецкого и Тадеуша Женьчиковского-Завадского, Михала Лисиньского (делает то же самое, что и Поморский, но только в Стокгольме), Збигнева Раценского (тогда он был корреспондентом в Лондоне) и еще несколько человек.

Вторая группа состояла из тех, кто имел смелость высказывать иное мнение, нежели директор Новак. Главным оппонентом был Крок-Пашковский. Он говорил очень свободно, логично и убедительно. Когда во время обеденного перерыва я заметил кому-то, что Пашковский произвел на меня впечатление бескомпромиссного человека, то услышал:

— Тут все очень просто. Крок-Пашковский уже устроился на работу в Би-Би-Си и может огрызаться на Новака.

Действительно, он вскоре выехал в Лондон, где начал работу в польском отделе British Broadcasting Corporation. Не знаю, как у него там пошли дела, ибо Новак человек мстительный и своих противников уничтожает беспощадно. В Англии у него есть давние друзья в Интеллидженс Сервис, он знает существующие там отношения, сам когда-то работал в Би-Би-Си и не порвал контактов с ее влиятельными лицами. Я бы не удивился, если бы однажды Пашковский исчез с радиогоризонта.

В качестве оппонентов выступали также, но в несколько ином стиле, Юзеф Птачек и Тадеуш Новаковский. Их мнения только формально отличались от точки зрения Новака.

Типичным представителем третьей группы, тоже многочисленной, был Войцек Трояновский. Когда Новак говорил, что «Свободная Европа» не должна на новом этапе своей деятельности фронтально атаковать социализм, удивленный Трояновский стонал:

— О боже, так мы теперь должны социализм защищать, о социализме говорить! О боже...

Однако открыто Трояновский не выступил и, если бы дело дошло до голосования (которого, разумеется, не было), наверняка голосовал бы за программную линию, предложенную Новаком. Он ведь не очень понимал, что означает и какую цель преследует тактика «Свободной Европы». Кроме того, ему оставалось лишь несколько лет до пенсии и все свое внимание он посвящал финансовым вопросам. Он и работавшая вместе с ним жена Веслава, симпатичная женщина, зарабатывали порядочно. Но, несмотря на это, Трояновский участвовал в различных махинациях, чтобы заработать еще больше. Когда однажды он сломал руку и долго носил ее на перевязи, многие острили, что он не снимает гипса, чтобы не лазить в собственные карманы. Жадность его была хорошо известна.

Людей типа Трояновского на радиостанции «Свободная Европа» много. В определенной степени к ним принадлежит также Тадеуш Новаковский. По-разному они оправдывают свое поведение перед окружающими, но в работе всегда занимают такую позицию, чтобы не рассердить Новака. Я старался вести себя подобным же образом, хотя и руководствовался совершенно иными соображениями. Ведь не для полемики же с Новаком Центр направил меня в Мюнхен. Когда я раза два «зарвался», из Варшавы мне тут же напомнили: «Успокойся, не для того ты там находишься!»

Уже на конференции в Фельдаффинге, пользуясь удобным случаем, я решил создать о себе у Новака соответствующее мнение. Передо мной стояла трудная задача, когда мне предоставили слово и участники конференции умолкли, с интересом ожидая, что скажет не известный еще в этой среде «молодой беженец из Польши». Я был благодарен Генрику, что перед выездом в плане подготовки к выполнению задания он порекомендовал мне прочитать некоторые статьи, опубликованные в 1956 году на страницах «Попросту», «Пшегленд культурны» и «Нова культура». Подхватив главные мысли Новака и взгляды некоторых отечественных ревизионистов, публиковавших порой свои статьи в упомянутых периодических изданиях, я старался войти в русло политических концепций Меровского и поддержать связанные с ними надежды творцов нового этапа идеологической диверсии. Я сказал, что нельзя переоценивать влияние и шансы людей, занимающих крайние антикоммунистические позиции в Польше.

Эта группа немногочисленна, и ее воздействие на молодежь, родившуюся и воспитанную при социалистическом строе, весьма ограничено. Если хотите, чтобы молодежь прислушивалась к вам, то нужно говорить о социализме, который бы устраивал ее. Я не развивал до конца эти мысли, а варьировал ими в соответствии с потребностями момента — только для того, чтобы получить признание Новака. Наблюдая за ним, я заметил, что он был мною доволен. Тогда мне ничего другого не требовалось. В этой партии игры я победил. Когда я окончил выступление, мне задали несколько вопросов. Тадеуш Новаковский хотел знать, каково, по моему мнению, отношение польского народа к событиям во Вьетнаме. Не думаю ли я, что в Польше возникает новый вид патриотизма и национальной гордости за достижения ныне господствующего строя? Я ответил на эти и другие вопросы. Старался говорить свободно, хотя взвешивал каждое слово, учитывая то, что аудитория состояла из людей, привыкших к другому языку. И это испытание я выдержал.

Попутно расскажу об одном небольшом эпизоде, который хорошо отражал атмосферу, царившую в этом польском отделе. Выступивший передо мною Михал Лисиньский раскритиковал передачи радиостанции «Свободная Европа» под рубрикой «Зеленая волна», редактируемые Розпендовским. В своем выступлении он заявил, что в «Зеленой волне» юмор притянут за хвост. Во время перерыва ко мне подошел Розпендовский и сказал:

— Коллега, вы слышали, что о моих передачах говорил этот карлик? (Лисиньский — человек небольшого роста, но и Розпендовский ненамного выше его.) Ведь это дурак, который тужится быть оригинальным. Вы понимаете мое положение? Не смогли бы вы, когда будете выступать, сказать, что мою «Зеленую волну» охотно слушают студенты и вообще молодежь? Вам это не мешает, вы только скажете пару фраз, и все. А для меня это может быть важно, очень важно. Вы понимаете меня?

Я понимал.

Правда, Розпендовский пару раз надул меня на несколько десятков марок, когда по его заказу, будучи еще в охранных ротах, я писал тексты об общественных починах студентов Варшавского университета. Однако сейчас напоминать ему об этом не следовало. Я махнул ру-

кой, не желая наживать себе врагов уже с первых дней работы. В своем выступлении я сказал несколько слов о «Зеленой волне». Отозвался о ней я весьма положительно. Спустя час или два я услышал, как Розпендовский хвастался моими похвалами. Мне с трудом удалось не рассмеяться. Я был доволен, что не умолчал о «Зеленой волне», ибо таким образом проверил, каким человеком является Розпендовский. В Варшаве я познакомился с характеристиками многих работников польского отдела радиостанции «Свободная Европа». Это не освобождало меня, однако, от дальнейшего их изучения, от сопоставления известных уже оценок и мнений со свежими наблюдениями. В данном случае я лучше, чем на основе известной мне характеристики, понял, как должен в будущем вести себя с Розпендовским. Я не совершил такой ошибки, как Анджей Смолинский, который подружился с ним в начале своей работы на радиостанции, а затем в течение длительного периода, а может даже и до сих пор, не смог понять, что многими своими неприятностями в Мюнхене он обязан Розпендовскому.

Конференцию закрыл Новак. В его заключительном слове содержались в сжатом виде главные мысли, сформулированные им в выступлении при открытии конференции. Он заявил, что детальные выводы, касающиеся радиопрограммы, будут разработаны в рабочем порядке в ближайшие дни. Напомнил также о необходимости срочного создания группы, которая должна будет заняться редактированием расширенных радиопередач для молодежи. Среди фамилий лиц, предназначавшихся для работы в этой группе, была названа и моя.

Если бы кто-нибудь специально захотел облегчить мне выполнение задания на радиостанции «Свободная Европа», то и в этом случае он не смог бы выдумать ничего лучшего, чем эта конференция, с которой началась моя деятельность в Мюнхене. Еще в Варшаве я прикидывал, сколько времени займет у меня знакомство с отдельными людьми на радиостанции, и совершенно не мог себе этого представить. Даже Генрик, делавший все возможное для того, чтобы как можно лучше подготовить меня к работе на радиостанции, был не в состоянии предоставить мне такой шанс, который я получил от Новака, пригласившего меня на конференцию. В течение двух дней, проведенных у озера Штарнберг, мне удалось уз-

нать почти всех работников польского отдела «Свободной Европы», поскольку я участвовал как в официальной дискуссии, так и в кулуарных беседах, часто значительно более интересных для меня. Разумеется, я не сразу смог сопоставить имеющиеся в Центре характеристики на работников радиостанции с собственными наблюдениями. Для этого необходимо было время. Но первый, очень важный шаг я сделал.

Вечером после окончания заседания мы немного выпили, разыграли пару робберов в бридж. Хотя ставка не была высокой, я заметил, что Казимеж Заморский, мой шеф, ведет себя как азартный игрок. Полностью подтвердилась его характеристика, которую мне дали в Центре. По отношению к партнерам он был резок, не умел сохранять хладнокровие в моменты неудач, выходил из себя без всякого повода. Регистрируя эти мелкие наблюдения, я пришел к выводу, что работать с ним будет не легко.

На конференции было слишком шумно, чтобы я смог сопоставить известные мне фамилии с лицами всех работников. Зато все запомнили меня, и притом как человека, к которому сам Новак проявляет интерес. Вскоре я в этом убедился. Однажды в коридоре меня поймал Менхард и умоляюще заговорил:

— Когда вы будете разговаривать с паном Новаком, то хорошо бы было, если бы вы вспомнили о... — И тут он начал объяснять мне какую-то концепцию радиопередачи, которую он сам не мог реализовать.

Получал я и приглашения в гости. Когда же входил в кафе-столовую во время утреннего кофе или обеда, почти всегда кто-нибудь соскакивал с места мне навстречу и предлагал:

— Пан Анджей, может быть, вы подсядете к нам...

Таким образом, с самого начала я оказался в выгодной ситуации и благодаря этому мог спокойно думать о порученном мне задании. Самый трудный барьер я уже преодолел — стал сотрудником «Свободной Европы».

По первым беседам на территории радиостанции, в домах моих «коллег» и во время случайных встреч с ними на улице я понял, что в польском отделе существует еще одно деление, подобное тому, с которым я столкнулся в охранных ротах, где так называемые «старые» не любили «новых».

В польском отделе радиостанции «новые» были, как правило, молодыми. Они относительно недавно выехали из Польши и лучше знали действительное положение в стране. Большей частью они превосходили также «старых» общим уровнем развития и образования. Я имею в виду не формальное образование, а фактический уровень конкретных знаний. У «старых» в этом отношении не всегда все было благополучно. Если бы кто захотел найти хороший пример, подтверждающий тезис, что кто не идет вперед, тот пятится назад, он должен был бы искать его среди «старых» работников радиостанции «Свободная Европа». Он нашел бы добрую дюжину экспонатом, так как сам Новак, быстрый и интеллигентный на первый взгляд, оказывался слабаком во многих актуальных проблемах, притом касающихся не только Польши. Он является одним из тех чиновников, которые, заняв высокое положение, чувствуют себя призванными вершить высшую политику и понимают ее как сохранение выгодных для себя кадровых расстановок. Все свои усилия Новак направляет на борьбу с тем, что, по его мнению, может угрожать его авторитету, что не укладывается в его схемы мышления. Кроме того, он постоянно заботится о том, чтобы не прозевать каких-либо изменений и быть всегда рядом с теми, кто уже имеет силу или будет сильным в ближайшее время.

Нет нужды объяснять, что меня почти сразу же причислили к группе «новых». Это было обусловлено несколькими причинами. Некоторые из них были совершенно очевидны. Взять хотя бы знание языка. «Старые», прислушиваясь к нашим разговорам, порой совершенно не могли их понять, хотя должны были читать подготовленные для них словари современных польских идиоматических выражений. Это было им не под силу. Даже простые выражения типа «пустозвон», «предок», «молоток парень» звучали для них чуждо. Они смотрели на нас как на жителей с другой планеты, часто с раздражением и недоверием. Бывало, что некоторые из них в гнев взрывались:

— Лезет к нам столько «новых», что я совсем не удивлюсь, если в один прекрасный день варшавское радио передаст рассказ кого-нибудь из них о том, как он побывал в «Свободной Европе»...

Нас сместили эти опасения, хотя в данном конкретном случае я, по понятным причинам, предпочитал избегать шумных обсуждений этого вопроса. Однако я должен был разделять общие настроения, чтобы не вызвать каких-либо подозрений или домыслов.

Отделение Заморского, в которое я был направлен в период, когда начинал работу, состояло только из «старых». Лишь позднее пришел в него «новый», Анджей Смолинский, который в Польше был советником то ли в аппарате Совета министров, то ли в комиссии планирования. Он поехал в отпуск за границу и в Австрии попросил политического убежища. «Позаботились» о нем, разумеется, американцы и привезли во Франкфурт-на-Майне. Допросы продолжались несколько месяцев. Смолинский, должно быть, много рассказал, если его с почестями и несколькими тысячами марок привезли в Мюнхен и тут же устроили на работу на радиостанцию «Свободная Европа». Сразу же он получил и высокую, девятую ставку по жалованью, в то время как все «новые» начинали с седьмой. Такие отличия вызывали обиду и зависть, но я был доволен, так как перестал быть единственным «новым» в отделении Заморского.

Чем занималось это отделение? Чтобы ответить на этот вопрос, я должен представить несколько существенных черт структуры радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене.

Если бы мне предложили образно изобразить ее, я сказал бы, что она напоминает мухомор. Это сравнение возникает у меня не случайно, так как я люблю собирать грибы. Даже живя в Мюнхене, я выбирался в лес за грибами. Одни мариновал; другие жарил, а приготовляемые мною блюда из грибов пользовались большим успехом среди моих польских, украинских и немецких знакомых.

Итак, радиостанция «Свободная Европа» напоминает мне мухомор. Мухоморы бывают разные. Есть мухомор зеленый, весенний — белого цвета, пятнистый — с бронзовой шляпкой и белыми заплатками, красный — с белыми точечками на ярко-красном фоне. Мухомор, растущий в лесу, может даже понравиться. Но есть его нельзя, так как он ядовитый. Такой же ядовитый, как и передачи радиостанции «Свободная Европа». И если продолжать приведенное мною сравнение, то передачи «Свободной

Европы» тоже имеют окраски мухоморов. Есть такие, которые адресуются крестьянам (зеленый мухомор), крайним реакционерам (пятнистый мухомор с бронзовой, любимой фашистами окраской). Существуют передачи, пропитанные ревизионистскими взглядами (мухомор с ярко-красной окраской). Белому мухомору соответствуют передачи «Свободной Европы», восхваляющие образ жизни на Западе, оправдывающие агрессию США во Вьетнаме или Израиля на Ближнем Востоке.

Мухомор, который мы видим в лесу, — это еще не весь гриб. Это только его видимая часть — плод. Остального мы не видим, так как его грибница находится в земле. Это белые ниточки, густо оплетающие комочки земли, и гниющие в ней опавшие листья, и мертвые корни. Этих белых ниточек очень много. Уложенные одна за другой, они составили бы нить длиной несколько сот метров, а иногда даже и километр. Положенные же на весы, они перетянули бы самый великолепный плод гриба.

Сходство с радиостанцией «Свободная Европа» поразительное. Ее фасад, ее внешний облик — это радиопередачи на болгарском, чешском, польском, румынском, словацком и венгерском языках, это также несколько периодических изданий и бюллетеней, рассылаемых в редакции газет и журналов в капиталистических странах. Это деятельность видимая, ощущаемая, часто шумно рекламируемая, но одновременно имеющая целью замаскировать внутренний облик радиостанции, отвлечь внимание от старательно скрытых звеньев, деятельность, являющаяся, по существу, ширмой, за которой тянутся длинные щупальца далеко за пределы «Свободной Европы».

Благодаря счастливому для меня случаю — как это позднее объяснял, оправдываясь, Заморский — меня взяли на работу во внутреннюю ячейку «Свободной Европы», в некотором смысле изолированную от остальной радиостанции, ориентированную на выполнение заданий, которые только косвенно были связаны с ее широко известным фасадом. Во внутреннем телефонном справочнике радиостанции название отдела, в который я был направлен, звучало так: Polish Research and Analysis Unit — Польский отдел исследований и анализа. В разговорах называли его короче: Polish Evaluation Unit — Польский отдел оценок, что соответствует истинному по-

ложению вещей и хорошо отражает характер и предназначение этой ячейки.

Польский отдел исследований и анализа (подобно другим родственным отделам, например болгарскому, венгерскому или румынскому) органически входит в состав East Europe Research and Analysis Department, то есть в Восточноевропейский департамент исследований и анализа. Этот департамент, что частично вытекает из самого его названия, играет основную роль в разведывательной работе радиостанции, направленной против социалистических стран. Отдел Заморского в рамках департамента выполняет такие задания на польском участке. В соответствии с требованиями конспирации он имеет двойной характер: в нем сосредоточиваются и распределяются все касающиеся Польши материалы, которые поступали в «Свободную Европу». В части, называемой «Research», то есть в комнате F-1, собирались и обрабатывались исключительно официальные материалы, пригодные для использования в радиопропаганде. Ими могут также пользоваться люди и не работающие в «Свободной Европе», если они имеют на то согласие руководства радиостанции и получают пропуск. «Research» — это своего рода дымовая завеса для второй, секретной части этой ячейки, называемой «Analysis» или «Evaluation», где собираются и обрабатываются материалы, предназначенные для разведки и государственного департамента США. Большинство этих материалов (картотека и секретные донесения) хранилось в сейфах в комнате F-9. Самые же ценные, помеченные соответственно грифом секретности, находились в комнате F-7, где сидел Заморский. В случае необходимости работники департамента могли пользоваться в комнате F-9 необходимыми документами, с ведома начальника переносить их в свои комнаты, чтобы делать из них соответствующие выписки, а перед окончанием работы обязаны были возвращать их либо непосредственно шефу, либо указанному им лицу.

В течение трех первых месяцев работы, когда я еще проходил испытательный срок, Заморский заботился о том, чтобы я не узнал слишком много. Примеру шефа следовали также и другие, что я расценивал как нормальное явление. Поэтому я не задавал лишних вопросов, не совал нос не в свои дела, только слушал и наблюдал. Выводы часто напрашивались сами. Тогда я убедился,

что значит сказать одно лишнее слово... Будучи предупрежден в Центре, я считался также с возможностью различных ловушек или даже со специально организованной провокацией. Как новенький, не известный еще слишком хорошо другим работникам, я наверняка находился под непрерывным обстрелом многих пар глаз, был также предметом многих разговоров, которые велись за моей спиной. В этих условиях я должен был контролировать каждый свой шаг, владеть своими рефлексами и особенно не давать втягивать себя в коварные дискуссии с теми, кто искал случая поболтать со мной не только по собственной инициативе.

Казимеж Заморский, мой начальник на радиостанции «Свободная Европа», любил подражать Новаку. Старался ходить быстро и энергично, что в его возрасте не всегда удавалось, а когда говорил, особенно на служебные темы, пытался быть кратким и по-солдатски резким. Воспринималось же все это несколько иначе, так как в действительности он был попросту ординарным и крикливым человеком. Во время первой беседы, когда я официально стал его подчиненным, он похвалился тем, сколько знает иностранных языков, на скольких факультетах Львовского университета он учился и что уже написал. На его творческом счету, как он утверждал, имелось несколько книжек и несколько сот статей. Когда Заморский счел, что я уже достаточно подавлен его величием (а играл он явно на эффект), то сказал:

— Работа начинается у нас в половине девятого, и я люблю пунктуальность.

После этого вступления я был представлен сотрудникам отдела. Меня направили в комнату F-1, которая должна была стать с этого момента моим постоянным рабочим местом.

Польский отдел исследований и анализа занимал пять комнат в коридоре F на первом этаже и комнату 123 на втором этаже, где размещалась так называемая группа обзора печати. Четыре комнаты по нечетной стороне коридора F, условно обозначенные как F-1, F-5, F-7 и F-9, расположились анфиладой. Входы из коридора в средние две комнаты были наглухо заделаны, и попасть туда можно было только через дверь в комнатах F-1 или F-9.

За время моей работы на радиостанции «Свободная Европа» не изменились только сотрудники в комнатах

F-5 и F-7. В последней работал Казимеж Заморский, в комнате F-5 его два заместителя: Александр Дыгнас и Войцек Кшижановский.

В комнате F-4, куда меня посадили, я застал четырех человек. Это были Игнаций Клибаньский, Веслава Трояновская, Михалина Кончевская и Антоний Кучмерчик. Их четыре письменных стола стояли парами в центре комнаты, аккуратно заставленной архивными полками и шкафами. Для меня поставили столик вплотную к письменным столам Михалины Кончевской и Антония Кучмерчика. Мой стул стоял у входа в комнату обоих заместителей Заморского. Это было не очень удобно, но я не жаловался.

Работа начиналась в 8.30. В 10.00 был перерыв на второй завтрак. Он должен был продолжаться четверть часа, но обычно затягивался до 30 минут. В это время почти все сотрудники шли в кафе, чтобы перекусить, выпить чаю или кофе. И тогда в кафе начиналась «биржа информации». Туда приходили участники ежедневных собраний, которые утром проводились в польском отделе. В роли председателя чаще всего выступал Новак, иногда Гамарников или Завадский, реже Михаловский, позже, в исключительных случаях, Павел Заремба. Это соответствовало ежедневным коротким совещаниям, какие на наших заводах часто называются оперативками, а в редакциях газет — планерками. На них оценивалась программа предыдущего дня, высказывались предложения по передаче и заслушивались оценки, а также давались руководящие инструкции. Новак или другой ведущий собрания говорил о новых явлениях во внутренней жизни Польши. Позже он определял темы, которые должны быть затронуты в передачах.

Участники этих собраний, придя в кафе, обменивались мнениями об услышанном, делали замечания. Хвалили или осуждали выступления отдельных сотрудников. И наконец, решали, кто идет вверх, а кто упал в глазах шефов польской редакции. На все это четверти часа, конечно, слишком мало, поэтому утренние «посиделки» в кафе несколько затягивались. В редакции радиостанции на это смотрели не очень доброжелательно, но замечания делались только тем, кто уже провинился в чем-то другом. Заморский же своим сотрудникам делал выговоры, а иногда даже приказывал отрабатывать это время, ибо

он не был в состоянии отличить дисциплину от муштры, а порядок от мелочности.

Между 12 и 14 часами в кафе подавали обед. После него все приступали к работе, которая заканчивалась в 17.30.

Сначала в мои обязанности входило сортировать вырезки из польской прессы по специальным рубрикам, облегчающим четкую классификацию материала в соответствии с определенными тематическими группами, и затем раскладывать их по папкам. На радиостанции эта операция называлась файлеванием — раскладкой (от английского слова «file»). Сотрудники польской секции, даже те, кто не знал английского, охотно вылетали в свой повседневный язык много английских слов. Некоторые из них со временем «ополячились». Такую судьбу постигло слово «файл», означающее канцелярские документы, скоросшиватель, картотеку или просто дела, а также — в форме глагола — сдавать в архив, подшивать бумаги и т. д.

Сортировка вырезок из газет — это очень простая операция, как бы не играющая важной роли. Если, однако, задуматься над вопросом, кому и в каких целях она служит, тогда это предварительное мнение подвергнется определенному изменению. Печать, как и радио, телевидение, является ценным источником информации для вражеской разведки. Важно, как составляются и классифицируются полученные таким путем сведения, кто их анализирует, на какие детали обращает внимание и как в свою очередь этот сырой материал обрабатывается специалистами. Господствует общее мнение, что значительный процент информации из различных областей разведка добывает именно из этого официального источника.

В «Свободной Европе» — как я вскоре установил и затем многократно проверил — вырезки из польских газет и некоторые фрагменты из радио- и телевизионных передач накапливаются для трех главных целей. Во-первых, для нужд работников ЦРУ. Сотрудники американской разведывательной службы неоднократно требовали ту или иную папку с вырезками. Тогда относил ее сам Заморский или его заместитель Войцек Кшижановский, а чаще всего секретарь Уршула Ясиньчук. Во-вторых, для проверки секретной информации, поступающей в «Свободную Европу» из других источников, а также для подготов-

ки разных проблемных аналитических материалов, которые американцы периодически заказывали в польской секции. В-третьих, наконец, для редакторов, пишущих тексты радиопередач. Они особенно ценили вырезки из многотиражных газет, издаваемых в Польше крупными промышленными заводами, шахтами, металлургическими предприятиями и т. д. Многотиражку, издаваемую, скажем, на варшавском заводе легковых автомобилей на Жерани, даже в Варшаве читают немногие. Таким образом, когда автор передачи радиостанции «Свободная Европа» вплетет в свой текст взятое из этой газеты сообщение, что, например, у мастера Х родилась тройня, то не ориентирующийся в редакционной кухне слушатель «Свободной Европы» наверняка вздохнет: «Они там все знают». Подготовленный несколькими такими ударами, он легче поверит последующему вранью мюнхенской радиостанции.

Собираемые «Свободной Европой» вырезки пригодились когда-то для обучения группы американских студентов, выезжавших через Польшу в туристическую поездку по СССР. «Наставники» из польской секции информировали студентов о том, что они увидят в Польше, и, соответственно препарируя подобранные цитаты из наших газет, старались выработать у них иммунитет против, как здесь принято выражаться, «режимной коммунистической пропаганды». Через несколько недель, когда эти студенты возвращались за океан, они опять останавливались в Мюнхене, там описывали свои впечатления и отвечали на вопросы, содержащиеся в специальной анкете. Собранный таким образом материал скрупулезно изучался аналитиками «Свободной Европы» и радиостанции «Свобода». Спецы из ЦРУ просто хотели знать, может ли соответствующая подготовка уменьшить воздействие коммунистической пропаганды на молодежь.

Уже в начальный период работы меня часто вызывал к себе Заморский и поручал независимо от систематизирования вырезок из газет подготавливать различные разработки, необходимые, как он оговаривался, американцам.

Я должен был, например, разработать в обширном отчете намечаемые в Польше реформы системы народного образования и описать главные направления новых концепций, которые в этой области начали вырисовываться. Речь шла главным образом о поисках данных, касающихся

ся методов и масштабов гражданского воспитания молодежи в школах. Источником для этой разработки были вырезки из печати. Спустя некоторое время мне поручили написать столь же обширный трактат на тему о ядерных реакторах в Польше.

Когда в Польше началась подготовка к XV съезду Союза польских писателей, я писал о положении в писательской среде. Первоначально это должна была быть короткая, на две страницы, записка. Однако оказалось, что для американцев этого недостаточно. Они требовали более точных и мелких подробностей. Стоит напомнить, что это происходило в то время, когда «Свободная Европа» стремилась спровоцировать напряженность в среде творческих работников и вызвать открытые конфликты их с властями. Американцы хотели знать, от каких писателей можно ожидать, что они на съезде не займут — как это уточнялось в заказе — оппортунистической позиции.

Уже для разработки статьи о ядерных реакторах мне, например, не хватало материалов в папках с вырезками. Эта нехватка стала ощущаться еще больше, когда я принялся за подготовку материалов о писателях. Я обратился к Заморскому и сообщил ему о моих соображениях. Вначале он пытался под любым предлогом отделаться от меня, но я понял, что он просто тратит время. Наверняка он обращался за советом к офицерам ЦРУ, как в данном случае мне поступить. Я ведь был еще молодым сотрудником радиостанции.

Я знал, что в «Свободной Европе» есть архивы, где хранятся секретные материалы, доступ к которым возможен только с согласия американцев. Мне хотелось добраться до них, но именно поэтому я не мог действовать опрометчиво и слишком настойчиво давить на Заморского. Поэтому я начал сперва сетовать на трудности, не позволяющие мне быстро и тщательно выполнить порученную работу. Я знал, что мой шеф не любит, когда кто-либо из подчиненных долгие часы пропадает в библиотеке или читальном зале «Свободной Европы», и поэтому пытался быть в поле его зрения, подчеркивая, что в библиотеке нет нужных для работы материалов. В течение многих дней я повторял эту сцену, сообщая о том, что буду продолжать копать в справочниках и периодике. Когда я был уже уверен, что Заморский достаточно

раздражен моим постоянным пребыванием в читальном зале (ему передавали мои слова, возможно даже со злыми комментариями), я решил использовать еще и тщеславие шефа. К тому времени я успел узнать его и с этой стороны. Он всегда хотел, чтобы им восхищались. Если умело затронуть эту струнку, то это могло принести, как я полагал, определенные результаты. Таким образом, я обратился к нему с просьбой, чтобы он, как человек опытный, умный, как хорошо известный автор, больше не лишал меня своих ценных указаний.

Заморский был приятно польщен и принял позу человека, наслаждающегося своим величием.

— Так и надо, пан Анджей, — говорил он с откровенным удовлетворением. — Именно так и надо. Кто спрашивает, тот не делает ошибок. Прошу об этом постоянно помнить...

Он посоветовал мне просмотреть подшивки «Культуры» и «Жиче литератке», где я мог найти, по его мнению, богатую информацию, касающуюся писателей. Я поблагодарил его за «ценный совет», хотя уже раньше это сделал и действительно кое-какие материалы нашел. Однако меня интересовали не писатели. Надо было узнать, что находится в секретных архивах. Заморский об этом ничего не сказал. Так что я ни на шаг не продвинулся в самом важном для меня деле, говоря военным языком, продолжал оставаться на исходных позициях.

Опять на два дня я застрял в библиотеке, которая была для меня самым приятным местом во всей «Свободной Европе», поскольку туда приходило мало людей. Из польской секции чаще всего я там встречал Тадеуша Новаковского и Ежи Каневича (Тадеуш Мелешко), иногда туда заглядывал Заморский, но, пожалуй, лишь затем, чтобы проконтролировать меня.

Наконец настал день, которого я ждал. Не знаю, дали ли Заморский рискнул принять решение или американцы дали ему такое распоряжение. Если бы инициатива исходила от него, я мог бы считать, что моя игра не осталась безрезультатной. Во всяком случае, однажды он вызвал меня к себе в кабинет и произнес короткую речь. Он говорил о доверии, какое питает ко мне, новому сотруднику, и требовал должным образом оценить этот факт. Затем вручил мне несколько папок и персональных дел, вынутых из стальных сейфов в комнате F-9. В них нахо-

дились секретные материалы, к которым в принципе не имели доступа редакционные сотрудники «Свободной Европы». Еще в Центре мне говорили, что в отделе Заморского размещаются секретные архивы, но подтверждение этих сведений на месте ободрило меня. Для меня это был важный момент — я, кажется, сдвинулся с мертвой точки...

Через несколько часов, выписав необходимые мне данные, я пошел к Заморскому, чтобы вернуть ему папки. Он был чем-то занят и, желая быстрее от меня отделаться, немного даже безразлично сказал:

— Папку прошу отдать пани Уршуле, а персональные дела — пану Микицюку.

Таким образом я узнал, где, кто и что хранит. Из многих таких мелких наблюдений, зачастую пустяковых деталей, я постепенно начал строить схему поступления информации в «Свободную Европу» и ее прохождения внутри этого учреждения, особенно в той части «Свободной Европы», которая носит название Восточноевропейского департамента исследований и анализа.

В моей схеме было еще много пробелов, мест, лично мною еще не проверенных, когда неожиданно меня вызвал Заморский и, изображая заботливого начальника, сказал:

— Пан Анджей, являясь молодым сотрудником нашего коллектива, вы должны познакомиться поочередно со всеми аспектами его работы. Представляется превосходный случай: пани Уршула уезжает в отпуск, я предлагаю вам на этот период исполнять ее обязанности и познакомиться с работой секретариата.

Заморский действовал хитро. Он не хотел оставаться без секретарши и одновременно, как мне казалось, опасался взять вместо нее кого-то со стороны. Дело было не только в доверии. Причины его опасений могли быть более прозаическими. Любая другая секретарша, хорошо знающая свои обязанности, без труда поняла бы и — что еще хуже — разболтала, что пани Уршула Ясиньчук, может быть, многое делает превосходно, но не имеет квалификации, необходимой на ее месте.

Конечно, я дал согласие на предложение Заморского, предвидя (и не без оснований), что работа в секретариате, даже кратковременная, позволит мне дополнить недостающие звенья в схеме прохождения информации. Без основательного знания этого механизма я не мог бы мно-

того сделать. В игре можно рассчитывать на успех, только если знаешь слабые стороны противника. Таким образом, я последовательно продвигался к тому, чтобы, не вызывая подозрений, найти способ подключиться к цепи прохождения информации. Я знал, что этим путем сумею добраться и до источников информации, поступающей на радиостанцию «Свободная Европа».

Центр не подгонял меня. Я уже несколько раз отправлял материалы, но вместо похвал, которых я ожидал, получил указания быть осторожным и терпеливым. Я вновь как бы слышал голос Генрика, который перед отъездом неоднократно предостерегал меня от погони за быстрым успехом.

«В разведке терпение является более важным, чем, к примеру, в торговле розами, — говорил он. — Работа нашей службы напоминает высокоторное восхождение. Вначале ведется наблюдение за объектом, анализируются все препятствия, и только потом можно отправляться в путь. На трассе работаешь руками и ногами, чтобы иметь больше точек опоры. Нельзя идти дальше, если нет хотя бы одной абсолютно надежной точки. В разведке аналогично. Правда, работаешь только головой, но без проверенной точки опоры не сделаешь ни шагу вперед, если не хочешь подвергнуть себя риску провала».

Осенью 1965 года я мог уже доложить своим начальникам в Центре, что детально изучил систему прохождения информации в польской секции «Свободной Европы». При случае сообщил о нескольких незначительных изменениях, происшедших за последние недели. Я выдвинул также предложение подключиться к цепи прохождения информации, отметив, что мне будет необходима помощь Центра. Я предложил непосредственно обсудить все детали, поскольку письменный рапорт занял бы много места.

МОИ „КОЛЛЕГИ“ ИЗ ПОЛЬСКОЙ СЕКЦИИ „СВОБОДНОЙ ЕВРОПЫ“

«Рассчитываем на ваши грехи...»

Не я придумал эту фразу. Прочитал или слышал так давно, что уже не помню, кто является ее автором. Однако привожу ее, ибо план, который я осуществлял в Мюнхене, предполагал необходимость использования не-

которых личных черт характера моих будущих «коллег» в «Свободной Европе».

Перед отъездом из Варшавы, еще в ходе обучения, мне представили много интересных документов, касающихся персонала «Свободной Европы». Таким образом я узнал не только Которовича, который отыскал меня в Цирндорфе, но и других сотрудников радиостанции. Я рассматривал их фотографии, читал биографии и характеристики. Эти материалы принесли мне большую пользу. Это были плоды работы людей из нашей разведки, имена которых мне неизвестны. Считаю себя обязанным сказать, что без их многолетних усилий, без помощи, которую они мне оказали, когда я находился в Мюнхене, я не сумел бы выполнить порученные мне задания.

На чьи грехи я рассчитывал? Начну с людей, с которыми встречался чаще всего.

Моим непосредственным начальником, как уже упоминалось, был Казимеж Заморский, подписывающийся иногда Сильвестр Мора. Он родился в 1914 году; когда я с ним познакомился, ему исполнилось пятьдесят. Перед войной жил во Львове, где работал в школьной администрации. Образование его, как говорили злые языки в «Свободной Европе», завершилось уже на первом курсе юридического факультета, но Заморский, невзирая на эти замечания, охотно вспоминал, как учился в Университете Яна Казимира и как пришлось ему по вкусу те студенческие времена.

Знакомые Заморского утверждают, что уже во Львове он был сотрудником 2 отдела (разведки). Он сам не опровергал этих слухов, наоборот, хвалился своими контактами в довоенные годы. Он якобы уже в молодости столкнулся с секретными службами, а технику работы разведки и контрразведки, по его словам, изучал у лучших мастеров этой службы. Война помешала ему достигнуть на этом поприще головокружительной карьеры. Трудно выяснить, сколько было правды в словах Заморского. Неоднократно ловили его на том, что он подтасовывает факты и переплетает их с собственными вымыслами. Это особенно проявлялось тогда, когда он рассказывал о своих любовных похождениях. Его слушатели часто посмеивались над этими приключениями. Защищал его только Мелешко-Каневич, но слова этого человека никто не принимал всерьез.

Вся секция обсуждала перипетии его развода с очередной, третьей, женой Хеленой — женщиной в полном расцвете лет. В 1957 году она вместе с сыном сбежала из Польши и очутилась в лагере для перемещенных лиц. Там ее высмотрел для шефа Богумил Брыдак. Когда я работал в «Свободной Европе», пани Хелена яростно судилась с Заморским, чтобы получить развод и алименты. Между встречами в суде или у адвоката она посещала знакомых и рассказывала им различные пикантные истории о своем бывшем муже. Иногда даже подстерегала у дверей, чтобы захватить врасплох секретаршу Уршулу Ясиньчук, которая после ужина и завтрака, сияющая, покидала квартиру своего шефа.

В коротких рассказах о Заморском было много людской злобы, но он и сам часто давал повод к насмешкам. Сотрудников удивляло, например, постоянное отсутствие у него денег, хотя зарабатывал он порядочно. Кулисы этого постоянного финансового кризиса хорошо знал Брыдак, у которого шеф часто занимал деньги.

Заморский появился в «Свободной Европе» еще в 1952 году, направленный на работу Центральным разведывательным управлением. С ЦРУ он установил связь вскоре после того, как англичане уступили его, подобно Новаку, американцам. Сотрудничество Заморского с британской разведкой началось еще на Ближнем Востоке, когда вместе с армией Андерса он покинул Советский Союз. В 1945 году англичане начинали пропагандистское наступление, направленное на подрыв союзов, созданных в годы войны. Его окончательной целью, как известно, должна была явиться подготовка агрессии против Советского Союза. Заморский вместе со Стажевским, имевшим в то время кличку Петр Зверник, опубликовал пасквиль под названием «Советское правосудие». За этим «трудом» пошли следующие «труды» подобного же тематического профиля, наполненные бешеной антикоммунистической пропагандой. Теперь время от времени Заморский публикует свои статьи в парижской «Культуре».

Страстью Заморского являются азартные игры. Когда он начинает играть, то обычно теряет над собой контроль. Ищет счастья на бирже, в рулетке и в картах. В темных биржевых операциях ему всегда помогал Брыдак, когда работал еще в Польском отделе исследований и анализа. Мне часто приходилось видеть его в этой ро-

ли. С утра он изучал биржевую котировку в «Зюддойче Цайтунг». Скрупулезно выписывал курсы акций и других ценных бумаг, иногда уезжал в город и пропадал до конца рабочего дня. Брыдак не умел хранить тайны, поэтому мы знали, когда биржевые дела шли хорошо, а когда плохо. Со временем мы и без него угадывали, везет шефу или нет. Когда Заморский выпячивал грудь и пытался смотреть на сотрудников свысока, мы догадывались, что он выигрывает. А когда из какого-нибудь конца коридора доносился крик: «Вы не умеете мыслить!» (излюбленный оборот Заморского, выражающий неодобрение) — все уже было ясно, и самое большее, о чем Брыдак мог нас проинформировать, где именно споткнулся шеф: в рулетке, на бирже или в картах.

В предместье Мюнхена, как и вокруг почти всех крупных городов Федеративной Республики Германии, находятся игорные дома, не столь большие и известные, как в Монте-Карло, однако не отличающиеся от них ни атмосферой, ни клиентурой. Заморский чаще всего ездил в игорный дом в Бад-Визе или Бад-Рейхенхалль. Говорил об этом Брыдак, который иногда сопровождал шефа в этих поездках.

Однажды поздно вечером меня поднял с постели телефонный звонок.

— Пан Анджей, — услышал я голос Заморского, — извините, что звоню в такое время, но, знаете, — заколебался он, — такая глупейшая история. Я в Бад-Визе, вы меня узнаете, не правда ли?

— Конечно, пан Казимеж, — ответил я. Заморский желал, чтобы к нему не всегда обращались официально. Я узнал его по голосу, хотя не сразу. — В чем дело, пан Казимеж? — спросил я, догадываясь, что его что-то терзает, если он звонит из Бад-Визе.

Первых слов я не расслышал.

— ...не знаю, как это произошло. Мне не хватило здесь денег. Такая карта, обычное невезение. Не были бы вы любезны, если это вам не трудно, взять с собой тысячу марок и приехать сюда ко мне? Вы слышите, тысячу марок!

— Сделаю, уже одеваюсь и еду.

Меня позабавило это отчаяние шефа. Сумма высокая, но, к счастью, я имел ее. Это не было случайностью, но и отнюдь не означало, что в Мюнхене я имел очень много

денег, хотя заработки в «Свободной Европе» относительно высокие для ФРГ. Мой первый оклад плюс бесплатная меблированная квартира равнялись примерно среднему заработку хорошего инженера-конструктора на станкостроительном заводе.

В игорном доме в Бад-Визе я застал драматическую ситуацию. Заморский выглядел как маленький зайчонок, окруженный стайей сторожевых псов. Рослые пузатые мужчины говорили много и быстро. Обычно когда два баварца вполголоса говорят друг другу любезности, можно подумать, что они ссорятся. А здесь Заморскому, окруженному со всех сторон, нервно поправляющему очки, прямо угрожали полицией, бесцеремонно кричали, что разумный человек не должен играть на такую высокую ставку, если не имеет денег.

Я протиснулся между ними и встал около шефа.

— Господа, — сказал я громко, — зачем эта ссора? Сейчас же все долги будут оплачены! — Я вынул бумажник, из которого выпирала засунутая в спешке пачка синих банкнот по сто марок.

Атмосфера моментально изменилась. Разъяренные баварцы притихли и сразу же начали вести себя исключительно учтиво. Раскланивались, улыбались, размахивали руками, как торговцы, выражающие клиенту свое восхищение и полную преданность. Когда поживешь подольше в ФРГ, любой, желает он того или нет, должен привыкнуть к тому, что человек с туго набитым бумажником представляет там силу, перед которой покорно склоняют голову не только баварцы. Через несколько минут, провожаемые поклонами, мы вышли к автомобилю. Заморский, минуту назад еще съездившийся и несчастный, опять стал важен, как павлин. На обратном пути он уже почувствовал себя так уверенно, что начал даже проклинать немцев, что у него было признаком хорошего настроения.

У своего дома он прощался со мной многословно, что-то говорил об умении хранить тайну и решительно заверил, что через два-три дня заплатит долг, ибо для него это дело чести.

Долг он не выплатил до сегодняшнего дня и теперь уже наверняка не возвратит никогда. Подобным образом он поступал с Брыдаком, которому задолжал значительно больше. Брыдак умер, а его вдова, если даже об

этом и знает, не найдет способа вынудить Заморского возвратить деньги.

Из частных финансовых затруднений Заморский выходил с помощью мелких махинаций, столь несерьезных для человека, занимающего такое высокое служебное положение. Он приписывал себе сверхурочные часы, используя свои близкие отношения с Уршулой Ясинчук, которая в нашем коллективе отмечала часы прихода и ухода на работу, отпуска, болезни, а также сверхурочные часы. Никто еще от приписывания сверхурочных часов не стал миллионером. Получаемые таким путем суммы были небольшими, составляли примерно несколько сот марок в месяц.

Было время, когда я начал эти липовые сверхурочные часы отмечать (всего их набралось свыше 420) и собирать доказательства финансовых махинаций и различных служебных злоупотреблений шефа. Я не хотел быть безоружным на случай резкого изменения Заморского ко мне, а дело уже пахло этим. Мои отношения с ним, уже перед тем как я дал ему в долг тысячу марок, складывались не наилучшим образом. Были периоды, когда мы приближались к острому конфликту.

Я не затрагиваю здесь первые недели моей работы в «Свободной Европе». Тогда Заморский часто вызывал меня в свою комнату. На его столе лежали открытые и закрытые папки с документами. Достаточно было бегло взглянуть на них, чтобы заметить многочисленные грифы: «Совершенно секретно!», «Секретно!», «Для служебного пользования!», «Только адресату!» и т. д. Шеф разговаривал со мной несколько минут и вдруг выбегал, как человек, который вспомнил о включенном утюге, оставленном на приготовленных для глажения брюках. На пять, десять минут я оставался один в комнате. Обратного Заморский не входил, а влетал пулей. Неужели он думал, что поймает меня за перелистыванием документов? Наверняка он умышленно создавал такие ситуации, желая меня проверить. Подобные приемы описаны в учебниках для американских боссов как метод изучения благонадежности персонала. В США выпускается даже различное миниатюрное электронное оборудование, служащее для проверки сотрудников. В «Свободной Европе» я не встречал таких вещей, хотя некоторые мои «коллеги» часто о таком оборудовании говорили.

Заморский выводил меня из равновесия, когда тихо, подкрадываясь сзади, становился за моей спиной и рассматривал через плечо, что я в данный момент делаю, какой текст читаю или пишу. Легко можно догадаться, что он ни разу не застал меня над текстом, которого я не должен был видеть. Эта подозрительность Заморского в конечном счете меня больше раздражала, чем заставляла задуматься о ее причинах. С другими он поступал так же, поэтому я довольно безразлично выслушивал его замечания вроде:

— Пан Анджей, вы не должны только читать. Вы должны работать!

Я не стремился объяснять ему, что без прочтения материала я не мог раскладывать отобранную информацию в архивной картотеке.

Однажды дело дошло до более резкого столкновения. Причины были двойкие: формальная, которая являлась только предложом, и истинная, которую я понял только позже. Предлогом был факт, что Заморский опять поймал меня на чтении. Я тут же был вызван в его комнату в присутствии двух свидетелей. Повышенным голосом шеф упрекал, что я просто-напросто бездельничаю, и говорил, что он этого не допустит.

— Я никогда не отличался чрезмерным усердием, — отрезал я. — Живу не затем, чтобы работать; работаю, чтобы жить. Прошу сказать мне, где и какие недостатки имеются у меня в работе?

— Да ведь у вас почти нет работы! — заорал он. — Ну, я вам ее найду!

Я позволил себе бестактность в отношении начальника и тут же пожалел об этом. С полчаса он «прививал» мне любовь к труду в самых хамских выражениях.

Меня мучительно раздражал его тон, но я стоял без движения и молчал. Когда Заморский накричался вдоволь, я сказал:

— Я могу идти?

Заморский посмотрел на меня исподлобья.

— Подумаю, чем еще пан Чехович должен заняться, — заявил он сухо. — Можете идти.

Я чувствовал, что Заморский умышленно хотел спровоцировать скандал, хотел принудить меня к бурной реакции и был разочарован, когда эта попытка закончилась ничем. В конфликтной ситуации между шефом и подчи-

ненным американцы, решающие все вопросы в «Свободной Европе», всегда принимали сторону начальника. Даже тогда, когда сотрудники были правы.

Заморский явно хотел от меня избавиться, но я не мог понять почему. Если бы разнос произошел после того, как я оплатил его долги в игорном доме Бад-Визе, я подумал бы, что здесь имело место желание убрать нежелательного свидетеля скандала. Однако это произошло немного раньше. Поэтому я взвешивал все возможные варианты. Провал отпадает. Не так поступил бы со мной Заморский, если бы узнал, что я старался устроиться на работу в «Свободную Европу» не для газетных вырезок и их раскладки. В этом случае я сразу попал бы в руки чиновников подразделения внутренней безопасности, которых часто посещал, так как они работали недалеко от наших комнат. В чем же тогда дело? Я должен был решить эту загадку, это мой служебный долг. Устранение из «Свободной Европы» может полностью перечеркнуть все мои планы. На всякий случай я сообщил в Центр, что у меня неприятности, причин которых я не понимаю.

Меня заставил задуматься один существенный факт. Я пришел в «Свободную Европу» на штатную единицу, освободившуюся после Казимежа Овчарека, мужчины лет сорока, который в свое время пользовался уважением у американцев, но, несмотря на это, Заморский с ним разделался. «Почему? Как до этого дошло?» — думал я, полагая, что здесь, может быть, ключ к разгадке вопроса. Деликатный зондаж открыл мне глаза. Кучмерчик и Брыдак, наведенные моими невинно звучащими вопросами, сказали, что все началось с конфликта Казимежа Овчарека с пани Уршулой.

Это было, как говорится, попадание в десятку. Я сразу понял свою ошибку. Совершенно не нужно было восстанавливать против себя фаворитку шефа, а я повсюду рассказывал о бросающейся в глаза глупости Уршулы Ясиньчук. У меня была своя цель, но при ее осуществлении я, видимо, зашел слишком далеко. Показывал, например, присутствующим в комнате сотрудникам составленную пани Уршулой личную карточку умершего в 1936 году Игнация Дашиньского, в которой тот фигурировал как ныне работающий в Польше политический деятель. В другой раз обратил внимание сотрудников на

две карточки, составленные ею на одного и того же человека — Ярослава Ивашкевича. Различались они только записью в графе профессии: в одной было «поэт», в другой — «писатель». Кто-то наверняка передал Уршуле Ясиньчук, что я о ней думаю. Она сразу же постаралась сделать так, чтобы у меня пропало желание смеяться над нею. Она пошла с жалобой к Заморскому и — началась травля.

«Зачем тебе это понадобилось?» — подтрунивал я над собой. — Ведь живешь в Мюнхене не затем, чтобы латать крышу над зданием «Свободной Европы». Если еще не узнал всех отношений между сотрудниками, не пытайся азартно играть. Сиди тихо, делай свое дело и прикидывайся ягненком, довольным, как и другие, работой на радиостанции...»

Кое-как я выпутался из этого временного кризиса, но урок не пропал даром. Однако если бы я вовремя не понял, откуда мне грозит удар, и не изменил своего поведения, то потерпел бы непоправимое поражение.

Я дождался дня, когда и над Заморским нависли тяжелые тучи. Вначале дело дошло до столкновения между ним и Новаком. Причиной был Юзеф Мацкевич, родственник известного в Польше Цата-Мацкевича. Юзеф Мацкевич в годы оккупации пошел на сотрудничество с гитлеровцами. Командование Вильненского округа Армии Крайовой вынесло ему смертный приговор, который не удалось привести в исполнение.

Юзеф Мацкевич ныне живет в Мюнхене, ибо в «польском» Лондоне для него не было места. У него слишком темное прошлое, чтобы даже случайными связями не компрометировать эмигрантских деятелей. А в столице Баварии, под крылышком Франца-Йозефа Штрауса, увидаются немало бывших венгерских нилашистов, членов литовской организации «Железный волк», хорватских усташей и украинских националистов из УПА и дивизии СС «Галиция». В этой международной своре фашистов мелькает и коллаборационист из Вильно, называющий себя поляком и в этом качестве выступающий в списках почетных гостей во время различных сборищ западно-германских реваншистов.

Заморский был в дружеских отношениях с Юзефом Мацкевичем. Эта тесная связь в глазах Новака не была порочной до тех пор, пока Мацкевич не затрагивал в

своих публикациях вопросов деятельности «Свободной Европы» и ее так называемой польской редакции, особенно персоны самого директора. Однако, когда он упрекнул Новака в диктаторских методах, а польскую редакцию в том, что она недостаточно антикоммунистична, ибо в комментариях о матче польской команды оперирует оборотом «наши футболисты», Новак этого не выдержал и торжественно проклял Юзефа Мацкевича. Заморский должен был об этом знать, но, когда несколько эмигрантских изданий объявили о сборе средств в фонд поддержки творчества Юзефа Мацкевича, он без колебаний поставил свою подпись под этим воззванием. Он просто-напросто очень верил в поддержку своих хозяев. Новак же рассчитывал, что и на этот раз сработает проверенный уже в «Свободной Европе» механизм поддержки шефа в споре с сотрудником. Вопреки этим надеждам он достиг, однако, немногого. Заморский только ненадолго был отстранен от своих функций, но в конце концов возвратился к прежней работе. Неужели он был настолько силен в ЦРУ и Бундеснахрихтендинст, что даже Новак в борьбе с ним оказался слишком слабым? Так думать не следует. Причина его победы крылась в чем-то другом. Группа, которой руководит Заморский, имеет с польской секцией «Свободной Европы» довольно косвенные связи. С организационной точки зрения, Польский отдел исследований и анализа является, как я уже упоминал, составной частью Восточноевропейского департамента исследований и анализа. При такой системе подлинным шефом Заморского является не Новак, а Джеймс Ф. Браун, англичанин по происхождению, много лет служивший в ЦРУ уже как гражданин США. Именно поэтому, как мне кажется, в случае с Заморским принцип «при споре начальника с подчиненным первый всегда прав» не был применен.

В период, когда все кипело вокруг возникшей склоки Заморский — Новак, меня однажды пригласил на беседу Антоний Кучмерчик, известный в коллективе как один из наиболее доверенных людей директора. Он сказал мне, что с беспокойством наблюдал, как Заморский неоднократно пытался меня съесть. По его мнению, аналогичная ситуация может повториться.

— Но можете не опасаться, — говорил он убежденно, — у него руки коротки. Вам покровительствует директор Новак, у которого о вас превосходное мнение. До-

гадываюсь: вы так спокойны потому, что у вас, видимо, собраны материалы, которые могут его скомпрометировать. — Он перешел на конфиденциальный тон: — Не повредит, если запечатанный сургучом конверт с этими материалами вы отдадите какому-либо доверенному лицу, например пану Микицюку. Когда Заморский начнет на вас новую атаку, вы попросите открыть этот конверт. Это единственное средство, если вы хотите, чтобы он наконец оставил вас в покое, — советовал он чуть ли не от всего сердца.

Я остолбенел. Потребовалось много усилий, чтобы не просить Кучмерчика, откуда он знает, что я собирал какие-то материалы, касающиеся Заморского. «Блеф или провокация?» — волновал меня вопрос. Я успокоился только тогда, когда удостоверился, что и другие сотрудники нашего коллектива тоже собирали друг о друге компрометирующие материалы. Кучмерчик хотел меня прощупать, но ничего не добился.

Маневры американцев с Заморским были довольно странными. Иногда они защищали его в споре с Новакком и вместе с тем за его спиной подготавливали реорганизацию отдела, которым он руководил. Указание о подготовке плана такой реорганизации получил Анджей Смолинский вскоре после того, как чиновники ЦРУ перевели его из Франкфурта-на-Майне на работу в «Свободную Европу». Речь шла об обновлении коллектива, о подготовке его к работе с электронной системой накопления и обработки информации. В основе реорганизации предусматривалось постепенное устранение Заморского. Но одновременно те же самые офицеры ЦРУ, которые думали о том, чтобы избавиться от него, поручали ему весьма деликатные задания.

Говоря о Казимеже Заморском, следует упомянуть о Богумиле Брыдаке, который вошел в биографию шефа не только с узко служебной стороны. Богумил Брыдак умер в 1970 году. Немногом раньше он распрощался с радиостанцией «Свободная Европа». Когда я с ним познакомился, он много пил. Редко делал это один, иногда в компании Заморского, который долгое время защищал его у мюнхенских боссов ЦРУ. Лечение от алкоголизма в различных закрытого типа санаториях не давало результата. Обычно проходило несколько дней с момента окончания очередного курса лечения — и Брыдак опять

«под газом» становился причиной либо автомобильной катастрофы, либо скандала, требовавшего вмешательства полиции.

Подразделение внутренней безопасности ЦРУ на мюнхенской радиостанции имеет такие многочисленные связи и сильные влиятельные знакомства в полиции ФРГ, что практически не было случая, чтобы в какую-нибудь западногерманскую газету проникли сведения о том, что виновником возмутительного инцидента был сотрудник «Свободной Европы». О каждом таком случае сотрудники обязаны немедленно извещать службу охраны радиостанции.

Когда офицерам мюнхенского отделения ЦРУ надоело покрывать частые выходы Брыдака, капитулировал и Заморский. Ему не хватило сил, чтобы продолжать защищать приятеля. Брыдак вынужден был уйти.

Со времени нашей совместной работы я запомнил его как фигуру, несомненно, красочную, но вместе с тем противоречивую. О нем говорили, что это интеллигентный и способный человек. Однако часто его упрекали в небрежном выполнении порученной работы. Его тексты постоянно кто-то должен был исправлять.

Письменный стол Брыдака весь был заставлен пластмассовыми кружками, в которых он приносил себе из кафетерия кофе или чай. Читая утренние газеты, чтобы проверить биржевую котировку, он ловко закрывался газетой и украдкой доливал в принесенный горячий напиток водку — таким образом он поддерживал свои силы.

Несколько раз мне довелось слышать, как Брыдак рассказывал о себе. В годы оккупации он очутился вблизи Свентокшиских гор. Там он якобы вступил в партизанский отряд, затем работал органистом в различных приходах. Несколько раз упоминал о каких-то конфликтах с отрядами Армии Людовой. Как будто именно из-за этого он после освобождения, опасаясь репрессий, сбежал из Польши. Находясь на территории одного из лагерей в Западной Германии, был завербован. В этом месте его рассказ всегда был противоречивым. То он упоминал об американцах, в другой раз об англичанах. Трижды он пробирался в Польшу через «зеленую» границу. В четвертый раз был схвачен. В ходе допросов в Польше был перевербован и рассказал польским контрразведчикам все, что знал. Через несколько месяцев его опять

переправили через «зеленую» границу, но на этот раз из Польши на Запад.

Почти неделю он просидел в Западном Берлине, размышляя, что в его положении выгоднее предпринять. Пришел к выводу, что лучше работать на американцев, и решил явиться к ним. О дальнейших перипетиях своей жизни чаще всего говорил так:

— Я столько рассказывал о положении в Польше, что вначале американцы не хотели мне верить. Все казалось им слишком прекрасным и легким. Меня долго держали в специальном лагере, из которого, правда, я мог выходить в город, но без документов и денег. Возможно, держали бы еще дольше, если бы поляки не допустили ошибки. Они решили меня похитить и действительно однажды это сделали. Я был уже в их автомобиле. Ехали мы с головокружительной скоростью, и в пути я заметил, что за нами мчится «виллис» с янки. Я решил рискнуть. На повороте, когда скорость была снижена, вырвался из рук поляков и выпрыгнул прямо под колеса американской машины, которая чуть меня не переехала. Американцы выскочили на дорогу, а поляки, решив, что их преследуют, умчались на полной скорости. Я рассказал своим случайным спасителям, что произошло. Для них это было неожиданностью, и меня сразу же взяли на допрос. На мою голову повалились все шишки, но в конце концов американцы извинились и через некоторое время опять предложили перебросить меня в Польшу через «зеленую» границу. Однако я категорически отказался — меня посадили на урезанный паек. Я чувствовал себя нужным специалистом, решил выждать и не просчитался, ибо вскоре янки начали искать инструкторов для подготовки тех, кому хотелось за зеленые банкноты ходить через «зеленую» границу. Поработал я в то время как никогда, причем были успехи, повышения и награды. И вот теперь отдыхаю в «Свободной Европе»...

По меньшей мере дважды слышал этот, несомненно сенсационный, рассказ Брыдака Станислав Микицюк, старший исследователь в Польском отделе исследований и анализа. Микицюк работал уже в нескольких разведках, в том числе и в качестве инструктора для обучения молодых кадров. С Брыдаком он впервые столкнулся много лет назад, а потом в этой же роли, но уже в «Свободной Европе».

Если бы Брыдак все это сочинял, то Микицюк, насколько я его знал, не выдержал бы и рано или поздно что-нибудь насчет этого сказал. Только однажды, когда из-за Брыдака вспыхнул очередной скандал, Микицюк вздохнул:

— С такой биографией нельзя быть нормальным человеком...

Этой фразой он не только охарактеризовал Брыдака, но также в некотором смысле подтвердил правдивость его исповеди. Когда я садился писать свои воспоминания, мне нужно было заглянуть в архив, хотя бы затем, чтобы просмотреть некоторые документы, высланные мною в Центр. Случайно я наткнулся там на бумаги Богумила Брыдака. Поскольку его уже нет в живых, мне позволили ознакомиться с содержанием записок. В Мюнхене я рассматривал его однозначно — как агента ЦРУ, но сегодня меня одолевают сомнения: правильным ли было мое мнение?

Станислава Микицюка я знал мало, несмотря на то что просидел с ним несколько лет в одной комнате. Этого человека я немного побаивался. Такого противника, как он, я не мог игнорировать. Выдержанный, толковый и наблюдательный, он много знал, хотя трудно было сказать, что в данный момент наиболее привлекает его внимание.

Я узнавал его мнение о многих вещах только по отдельным замечаниям, высказываемым им. На обстоятельный разговор я никогда не пытался его вызвать. У меня есть причины предполагать, что некоторые придирки Микицюка были формой проверки меня как нового сотрудника. Делал он это по поручению ЦРУ, но значительно свободнее и хитрее, чем Заморский, хотя имел меньший стаж работы в секретной службе. Оба в разное время начинали свою карьеру в так называемой «двойке» (второй отдел генерального штаба буржуазной Польши, занимавшийся разведкой). Заморский, однако, во всем не смог подняться и уже никогда не поднимется выше уровня дилетанта. Микицюк же был разведчиком-профессионалом. Не исключено, что, как профессионал, он созрел во время обучения американских агентов, готовившихся к переброске в Польшу, когда должен был более глубоко анализировать некоторые теоретические основы и приобретать практический опыт.

Микицюк много знал и знает о шпионских операциях США и Великобритании против Польши, Советского Союза и других социалистических стран. Человек, причастный к тайнам, не должен быть болтуном. Особенно если он поляк, живет на Западе и не имеет родственников в английских, американских или немецких семьях. Когда вдруг исчезает поляк, то, до тех пор пока кто-нибудь случайно не обнаружит труп, никому нет до него никакого дела. Одни думают, что возвратился в Польшу, другим объясняют, что, видимо, он послан с секретной миссией, и, следовательно, — молчок. А через два года кто о нем будет помнить?

Человеком ЦРУ среди тех, с кем я должен был ежедневно встречаться в «Свободной Европе», был также Войцек Кшижановский, второй заместитель Заморского. Это тучный, седой, черствый мужчина, перед войной он был на дипломатической работе в ранге секретаря польского посольства в Бухаресте. Женат на немке, которая очень о нем заботится и называет ласково Войтеля или Шпетцхен — воробушек. Этот Войтеля нас всех смешил, но почти не случалось, чтобы кто-нибудь попрекал его женой немкой, тем более что и руководство секции к этому относилось неодобрительно.

Войтеля любит лечиться. Однажды он принес медицинскую справку, что ему необходимо много гулять. Боссы «Свободной Европы», всем на удивление, признали справку действительной, и Кшижановский ежедневно, заискивающе улыбнувшись коллегам по комнате, направлялся на прогулку. Возвращался он часа через два, иногда вовсе не возвращался. Заморский, известный своей привычкой устраивать подчиненным скандал из-за пятиминутного опоздания, не видел, однако, в этом ничего предосудительного.

Кшижановского я остерегался, так как он постоянно доносил на всех. Иногда он провоцировал. Однажды он поймал меня в коридоре и заявил:

— Наша радиостанция обзывает Гомулку Держимордой, а сами мы имеем Новака. Если бы такому Новаку дать в руки власть, то у многих полетели бы головы. Если бы Новак родился в США, то наверняка стал бы предводителем шайки гангстеров. Он никогда не испытывает угрызения совести, если речь идет о власти, деньгах и женщинах...

В другой раз Кшижановский даже критиковал Заморского:

— Вы вчера были свидетелем, какой несерьезный человек Заморский. Каждый из нас знает, что мы имеем своих людей в Польше, но разве об этом можно говорить вслух, даже в нашей комнате? Такие дела делаются, но об этом не говорят. Я прав, пан Анджей?

Слишком часто я видел, как Кшижановский с любой мелочью бегал к шефу, чтобы хоть одно слово сказать ему о Заморском.

Заморский поддерживал дружеские отношения с Кшижановским. Но, когда в игру вступила Уршула Ясиньчук, эта дружба не выдержала испытания. Как-то Кшижановский, который на службе держался как у себя дома, ответил секретарше несколько резко. Уже час спустя Войтеля сидел в кабинете Заморского, вызванный тоном, в котором чувствовалось приближение грозы. Хотя дверь кабинета Заморского была закрыта, хорошо слышны были крики шефа. Кричал только Заморский, и это продолжалось довольно долго.

Когда Кшижановский вышел, он был бледен и сильно взволнован. Немного посидев у себя в комнате, все еще взволнованный, он пошел и низко склонился перед пани Ясиньчук.

— Пани Уршула, прошу извинить меня, — сказал он упавшим голосом. — Я вспылil, хотя для такого бестактного поведения у меня не было никаких оснований. Прошу вас меня простить и прошу извинения у всех здесь присутствующих за то, что им пришлось быть свидетелями неприятного инцидента, вызванного мною...

В этот день Кшижановский уже не пошел на свою оздоровительную прогулку, предписанную врачом.

Заморский значительно чаще унижал своего первого заместителя Александра Дыгнаса, который зарекомендовал себя в «Свободной Европе» одним из самых порядочных людей. Все говорили, что он не любит и не хочет никому делать пакостей. Это человек образованный, культурный и очень спокойный. Его седина вызывала уважение.

Иногда кто-нибудь обвинял его в приспособленчестве, поскольку Дыгнас никогда не высказывался в защиту кого-либо, даже когда был глубоко убежден, что этому человеку причиняется зло. Думаю, он сознательно не созда-

вал конфликтных ситуаций. Ему было необходимо дать образование двум детям и дождаться пенсии, до которой не хватало всего нескольких лет.

В отделе исследований и анализа он имел ранг старшего эксперта. Занимался материалами, касающимися религии в Польше, отношений между церковью и государством, ПНР — Ватиканом и т. д.

Заморский его не любил, совсем не боялся, хотел от него отделаться, и трудно сказать, почему ему это не удалось.

Когда Заморский возвращался из какой-нибудь, даже короткой, поездки, постоянно разыгрывалась дикая сцена. Он бегал из комнаты в комнату и кричал:

— Достаточно того, чтобы два дня меня замещал Дыгнас, и уже ничего нельзя найти! Что за человек! Какой растяпа!

Повседневный репертуар Заморского был более скучным. Он набрасывался на Дыгнаса при сотрудниках в одной из комнат и вопил:

— Здесь нужно думать, а у тебя пустота в голове!

Подсовывая ему под нос какое-то письмо, какой-то материал, который Дыгнас большей частью видел впервые в жизни, он отчитывал его за то, что тот плохо выполнил порученное дело.

Уршула Ясиньчук неумоимо помогала шефу унижать Александра Дыгнаса. Время от времени она распускала слух, что пан Дыгнас опять потерял карточку из секретной картотеки. Однако не кричала, а иронически сочувствовала ему.

— Бедный этот пан Александр, — говорила она язвительно, — такой наивный и рассеянный, как малое дитя...

Дыгнас улыбался смущенно и молчал. Его реакция в этом отношении была очень красноречивой.

Из других сотрудников в нашей секции стоит еще назвать Софью Зволинскую. Это довольно черствая особа. Она восхищается всем английским, ломает язык, чтобы звук «р» выговаривать по-иностранному. По возможности старается не общаться с коллективом. Ее стол стоит в комнате F-4, на другой стороне коридора, и это помогает ей оставаться в изоляции. Являясь так называемым экспертом, она занимается вопросами польской промышленности. Считается хорошим специалистом в вопросах обеспечения Польши топливом. На эту тему она состав-

вила несколько обширных материалов, которые печатались в одном или двух экземплярах и были так быстро забраны американцами, что даже Заморский не удержался от замечания:

— Господин Браун нарушает принципы работы. Вводит новую степень секретности...

Антоний Кучмерчик, доверенное лицо Новака в коллективе Заморского, является человеком ЦРУ. Он тоже начинал с работы на англичан, которые уступили его своим заокеанским союзникам. Для работы в секторе пригоден примерно в той же степени, что и Уршула Ясиньчук. Похож на нее с точки зрения умственного развития и уровня знаний. Допускает аналогичные ошибки.

Однако он имеет богатую биографию. Когда ему было немногим больше десяти лет, он вступил в гитлеровскую организацию Тодта и был послан на фортификационные работы в Норвегию. Ему удалось сбежать в Швецию. Оттуда он был перевезен в Англию. Англичане решили использовать его как диверсанта, и он должен был быть переброшен в тыл к немцам. Прежде чем закончился курс его обучения, третий рейх капитулировал. Тогда англичане направили Антония Кучмерчика на еще более секретные курсы с целью внедрить его в роли диверсанта на этот раз в Польшу.

Кучмерчик никогда не говорил о том, где он побывал. Вообще он ничего не рассказывал о своем прошлом. Работая в «Свободной Европе», он продолжал служить ЦРУ: функции глаз и ушей Новака в коллективе Заморского исполнял по собственной инициативе и склонности к доносам.

Вместе со мной в секции работали еще Веслава Трояновская, Михалина Копчевская и Кристина Дудин-Борковская. Все они были женами людей, имевших определенные заслуги перед «Свободной Европой» и ЦРУ. Например, Веслава Трояновская — жена Трояновского, который перед войной был известным спортивным комментатором польского радио, а позже утверждал, что передачи «Свободной Европы» на польском языке являются продолжением наилучших традиций польского радиовещания. В награду за такие заслуги перед «Свободной Европой» должность на радиостанции была предоставлена и его жене, ибо две зарплаты в доме — это больше, чем

одна. Муж Михалины Копчевской был диктором (умер в 1968 году).

Много места заняло бы представление всех лиц из польской секции «Свободной Европы». Поэтому я ограничусь лишь теми, кого смог узнать ближе или кто по тем или иным причинам выделялся на фоне остального коллектива.

По рангу и служебному положению я должен начать с Яна Новака — директора польской радиостанции «Свободная Европа». Настоящее имя и фамилия Яна Новака — Здислав Езёраньский. Подарки на именины от своих сотрудников, как правило ценные, он принимает два раза в году: в дни Яна и Здислава.

У Новака столько вариантов автобиографий, сколько случаев для их представления. Не изменяется в них только дата и место рождения — 15 мая 1913 года, Варшава — и факт окончания высшего учебного заведения в Познани, где он был ассистентом профессора Эдварда Тайлора на кафедре экономики и истории Познанского университета. Однако эти подробности относятся к довоенному времени. Различные версии биографии начинаются со дня, в который Новак сообщает дату и обстоятельства своего побега из гитлеровского плена.

Чаще всего он рассказывает, что сбежал из эшелона с пленными под Краковом. В этой же группе беглецов был якобы, как иногда он добавляет, и Юзеф Циранкевич. Я уже упоминал о том, что директор Новак — один из нескольких десятков директоров в мюнхенской «Свободной Европе» — страдает манией величия. В сознательно создаваемых ситуациях, которые по его замыслу должны восприниматься как «минуты откровения», он говорит о себе как о человеке, ниспосланном Польше судьбой, и вожде польского народа. Он считает, что каждая выдающаяся личность должна чуть ли не с колыбели совершать поступки исторического значения. Новак, правда, начал рубить головы уже в зрелом возрасте, но с молодых лет, что он с гордостью подчеркивает, встречал и близко знал людей либо великих, либо таких, кто пользовался большим уважением. Когда, например, он говорит о периоде учебы в гимназии имени Адама Мицкевича в Варшаве, он всегда сообщает, что в одном классе с ним учились Ян Котт и Рышард Матушевский, а немного более старшим коллегой был Адам Рапацкий.

О первых двух годах своей жизни после побега из плена Новак высказывается неопределенно. В передаче, которой в 1969 году «Свободная Европа» начала цикл «Портреты наших сотрудников», Новак говорил: «Сначала я сотрудничал, впрочем довольно непостоянно, с полковником Влодаркевичем. Это меня не совсем устраивало. Слишком много было здесь политики, причем не такого рода политики, которая отвечала бы моим взглядам. В конце концов в 1941 году я нашел поле деятельности, которое мне особенно подходило, а именно «акцию Н...»

Новак, известный своими взглядами, которые открыли ему дорогу к креслу директора польской или, точнее, антипольской секции радиостанции «Свободная Европа», открыто не любит уточнять, какие он имел или сейчас имеет политические взгляды. Это не черта его характера, а главным образом избранная тактика. Он хочет быть в глазах доверчивых людей непогрешимым пророком, не опасаясь, что кто-нибудь разоблачит его мошенничество. Такую роль можно играть, только если не пытаешься ничего по-настоящему предвидеть, можно также хвастаться постоянством убеждений, если никто их до конца не знает.

Новак принимал участие в подпольном движении в годы оккупации. Однако у него явная склонность к переоценке своей роли в «акции Н» и искажению фактов. Эта акция, как известно, заключалась в разработке и распространении антигитлеровских листовок, брошюр, газет и распоряжений, написанных на немецком языке и так отредактированных, что они могли считаться делом рук самих немцев — членов тайных оппозиционных организаций. Преувеличивая свои заслуги в «акции Н», хвастаясь подпольными подвигами, Новак создает себе ореол борца за свободу. Эти мифы ему нужны для поддержания репутации у американцев в качестве доказательства, что они имеют сотрудника с большим опытом работы в пропаганде.

Действительные функции Новака в «акции Н» до конца еще не выяснены. Много говорит о том, что уже во время войны Новак имел связь с английской разведкой. Сотрудничал с нею он намного шире и глубже, чем это должно бы вытекать из нормальных связей секретных служб двух государств-союзников. Три раза выезжал он из оккупированной Польши. Во второй раз находился

в Лондоне восемь месяцев и тогда открыто перешел на службу к англичанам. В июле 1944 года был вновь переброшен в Польшу. Именно об этой миссии он широко рассказывал в упомянутой уже мною передаче.

Я процитирую отрывок из нее, который, с точки зрения исторической правды, вызвал много сомнений. Большинство из названных мною людей в то время уже не было в живых, и, следовательно, они не могли все это опровергнуть. Этот отрывок, как я полагаю, с полной определенностью вскрывает главную черту характера Новака.

«Отправлял меня главнокомандующий генерал Сосновский, с которым, впрочем, я летел из Лондона в Италию в одном самолете... Отправлял меня 10 июля премьер Миколайчик... Отправлял меня Тадеуш Ромер, тогдашний министр иностранных дел...»

Одним словом, верхушка эмигрантских властей. Ниже Новак не спускался. В Польше дело обстояло аналогичным образом. 30 июля 1944 года, за два дня до начала восстания в Варшаве, Новак якобы явился к главнокомандующему Армией Крайовой генералу Бур-Коморовскому.

«Было уже слишком поздно. После восстания генерал Коморовский сказал мне, что если бы я прибыл в город на пять минут раньше, то все, что я должен был сделать, могло бы иметь решающее влияние на ход событий. Но в момент, когда я докладывал, основные решения, собственно, уже были приняты...»

Эти несколько фраз характеризуют болезненное самлюбие Яна Новака. Стремясь стать фигурой исторической, эпохальной, он непрерывно сыплет фамилиями людей, которых в истории нашего народа нельзя обойти. Он сознательно создает вокруг своей особы шумиху в надежде, что удастся пробраться еще на ступеньку выше. Нет недостатка и в других подобных примерах в упомянутой передаче.

Новак утверждает, что перед поражением Варшавского восстания он получил приказ уйти из Варшавы и пробраться вместе с Ядвигой Вольской, с которой тогда вступил в брак, в Лондон. Вот его слова:

«Нас должны были перебросить по так называемому воздушному мосту с группой очень видных лиц. Тогда должны были лететь Виценты Битос, Зигмунд Заремба, Хоппе и депутат Яворский из «Стронництва народового».

Полет не состоялся. Однако Новак добрался до Лондона. Вместе с женой, пани Вольской, они якобы были первыми очевидцами и участниками Варшавского восстания, которые очутились на Темзе. Как это произошло?

«Вместе с женой я прорывался через германский рейх, затем швейцарскую границу во Францию, тогда уже свободную. Оттуда нас срочно перебросили на военном самолете в Лондон».

Очень лаконично Новак говорит об этой поездке, детали которой не являются сегодня тайной. Почему он становится так скуп на слова, описывая преодоление нагроможденных на его долгом пути препятствий? Основная причина кроется в том, что Новак просто должен был здесь сохранять сдержанность.

В эмигрантском Лондоне, как и в «Свободной Европе», нет недостатка в людях, которые в делах разведки не являются желторотыми юнцами. Именно они утверждают, что Новак работал также на гитлеровскую разведку и даже не на военную, а на ту, которой руководил аппарат Гиммлера. Если бы Новак более подробно рассказал, как ему с женой удалось пробраться из борющейся Варшавы в Швейцарию, то мог бы разоблачить себя, раскрыть фактических покровителей этого «рискованного» мероприятия.

Главное командование Армии Крайовой, а также резидентура британской разведки в Польше в совершенстве владели техникой изготовления гитлеровских документов, паспортов, пропусков, продовольственных карточек и разрешений на выезд. Пользовавшиеся ими курьеры беспрепятственно разъезжали по всей Европе. Так было до 20 июля 1944 года, то есть до дня покушения на Гитлера и неудавшегося путча генералов. После этих событий во всем рейхе и на территории, еще оккупированной гитлеровцами, гестапо начало ловить действительных и мнимых заговорщиков. Очутившиеся под угрозой ареста гитлеровские генералы и полковники, их штатские друзья и семьи пытались найти убежище в нейтральных странах и скрыться в районах, где их не знали.

Чтобы предотвратить эти побеги, усилился контроль в поездах, на железнодорожных станциях и дорогах. В результате была создана густая сеть, через которую трудно было проскользнуть без соответствующих документов.

В целях охоты за заговорщиками, бывшими до 20 июля 1944 года на вершине власти, а следовательно, за людьми, снабженными документами, были изменены бланки различных пропусков, введены новые печати, шифры на них и т. п. Дезорганизованная Варшавским восстанием ячейка главного командования Армии Крайовой, фабриковавшая документы, не была в состоянии приготовить бумаги по новым образцам. Кто же тогда помог достать Езёраньскому и его жене документы, необходимые для проезда из Варшавы до швейцарской границы и разрешающие находиться в районе, который в то время тщательно контролировался гитлеровскими властями? Как состоялся переход швейцарской границы?

Еще осенью 1944 года в «польском» Лондоне прошел слух, что Новак связан с гитлеровской разведкой. Именно немцы, пытаясь спровоцировать конфликты в лагере антигитлеровской коалиции, что, по их мнению, могло быть последним шансом на спасение третьего рейха от неминуемого поражения, дали возможность Новаку безопасно проехать в Лондон, где он должен был предоставить эмигрантскому правительству тенденциозные материалы, сфабрикованные в определенных ячейках главного командования Армии Крайовой. Почвой для противоречий должны были быть не соответствующие правде и освещенные с антисоветских позиций причины поражения Варшавского восстания.

Упоминания о позорной роли Новака как орудия в руках гитлеровской разведки появлялись позднее в различных эмигрантских публикациях. Однажды многие сотрудники «Свободной Европы» получили по почте изданную в Лондоне брошюру под названием «Мюнхенский зверинец». Она содержала, в частности, много аналогичных обвинений в адрес Новака.

Подхалимы и трусы шли с ней к директору и, опасаясь последствий, смиренно объясняли:

— Пан директор, я этого не читал. Перелистал и как только понял, что это пасквиль, решил вам отдать...

Другие читали, но хранили молчание. Некоторые, известные своей лисьей тактикой, прикидывались, что вообще ничего не знают о происходящем.

Новак нервничал. Он знал, что замалчивание этой щекотливой истории неразумно. Поэтому он попытался сразу взять быка за рога. Распорядился объявить, что

каждый, кто хочет, может прочитать брошюру, положенную для ознакомления в его секретариате. Желавшие имели в своем распоряжении только один день. При получении брошюры нужно было ставить подпись в специальной тетради. Некоторых эта необходимость ставить свои автографы смущала, но любопытство брало верх. Шли и читали. Начались разговоры и комментарии уже не столь деликатные. Тогда Новак струсил и распорядился брошюру спрятать. Разобравшись в обстоятельствах, люди замолкли, ибо на этой опасной теме легко можно было погореть. Доноски Новака действовали всюду.

Фрагменты брошюры, касающиеся Яна Новака, не произвели в конечном счете потрясения в польской секции. Отношение к ним большинства сотрудников было похоже на реакцию Люциана Пежановского, когда я ему показал публикацию о том, что радиостанция «Свободная Европа» находится на содержании у ЦРУ. Пежановский посмотрел на меня как на законченного идиота и буркнул под нос:

— Ну и что? Вы удивлены? Ведь каждый об этом знает. Здесь нас может интересовать только одно: чтобы те же из ЦРУ хорошо нам платили...

Итак, шока не было, ибо у слишком многих сотрудников секции за плечами имелся продолжительный стаж работы в секретных службах. Почти все из так называемых «старых» прошли через руки англичан, американцев, а некоторые — и немцев. «Новые» идут по следам «старых» — нужно ведь в таком кругу поддерживать традиции. Среди них есть и такие, кто не успел еще выполнить все формальности, но только потому, что у офицеров ЦРУ нет причин для спешки. Выбор на Энглишер Гартен большой. Не удивительно, что Новак чувствует себя там среди своих. Ему нет необходимости особенно скрывать свое прошлое. Он может, скорее, гордиться работой на англичан и американцев. На фоне задач, которые выполняет «Свободная Европа» в течение многих лет, даже его контакты с гитлеровской разведкой ничуть не умаляют его «достоинств». В общем, это подходящий человек на подходящем месте. Комментировать, пожалуй, излишне.

Одним из трех заместителей Новака является Зигмунд Михаловский, по происхождению граф, по образованию юрист. Для «старика» он относительно молод

(родился в 1918 году). Во время войны находился в Великобритании, а позже переехал в Париж, где был сотрудником местного отделения «Свободной Европы» и вице-председателем Союза польских федералистов во Франции. В 1961 году переведен в Мюнхен. Имел жену — онемечившуюся шотландку из очень зажиточной семьи. Когда эта женщина, неплохо знавшая связи мужа с американской и западногерманской разведкой, решила с ним развестись, граф категорически воспротивился этому. Те, кто знает Михаловского, утверждают, что сопротивлялся он прежде всего потому, что любил доходы жены. Тогда шотландка начала угрожать публичным разоблачением секретных связей Михаловского. Однажды в пьяном виде она начала об этом говорить во весь голос при свидетелях. Замешательство было огромное, но инцидент уже не повторялся: шотландку заперли в психиатрическую больницу. Вскоре после возвращения домой она умерла. Официальная версия гласила: самоубийство. Немногие поверили этому. Следствие, во всяком случае, было быстро прекращено.

С Янушем Корызмой я познакомился на конференции в Фельдафинге. Довольно быстро мы подружились. Разница в возрасте между нами была небольшая. Оба относительно недавно выехали из Польши, поэтому легче находили общий язык между собой, чем с так называемыми «стариками». Корызма, высокий стройный блондин с голубыми глазами, в Польше был театральным статистом и играл небольшие роли в нескольких фильмах; за границей говорил, что он актер. В «Свободной Европе» занимал должность диктора, выступал также в передачах. Большинство сотрудников польской секции, даже «новые», женаты и имеют детей. Корызма, как и я, был одиноким. Перед выездом из Польши я не женился. Пришел к выводу, что мне нельзя подвергать опасности другого человека: ведь я должен был жить на острой грани, разделяющей два мира.

Корызма не только был красив, но и умел нравиться женщинам. Часто мы вместе выходили на вечерние прогулки, заглядывали в маленькие ресторанчики, и иногда случалось, что я еще не успевал оглядеться, а он уже завязывал знакомство и приглашал девушку к себе послушать пластинки. Коллекция пластинок была у него большая, и все об этом знали.

Януш имел успех не только у немок, американок и англичанок, которых было полным-полно на Швабинге. Этот район по атмосфере напоминает Латинский квартал в Париже. Здесь тоже собираются студенты, художники, известные и начинающие, а также их почитатели. Они являются основными посетителями кафе, винных погребок и ресторанчиков, рассчитанных на различные вкусы и состояние карманов. Косматые начинающие художники разрисовывают цветными мелками тротуары. Поглощенные своей работой, они прикидываются, что делают это для своего удовольствия и их вовсе не касается, бросают ли пфенниги в как бы случайно оставленную шляпу толстопузые прохожие, которые попадают сюда, чтобы соприкоснуться с грешным миром художников. Хиппи продают свои не слишком красивые изделия из медной проволоки. На Швабинге можно купить наркотики, а также выпить вина, не опасаясь, что это кого-то возмутит. Немцы из Рейнской области, Гамбурга и Вестфалии говорят о Мюнхене, что это самая большая деревня в ФРГ. Заурядные баварцы никогда не отличались остроумием. Их шутки редко до кого доходят. Помню, как первый раз я приехал в столицу Баварии и остановился перед магазином с сувенирами. На витрине я увидел кошелек в форме баварских трусов из замши с вышитой цветными нитками надписью: «Будь счастлив, когда он полный». Для меня этот кошелек является своего рода символом истинной Баварии и баварцев, их бесцветной столицы, где улицы пустеют уже около десяти часов вечера. Швабинг на фоне мюнхенской серости кажется оазисом беззаботности и умственной изысканности. Поэтому не удивительно, что там укрываются иностранцы, насытившись баварским фольклором, сдобренным пивом. Мы с Кориэмой не были исключением. Не одну ночь протанцевали и прогуляли на Швабинге.

Кориэма правился женам и дочерям сотрудников из польской секции. Однажды, когда Новак устраивал большой прием для иностранцев, он нанял в качестве старших официантов Кориэму и еще кого-то из молодых сотрудников, снабдив их белыми смокингами. О них он говорил иногда: «Мои люди». Тогда-то разодетый Кориэма и приглянулся пани Езебраньской. Было замечено, что жена директора, когда приходила — а в какой-то период она стала приходить чаще — в здание на Энглишер Гар-

тен, всегда расспрашивала о «пане Януше», а при встрече смотрела на него, как удав на кролика. Новак об этом узнал. Корызма сразу же все потерял в его глазах. Кто хоть раз навлекал на себя гнев Новака, тот впадал в немилость легко и быстро.

Корызма не мог спастись, ибо он не был приспособленцем. Когда ему что-то не нравилось или он с чем-то не соглашался, он говорил это прямо, без всякой игры в дипломатию. Из-за этого он всегда был на плохом счету у начальников, средних и маленьких. Позже несколько раз ему случалось опаздывать на запись. Разразился большой скандал. Опоздания были, конечно, только предлогом. В этом ни у кого не было сомнений. Если бы с такой жестокостью подошли, например, к диктору Пекарскому, алкоголику, то его должны были выгнать с работы еще несколько лет назад. Януша понизили в должности — с диктора на курьера. Он разносил по польской секции газеты, журналы, папки с документами, но не все сочли необходимым с этого момента его избегать. Начальство раздражала эта терпимость сотрудников к «штрафнику», и вскоре, как и можно было ожидать, последовала новая история. Корызма якобы потерял папку с документами. Его уволили.

Тадеуш Подгурский (тот, который в своих передачах так часто и возвышенно говорит о роли профсоюзов и постоянно нападает на Центральный совет профессиональных союзов Польши, обвиняя его в том, что он слишком слабо защищает интересы трудящихся в случаях их конфликтов с дирекцией) был членом «профбюро» в польской секции.

«Профбюро» в «Свободной Европе» — хотя это и звучит несколько парадоксально — в соответствии с уставом должно выполнять те же функции, что и профбюро в Польше, а следовательно, заботиться об интересах сотрудников. В деле Корызмы «профбюро» заняло вначале умеренную позицию. Оно не возражало против увольнения, но и не хотело, чтобы это сделали в дисциплинарном порядке. Тогда Новак вызвал к себе председателя «профбюро» графа Михала Тышкевича. Выйдя из его кабинета, перепуганный председатель тут же сообщил своим коллегам, что директор не желает какого-либо вмешательства «профбюро», поскольку Корызма должен быть уволен. Тышкевич «расхворался», поэтому Новак взял на

себя труд переговорить и с другими членами «профбюро»: Микицюком, Птачеком и Подгурским. Он объявил им, что если Корызма напишет покаянное письмо, то он, директор, согласится еще подумать. Тогда, чувствуя намерения начальника, в атаку бросился Подгурский.

Не спрашивая мнения остальных членов «профбюро», Подгурский встал на сторону директора. Он даже не подсказал Корызме, что тот может апеллировать в вышестоящую инстанцию, и не сделал ничего, чтобы ему помочь. Подгурский повсюду распространял домыслы о том, что Корызму нужно уволить как можно быстрее, поскольку тот якобы обкрадывал универсальные магазины. Знаменитая в секции коллекция грампластинок Корызмы — не что иное, как плоды этой кражи. Клевета сделала свое. «Профбюро» пошло за Подгурским. Только один его член, Кшиштоф Бауэр-Черноморский, имеющий британское подданство и работающий в «Свободной Европе» как аналитик радиопередач, а это значит — в подразделении, независимом от Новака, имел смелость защищать Корызму и требовал соблюдения условий коллективного договора. Этим он восстановил против себя Новака и на новых выборах в результате стараний доверенных лиц директора уже не прошел в состав «профбюро».

А между тем Корызма обжаловал в суде решение о своем увольнении. Он требовал возврата на службу и возмещения убытков в размере десяти тысяч марок. Независимо от этого он обратился с личной жалобой на Новака за клевету, так как директор не только Подгурскому рассказывал о мнимых кражах Корызмы в универсальных магазинах. Дело закрутилось и... Корызма исчез. Когда он пропал, уже никто не поддерживал его жалобы, поданной в суд, и она вообще не рассматривалась. Новак торжествовал.

Только через некоторое время мы узнали, что Корызму арестовала западногерманская полиция и, хотя в силе было еще разрешение на его проживание на территории ФРГ, он был доставлен во Францию — в страну, которая ранее предоставила ему политическое убежище, когда он решил искать актерскую славу на Западе. В Страсбурге западногерманские полицейские, передавая Корызму французским чиновникам, одновременно вручили им медицинское заключение, в соответствии с которым он считался психически больным с проявления-

ми опасной для окружающих мании преследования. Его поместили в закрытое психиатрическое заведение. Таким образом, повторилась история шотландки, жены графа Михаловского. А те, кто еще не знал или не верил, что у Новака очень длинные руки и что он ни перед чем не отступит, получили наглядный урок.

Подобной же шумихой закончилось дело Кавки и его жены. Новак еще раз доказал, на что он способен, когда кто-нибудь отваживался в споре с ним сохранить чувство собственного достоинства. Кавка уже во второй раз приехал на работу в «Свободную Европу». В первый раз ему что-то не понравилось, и он возвратился в Швецию, где надеялся устроиться лучше, чем в столице Баварии. Надежды не сбылись, поэтому он опять вернулся в Мюнхен. Новак дал Кавке место, но тому хотелось, чтобы в «Свободной Европе» работала и его жена, очень элегантная женщина. Она имела специальность манекенщицы и декоратора витрин. Не знаю, что бы она могла делать в редакции, но некоторые пани даже и такой квалификацией не могли похвастаться. Жена Кавки приглянулась Новаку, но против нее ополчился его заместитель Михал Гамарников-Гурецкий. Люди посвященные утверждали, что это просто так не кончится...

ЦРУ постоянно содержит для Новака апартаменты в изысканном и дорогом отеле «Арабелла-Хаус». Это так называемый связной номер. Второй подобный номер он имеет в отеле «Регина-Паласт». Там он встречался с Визенталем и определенными людьми из Польши, с которыми не мог или не хотел встречаться ни в ресторанах, ни в своем рабочем кабинете, ни дома. Эти номера служат не только для чисто служебных целей. Новак устраивал в них более интимные встречи — с избранными им женщинами. Это являлось запрещенной темой, касаться которой в разговоре между собой сотрудники избегали.

Кавка нарушил это правило. Он перестал молчать, когда понял, что со штатной единицей для его жены в «Свободной Европе» ничего не получится. Дело дошло до сильного скандала. Новак решил быстро выдворить Кавку и его жену из «Свободной Европы». Он прямо заявил, что тот должен исчезнуть, но Кавка, задетый за живое поведением директора, не желал покидать Мюнхен. Однако он изменил свои намерения через несколько

дней, когда заметил, что по пути домой его преследовали двое верзил, лица которых явно не внушали доверия. Так повторялось несколько раз. Кавка понял, что у него нет никаких шансов прижиться в «Свободной Европе», он собрал вещи и возвратился с женой в Стокгольм.

Первым заместителем Новака был Зеньчиковский. В годы войны он имел псевдонимы Каня и Кроалик, а с 1945 года, будучи в Италии, он начал выступать как Завадский. В частной номенклатуре сотрудников «Свободной Европы» этот деятель чаще называется Зупой. Когда Завадский направляется завтракать, обедать или вообще что-нибудь перекусить, он всегда говорит: «Иду поесть супа». Когда идет в магазин, неизменно говорит: «Иду купить трусы». Воображением, как видно, он не отличался, и эти неизменные, стереотипные обороты являются единственным признаком его индивидуальности в «Свободной Европе». Супа не молод. В январе 1972 года ему исполнилось 65 лет, то есть он вступил в пенсионный возраст. Это не означает, что автоматически он должен распрощаться с работой, так как в «Свободной Европе» положения пенсионного закона соблюдаются не очень строго.

Из-за его ухода на пенсию наверняка огорчится только один человек, причем не работающий в «Свободной Европе». Это Ян Радомыский из польской секции Би-Би-Си в Лондоне. Радомыский соревнуется с Завадским в составлении картотеки на общественных и политических деятелей Польши. Эта конкуренция имеет коммерческий характер: идет борьба за рынки сбыта и цены. Картотека Радомыского лучше составлена, но Завадский имеет опору в «Свободной Европе» и выгоднее продает результаты своих скрупулезных выборок из польской печати. С 1956 года, когда в качестве секретного документа радиостанции «Свободная Европа» вышла работа Завадского под названием «Кадровый состав в Польше», ее автор систематически получает кругленькие суммы за внесение туда новых дополнений и исправлений. После ухода на пенсию у него будет больше времени, и если он посвятит его своей картотеке, то окончательно возьмет верх в соревновании с Радомыским.

Зеньчиковский-Завадский не отличается особой интеллигентностью или блестящим стилем. На фоне других он не выделяется даже своей биографией, которую со мно-

гих точек зрения можно считать типичной для «стариков» в «Свободной Европе».

Перед войной он был выдвинут депутатом в Сейм. Во время оккупации, как и Новак, принимал участие в «акции Н». Был даже некогда начальником нынешнего директора польской секции «Свободной Европы», но в Мюнхене Новак обогнал его. Зеньчиковский уже тогда отличался своим непримиримо враждебным отношением к СССР. Был одним из вдохновителей идеи заменить «акцию Г» (Германия) на «акцию Р» (Россия). По поручению Бур-Коморовского был переведен из отдела пропаганды в антикоммунистическое агентство («Антик»). После Варшавского восстания Зеньчиковский оказался в лагере для военнопленных офицеров. В 1945 году возвратился в Польшу. Находясь в Варшаве и Кракове, начал нелегальную подпольную деятельность, но, когда понял, что польские органы безопасности установили за ним наблюдение, бросил на произвол судьбы тех, кого сам втянул в это занятие, и вместе с женой направился в Италию, под крылышко генерала Андерса.

После расформирования 2-го корпуса ПСЗ (польских сил збройных) работал в редакции «Дзенника польского» и одновременно сотрудничал в «Збернице» — разведывательном центре организации «Вольность и неподлежность» («Свобода и независимость»), которая занималась шпионажем против Польши. Его вес укрепился, когда он стал активным деятелем Политического исполнительного совета «Неподлежность и демократия» («Независимость и демократия»). В конце концов он так вырос, что от имени этой организации вошел в так называемый Отдел отечественного политического совета, который в 1950—1952 годах руководил деятельностью антипольского шпионского центра под Мюнхеном.

Этот центр, используя настроения обманутых антикоммунистической пропагандой поляков, очутившихся в эмиграции, организовывал разведывательную деятельность против Польши. Собирал материалы для американской, геленовской и других разведок. Самым мерзким в этом деле было то, что поляки использовались главным образом в качестве так называемых зайцев. Их переправляли, в одиночку или группами, в Польшу через «зеленую» границу. Слабо подготовленные, они обычно совершали какую-нибудь ошибку и сосредоточивали на себе вни-

мание постов польских пограничников. Когда патрули приступали к поисковым операциям и на определенное время оставляли открытыми некоторые участки границы, туда посылались опытные шпионы. Руководители центра были разоблачены, и это в «польском» Лондоне в эмигрантских кругах вызвало большое замешательство и очень противоречивую реакцию. Центр перестал существовать, но Зеньчиковский не стал безработным. О нем позаботились американцы, а точнее — ЦРУ.

На масло к хлебу он начал подрабатывать еще раньше в «Свободной Европе», но только с 1954 года был официально зачислен в штат радиостанции. Здесь он считался экспертом по вопросам Польши. В его постоянные обязанности входило выбирать польских граждан, особенно из кругов интеллигенции, к которым стоит искать подход, чтобы побуждать их к антисоциалистической деятельности и антипартийным выступлениям. Он выбирал их для ЦРУ и других американских организаций.

После появления брошюры «Мюнхенский зверинец» Зеньчиковский в беседах «за тарелкой супа» пытался оправдываться. Конечно, не в своей деятельности в «Збернице», ибо об этом в брошюре почти не упоминается. Весьма оригинально звучали его рассуждения о Геббельсе, к которому, кажется, еще перед войной он питал большое уважение.

— Ну что Геббельс... — говорил он, старательно подбирая слова. — Его политические взгляды для меня, скорее, были чужды. Хотя надо признать, что современная теория элиты кое-что из этого взяла, опустив, конечно, зоологический расизм. Геббельс был для меня мастером в самом подходе к пропаганде, мастером методов, которые мы все пытаемся копировать, но делаем это бездарно...

Признания Зеньчиковского, наверняка искренние, могли бы быть девизом многих пропагандистских акций «Свободной Европы».

Вторым заместителем Яна Новака является Михал Гамарников-Гурецкий. Как и два его предшественника, он своим положением в ЦРУ обязан различным заслугам давних лет, ценимых американцами. Его трудовой стаж в нескольких разведках не меньше, чем у других членов руководства польской секции «Свободной Европы». Михал Гамарников — мужчина низкого роста, лысоватый, тучный; над его «статностью» часто насмеялась в своих

кариатурах антисемитская бульварная гитлеровская газетенка «Дер Штюрмер». Наиболее характерной чертой Гамарникова, известной всей радиостанции, была его прожорливость.

Персонал Яна Новака раз в неделю покупал польскую колбасу и копчености. Их делал в Мюнхене немец из Силезии, мясник, по фамилии Грохут. Курьер польской секции Дьячишин получал заказы на эти дефицитные изделия и после доставки продуктов собирал деньги. Почти все мы снабжались таким образом. Гамарников всегда покупал больше всех, вызывая удивление даже в польской секции, ибо по примеру немцев сотрудники научились покупать ветчину ломтиками, а другие колбасные изделия на декаграммы. Этим дело не кончалось. Гамарников жадно хватался за колбасу и, не стесняясь присутствия других людей, мог съесть сразу килограмм или даже больше. Мне не хотелось бы повторять реплики, которые раздавались в его адрес.

С подобной же жадностью Гамарников смотрел на женщин, особенно на молодых. Ему уже перевалило за пятьдесят. Сплетники утверждали, что он не только смотрел...

Он считался «серым кардиналом» в «Свободной Европе», но его роль не сводилась только к этому. В своем поведении и честолюбии он был похож на Новака — оба хотели иметь власть и деньги. Однако у меня создалось впечатление, что если бы дело дошло до выбора, то Новак, несмотря ни на что, выбрал бы власть, а Гамарников — деньги. В целях упрочения своих позиций в «Свободной Европе» Новак тратил много времени и энергии на постоянные проверки лояльности персонала. Он хотел знать все о людях, которыми руководил. Его собственная агентурная сеть старательно собирала различные сведения о подчиненных. Благодаря этому о людях он действительно знал много. Знаний иного характера ему не доставало. Когда в «Свободной Европе» получили так называемый «Мемориал» Куроня и Модзелевского, вокруг которого поднялась позднее шумиха, Новак не мог понять многих употреблявшихся в нем выражений. Ему пришлось объяснять основные термины. С этой точки зрения Гамарников перерос своего шефа.

Гамарников хотел, чтобы его считали специалистом. Он сумел убедить свое окружение (а это было нетрудно),

что знает экономику Польши и других социалистических стран. Потребности в разработках в этой области очень большие и постоянно возрастают. Гамарников, считавшийся экспертом, не жаловался на отсутствие заказов из США, Великобритании и ФРГ. Много текстов готовил он и для передач «Свободной Европы». Как и пристало экономисту-дельцу, он без зазрения совести переделывает передачи польской секции и подбрасывает их на радиостанцию «Свобода» или в другие национальные секции — румынскую, болгарскую или венгерскую — для повторного использования.

Коль мы уже занялись деятельностью Гамарникова, вспомню о конфликте, происшедшем между ним и Анджеем Смолинским на почве одной разработки, заказанной американцами. В соответствии с полученным поручением оба должны были приготовить строго секретную разработку по экономической проблематике. Американцы разговаривали с каждым из них в отдельности, предупредив, что если они кому-нибудь скажут хотя бы одно слово о порученной работе, то сразу же вылетят из «Свободной Европы». Так что они не знали ни того, что оба пишут эту разработку, ни тем более того, что третью разработку, посвященную тому же комплексу проблем, американцы уже имели в своих папках. Она была подготовлена в США с участием лучших американских, английских, западногерманских, французских и других экспертов. ЦРУ таким образом проверяет квалификацию своих сотрудников, изучает степень их роста в конкретных областях знаний. Некоторые периодически заказываемые разработки — их частота строго регулируется на основе математических расчетов — нужны не для оперативной работы, а для секретного изучения сотрудников. Иначе говоря, никто не знает, какие из аналитических материалов нужны ЦРУ для дела, а какие только для проверки. Насколько мне известно, эта система постоянного экзамена для персонала ЦРУ была введена после компрометирующего американцев поражения на Кубе в апреле 1961 года. Основой запланированной тогда в больших масштабах агрессии были ошибочные оценки оборонного потенциала Кубы, представленные президенту Кеннеди экспертами ЦРУ.

На проведенном «экзамене» лучшим оказался Анджей Смолинский. Его анализ в нескольких существенных

пунктах совпадал с оценкой ЦРУ и вносил также новые элементы, которые вызвали интерес у американцев. Однако этот успех не принес Смолинскому счастья. Новак и Гамарников, опасаясь растущей конкуренции, начали ставить ему палки в колеса. Гамарников, хитрая лиса, начал напоминать Новаку, как Смолинский на одном совещании поставил под сомнение его выступление об отсутствии свободы слова в Польше. Смолинский сказал тогда: «По-разному бывает. Я знаю несколько ведомств за пределами Польши, где можно только мечтать о такой свободе высказывания собственного мнения, какая существует в варшавских учреждениях». Новак понял его слова как замечание в свой адрес и в адрес польской секции «Свободной Европы». В течение продолжительного времени он сдержанно относился к Смолинскому, и хотя позже их отношения несколько улучшились, тем не менее в сознании директора осталась обида, которую ловко обыгрывал Гамарников. Зная взаимоотношения сотрудников польской секции, он начал настраивать «стариков» против Смолинского. Ободренные его злыми замечаниями, несколько переводчиков с польского языка на английский (те, кто сидел над текстами Смолинского, поскольку он сам не смог одолеть ни одного иностранного языка) издевались над произношением Анджея, упрекая его во многих элементарных ошибках. Как говорили, он употреблял слова, каких нет ни в одном польском словаре. Переводчики не имели смелости признаться, что если уж нужно кому-то указать на ошибки, то следовало бы начинать именно с них. Обычно они испытывают страх перед новыми сотрудниками и усердно используют каждый случай, чтобы по крайней мере поставить их в смешное положение. Когда Смолинскому предстояло повышение, завистники прибегнули к новым инсинуациям против него — начали приписывать ему антисемитизм.

Смолинский, раздосадованный тем, что власти США несколько раз отвечали отказом на просьбу разрешить ему выехать в Соединенные Штаты, мотивируя это его прошлой принадлежностью к ПОРП, как-то взорвался: «Если бы я был евреем, никому в США не помешала бы моя давняя принадлежность к партии!» И перечислил несколько фамилий бывших польских граждан, членов партии, которые не были вынуждены проводить пятилетний

карантин в Западной Европе и сразу же поехали в США.

В то время когда я выезжал из Мюнхена, вызванный Центром для возвращения домой, Гамарников, демонстрируя мнимую симпатию и уважение к Смолинскому, существенно тормозил его карьеру в ЦРУ. Таким путем он защищал свои позиции, но не известно, как долго эти шаги останутся действенными. На страхе Гамарникова перед Смолинским больше всего наживался Заморский.

Американцы, как я уже говорил, поручили Смолинскому подготовить проект реорганизации коллектива, руководимого Заморским. Я читал этот проект, поскольку был единственным сотрудником, которого предполагалось оставить на занимаемой должности. Все шло так, что мы каждый день ожидали отставки Заморского и назначения на его место Смолинского. В результате закулисных интриг и давления Гамарникова, опасавшегося последствий реорганизации, кандидатура Смолинского в конечном счете отпала. Заморский не расстался со своим креслом.

Для Гамарникова, работающего в «Свободной Европе» с ноября 1952 года, это была не первая интрига, направленная на устранение конкурентов.

Несколько лет назад ЦРУ начало подготавливать нового шефа для польской секции «Свободной Европы». Им должен был стать Тадеуш Стешетельский, руководитель местного бюро в Нью-Йорке. Стешетельский, как можно было этого ожидать, в лучшем случае терпел бы Гамарникова на должности своего заместителя. Поэтому находящийся под угрозой дуэт Новак — Гамарников сразу же приступил к оборонительным действиям. По поручению директора Гамарников завел специальную папку, в которую старательно собирал все недочеты нью-йоркского бюро. При благоприятных условиях он по договоренности с директором передал папку американцам. Последствия были немедленными. Стешетельский не только не заменил Новака, но и вообще потерял место.

В своих интригах с персоналом и в погоне за властью, так же как и за деньгами, Гамарников ловко использовал тот факт, что среди американцев, занимающихся проблемами Центральной и Восточной Европы, было и еще есть много его единомышленников. Следовательно, он знал, где иметь поддержку в кризисных ситуациях.

Четвертым и не менее важным заместителем Яна Новака является Цезары Шульчевский. Это гладкий, прилизанный пожилой человек, которого никто не любит, даже сам Новак. Ему более шестидесяти лет. Он женат, имеет ученую степень кандидата и гражданство США. Занимается административными, финансовыми и кадровыми вопросами, но только формально, так как административные вопросы «Свободной Европы» находятся в руках немцев, а финансовые и кадровые — это сфера американцев.

В период моего пребывания в Мюнхене Цезары Шульчевский ничем не выделялся. Он неизменно подлизывался и к офицерам ЦРУ и к различным баварским деятелям, с которыми брался при первой возможности, не известно только, по убеждению или потому, что имел несколько знакомых польских эмигрантов, которые вопреки всему упрямо хотели видеть будущее Польши в союзе с Западной Германией.

В польской секции численность редакторов и старших редакторов колебалась в пределах тридцати человек. Некоторые из них были настолько бесцветны, что я не смог бы их более подробно охарактеризовать, хотя всех часто, а многих даже ежедневно встречал в кафетерии. Вот один из них — Тадеуш Подгурский, которого называли Мельница или Блинчик. Единственная тема, к которой он постоянно возвращался, — это его аферы в годы оккупации, когда он проживал на Повисле. На работу в «Свободной Европе» его направила эмигрантская Польская социалистическая партия (ППС), когда умер Яцек Сняды и в польской секции стало не хватать специалистов по «рабочей» тематике. Тексты передач Подгурского — предмет постоянных шуток в кафетерии. Благодаря им и родилось прозвище Мельница, ибо он мелет подряд все, что рождает его скудное воображение и во что он сам не верит. Много говорит о роли профсоюзов и рабочем самоуправлении, но я уже писал, как он держал себя, будучи заместителем председателя «профбюро» в деле Януша Корызмы.

Вновь вспоминаю об этом, ибо Подгурского знают как человека, который ничего не делает даром. Его считали одним из рьяных доносчиков. С этой точки зрения с ним могут соревноваться только Люциан Пежановский и Альфред Знамеровский. Новак заплатил Подгурскому за оказываемые услуги квартирой, чему не завидует никто, за

исключением, возможно, Пежановского — новоиспеченного сотрудника в реорганизованном коллективе польской секции.

Пежановский — это фигура, вызывающая чувство жалости и отвращения. Мечковская-Стыпулковская, о которой я скажу ниже, называла его, и пожалуй метко, толстой крысой. У других он заслужил прозвище Зельц, красочно отражающее особенности его фигуры. Несмотря на тучность, Пежановский еще довольно подвижен и старается понравиться каждому, в ком нуждается, но многих, кто встанет ему поперек дороги, он готов буквально съесть. В жадности к деньгам не знает меры. В польской секции, пожалуй, нет никого, кто не одолжил бы ему денег — заведомо безвозвратно, поскольку Зельц удивительно быстро забывает о своих долгах. Дело дошло даже до того, что, когда сотрудники договариваются заскочить в ресторан и вблизи появляется Пежановский, они тут же замолкают или меняют тему разговора. Ибо случалось, что Пежановский «случайно» появлялся у столика сослуживцев, заказывал напитки и закуски, а в критический для него момент, когда официант подходил со счетом, обращался в бегство или, предусмотрительно схваченный за пиджак, садился опять на стул и демонстрировал отчаяние. У него обычно или не хватало денег, или вообще не было с собой кошелька. За него платили, и этим все заканчивалось. Пежановский потом, как огня, избегал одураченных сослуживцев, пытался их убедить, что заплатил свою долю, а припертый к стене, он мог кричать, что вообще ни в каком ужине не участвовал и просто стал жертвой мошенников, пытающихся выманить у него несколько сот марок. Так когда-то он поступил с Бжековским.

Те, кто его не любит, охотно рассказывают, как сильно разочаровался Пежановский в своем супружестве. Зная Елену, его избранницу, трудно полагать, что он женился по большой любви. Отец Елены, как она говорила, имел собственное предприятие. Приехав в Польшу из Южной Америки в качестве студентки, которой папа оплатил обучение за границей, в Варшаве она встретила Пежановского, который выступал в скромной должности гида иностранных туристских групп по линии «Орбиса» (туристское агентство). С первого слова гид понял, что благодаря ей он сможет многое получить, и сыграл на струн-

ке безумной любви, единственной, неповторимой и огромной — под стать будущему приданому, которое он видел в своих мечтах. Уже работая в «Свободной Европе», Пежановский вместе с женой поехал в далекую Колумбию, терзаемый любопытством, как именно обстоит дело с предприятием тестя. Можно себе представить, какое он пережил потрясение, когда узнал, что на довольно скромный магазинчик — собственность господина Обрегона, отца Елены, — претендует уже дюжина других, более близких родственников.

Во многих отношениях на Пежановского похож уже упоминавшийся выше Альфред Знамеровский, причисляемый к группе «новых» в польской секции. Его я просто избегал. Так же поступали и другие, когда убедились, что он выдумывает о себе и коллегах различные небылицы. Ложь является постоянно используемым оружием «Свободной Европы», но сотрудники в своем собственном кругу не любят высосанных из пальца обвинений или подозрений. Бойкот Знамеровского был так нагледен, что Новак вызвал его к себе в кабинет. Разговор произошел при свидетелях.

— Почему вас, пан Знамеровский, все в секции так ненавидят? — спросил директор.

Вызванный покраснел и молчал.

— Пожалуйста, скажите, в чем дело? — настаивал Новак.

— Они думают, что я вам все доношу, — выдавил из себя сквозь слезы Знамеровский, — потому что я не позволяю, чтобы кто-нибудь сказал о вас плохое слово.

Новак на мгновение потерял дар речи. Он смотрел на сильно расстроенного сотрудника, как бы не понимая его слов. Наконец махнул рукой:

— Благодарю, можете идти.

Другой гротескной фигурой в польской секции, впрочем с весьма посредственными способностями, является пани Александра Стыпулковская. Некоторые старые, вернее, очень старые варшавяне могут еще помнить ее как Олю Рабскую, ибо такова была ее фамилия до замужества. Ее мужем был Эбигнев Стыпулковский, по профессии адвокат. В его конторе пани Александра работала до начала войны.

Арестованная гестапо, она прошла через Павяк и очутилась в Равенсбрюке. Позже через Швецию добра-

лась до Лондона. В Великобритании занялась общественной и политической деятельностью. Вошла в правление Союза бывших политических узников, работала в Народной партии. Ее статьи публиковались на страницах эмигрантского «Дзенника польского». Приложила много усилий, чтобы из Народной партии, Польской демократической партии и фракции ППС — ВРН (вольность, равенство, независимость) создался комитет, который должен был лишить Аугуста Залеского права называться президентом Речи Посполитой. Строила интриги и разжигала распри среди различных эмигрантских группировок.

В 1952 году пани Стыпулковская появилась в Мюнхене и под именем Ядвиги Мечковской начала работать в «Свободной Европе». В редакции ее называли «оплот христианства». История этого выговариваемого с издевательски-определенным акцентом прозвища относится к периоду, когда Стыпулковская была еще в Англии. Желая считаться настоящей, искренней и насквозь польской деятельницей Народной партии, она при различных обстоятельствах била себя кулаком в грудь и возглашала: «Мы, вечный оплот христианства, не позволим...» Громким голосом она требовала истребления коммунистов и коммунизма, а также отстранения евреев и их пособников от влияния на «здоровые силы польского народа». Одних эти декларации раздражали, других смешили, пока в конце концов в 1964 году не обнаружилось, что пани Стыпулковская — еврейка. С этого времени ее заявления всерьез не принимались.

Я узнал об этой истории значительно позднее, в 1966 году. Мне показали фотокопию отрывка из эмигрантского еженедельника «Лицо недели» — из номера, датированного 7 марта 1964 года. День и месяц я запомнил хорошо, так как, познакомившись со статьей под названием «Еврейский дедушка пригодился», я пошутил:

— Ну и подарок сделали пани Оле на праздник женщин!

Вот дословное содержание отрывка:

«Некая эндековская деятельница, известная своими бескомпромиссными националистическими и антисемитскими взглядами, получила от немцев высокую сумму в виде возмещения ущерба.

Тот факт, что она получила около 7 тысяч фунтов и высокое постоянное еженедельное пособие, вызвал ог-

ромное удивление, несмотря на то что она находится в Мюнхене и работает в «Свободной Европе». Это, конечно, облегчает хлопоты германским учреждениям, занимающимся возмещением ущерба. Однако до сих пор никто из поляков не получал столь высокой суммы от немцев (речь идет, естественно, только о возмещении ущерба). Высокий размер возмещения ущерба до сих пор выпадал исключительно на долю евреев, которые посредством своих международных связей смогли соответственным образом воздействовать на Бонн.

Дело эндековской деятельницы очень быстро выяснилось, причем очень прозаически. Так вот, в своей родословной она имела «черное еврейское пятно». Это «пятно» довольно свежее, так как евреем был ее дедушка, и это, пожалуй, дискредитировало ее в глазах не только гитлеровцев, но также и ее партийных коллег. На этого «отвратительного» деда она сослалась, когда хлопотала о получении возмещения. Услужливые чиновники из Бонна поспешили признать ее право на еврейские привилегии».

Новак иногда использует Стыцукловскую в качестве связной с сионистскими организациями. Когда знаешь о ее эндековском прошлом и старых антисемитских выходках, эта история кажется мало правдоподобной, но тем не менее именно так все и было. С моральными или этическими угрызениями совести, как видно, не слишком серьезно считаются в определенных кругах людей, объединенных общими интересами.

В Мюнхене проживала более незаурядная, чем Стыцукловская, ренегатка — пани Ванда Пампук-Броньская, также хорошо знающая польский язык. Она была тесно связана с мировым сионистским движением, поддерживала контакты на этой почве не только с определенными кругами на Западе, но также со сторонниками сионистских взглядов, имеющимися в Польше и других социалистических странах. Когда-то она жила в Берлине, Варшаве и Москве, происходила из семьи с прекрасными революционными традициями. Благодаря этому сумела найти различные пути к некоторым друзьям, знакомым и родственникам, которые еще совсем недавно занимали большие должности в нашем государстве.

Опасаясь возможности разрыва этих связей, Пампук-Броньская открыто не демонстрировала своих сионист-

ских взглядов, а скорее, декларировала духовное и идеологическое единство, в частности с Лешекком Колаковским, переводя многие его работы на немецкий язык. Она была тесно связана с журналом «Зюддойче Цайтунг» и «Нойе цюрхер Цайтунг». Печатала также статьи в недавно ликвидированном ежемесячнике «Дер Монат», основанном Конгрессом свободы культуры — организацией, так же, как и «Свободная Европа», находящейся на содержании ЦРУ. Писала в некоторые другие журналы, постоянно затрагивая польскую проблематику в подчеркнуто тенденциозном плане. Знала людей, из которых многие имели сильное влияние в сионистских кругах на Западе. У них снискала авторитет знатока польских вопросов.

Следовательно, не удивительно, что по тактическим соображениям она нуждалась в контактах с польской секцией «Свободной Европы». Новак распорядился предоставлять пани Пампху-Броньской ту информацию из Польши, которая могла быть ею соответственным образом использована и прокомментирована для буржуазной печати. Поскольку не каждый, несмотря на царящий на радиостанции строгий режим, безропотно соглашался выполнять эти поручения, директор поручал это Стыпулковской. Она была двусторонним связным.

Через Стыпулковскую от Новака шла различная информация о событиях и людях в Польше, заслуживающих внимания с пропагандистско-диверсионной точки зрения. Наряду с этим он подсказывал способы защиты интересов его собственных и подчиненной ему польской секции «Свободной Европы» в средствах массовой информации на Западе, а также в некоторых узких кругах посвященных людей.

Материалы Пампху-Броньской, направляемые Новаку также через посредничество Стыпулковской, сводились в основном к тактическим вопросам, связанным с генеральной программной линией польской секции, установленной, как обычно, американцами в административном порядке. Неплохо зная линию и заботясь об общих интересах, она согласовывала с Новаком, кого персонально в Польше надо атаковать, а кого защищать, какие проблемы искусственно преувеличивать, а какие умять, что подсказывать, а что замалчивать. Это была рассчитанная на длительный период игра, учитывающая актуальные

потребности, полностью входившая в рамки общих пропагандистско-диверсионных планов «Свободной Европы» и сионистских центров.

Почему Новак использовал для этой связи Стыпулковскую, а не поддерживал ее сам? Наверняка он нашел бы на это время, но — как я полагаю — он просто не хотел афишировать личные контакты с определенным кругом лиц, скомпрометированных антипольской деятельностью в наиболее резких формах. Как директор радиостанции, без всякого на то права считающейся «польской», он должен был заботиться о сохранении видимости ее национального характера. С другой стороны, редакции более серьезных газет и журналов также избегали прямых контактов с директором пользующейся дурной славой радиостанции, не желая подрывать свой авторитет в глазах общественного мнения. Таким образом, посредничество было выгодно для обеих сторон.

Стыпулковская могла гордиться порученной ей ролью. Следовало также ожидать, что она будет хранить молчание, что она, в общем, и делала, вспоминая лишь о своих оккупационных переживаниях. К счастью, на практике дело обстояло не совсем так, в чем я лично убедился, заходя в качестве курьера к пани Пампух-Броньской за материалами, взятыми из польской секции. Не стоит, пожалуй, добавлять, что эти прогулки оказались для меня очень полезными...

К галерее известных лиц в польской секции причисляется также Виктор Тростянка — человек среднего роста, седой, слегка уже лысеющий. Когда я уезжал из Мюнхена, ему исполнилось шестьдесят лет. Он всегда очень заботился о своем внешнем виде, что, однако, не у всех находило понимание. Тадеуш Новаковский-Ольштынский подсмеивался над ним, говоря: «По господину Тростянко сразу видно, что он родился и воспитывался в Вильно». Поскольку сам Тадеуш также не выглядел аристократом, некоторые воспринимали его иронические замечания просто как проявление писательской зависти. Дело в том, что Тростянка в молодости пописывал стихи, а позже кроме обычной публицистики в эфир занимался также прозой.

Не знаю, читал ли кто-нибудь в польской секции его произведения. Этой темы избегали, так как Тростянка

был человеком, о котором Новак и его ближайшие сотрудники были не слишком хорошего мнения.

Дело в том, что еще в 1953 году американцы задумывались над тем, не уволить ли Новака и не назначить ли на его место Тростянку. Проект провалился, но с этого времени Новак косо смотрел на бывшего соперника и позволял себе даже с шумом выставлять его за дверь.

Иногда мне было жаль Тростянку. Уже немолодой, он многих вещей не понимал, но на фоне Новака, Гамарникова и их людей, напоминавших шайку циничных гангстеров, готовых за несколько долларов и повышение по службе вцепиться в горло каждому, Тростянку имел вид человека в каком-то смысле порядочного. Это мнение я, понятно, не распространяю на его деятельность. Если ЦРУ из многих других именно его выбрало на роль директора польской секции, то, очевидно, он обладал соответствующим стажем сотрудничества с органами разведки. Тростянку в прошлом был, в частности, связным между шпионским центром в Берге и польским отделом «Свободной Европы». В своих передачах он использовал получаемые этим путем материалы из Польши, чего вовсе не пытался скрыть. Однако, несмотря на это, я не ставил знака равенства между ним и Новаком с его элитой. В повседневной жизни это были люди разного покроя.

Тростянку в своем враждебном отношении к социалистической Польше, в ненависти ко всему, что отождествляется обычно с понятием коммунизма, использует примитивные и шаблонные аргументы. Он не в состоянии придумать что-то оригинальное. По этой причине он часто подвергается нападкам.

Мелешко-Каневич, любой ценой пытавшийся удержаться в «Свободной Европе», успешно прикидывавшийся сумасбродом, известный своей привычкой к злобной брани в адрес случайно встреченных лиц в коридоре, называл Тростянку провинциальным обывателем и графоманом. Птачек, один из редакторов польской секции, утверждал, что Тростянку по своему уровню развития годен в лучшем случае для «Дзенника польского» и «Дзенника жолнежа» — эмигрантской газеты, о которой даже Заморский говорил: «Эту мерзость не стоит читать. Самую большую чепуху, какую у нас выдумывают, они перепечатывают как сенсацию».

Тростянка не уклонялся от ударов, но способ его обороны только подтверждал правильность выдвигаемых против него упреков. «Они слишком интеллигентны, — говорил он о своих противниках, — не знают, что коммунизм надо бить толстой палкой. Чем она будет толще, тем лучше».

Его передачи действительно были лобовыми, грубыми, хотя, если судить справедливо, не слишком отличались от того, что писали Стыпулковская-Мечковская, Кристина Милотворская-Кшиштофяк, Люциан Пежановский или Тадеуш Подгурский. Я мог бы к этому добавить еще много фамилий, но суть не в этом. Все авторы текстов, бывшие только редакторами или старшими редакторами, не решали, что именно пойдет в эфир. С подготовленными передачами знакомились, вносили поправки и утверждали их так называемые боссы. К ним в польской секции причислялся Новак и его заместители, в рабочем порядке инструктируемые американцами значительно чаще и основательнее, чем персонал редакции. Именно они после ознакомления с составленным текстом могли сказать «о'кей» или написать на полях «ок» рядом с собственными инициалами, что означало, что материал может быть выпущен в эфир.

Система мелочного контроля, осуществляемого американцами в польской секции «Свободной Европы» и охватывающая не только весь комплекс ее деятельности, но даже и частную жизнь сотрудников, ощущалась на каждом шагу. Были запретные темы и проблемы, которых никто не отваживался поднимать ни на радиостанции, ни за ее пределами. Нельзя было признавать достижения Польши, исключение составляли успехи польских спортсменов, но и здесь энтузиазм не считался признаком хорошего тона. В самых восторженных тонах следовало говорить о Соединенных Штатах, Великобритании и... Новаке. Обязательными были негативные высказывания, когда затрагивались какие-либо темы, связанные с Советским Союзом и коммунистической идеологией. Если кто-то хотел вылететь с треском из «Свободной Европы», он мог этого легко добиться, скептически отзываясь об Израиле и его агрессивной политике. Тех же последствий можно было ожидать, выражая симпатии к Германской Демократической Республике или арабским государствам, выступающим против политики Тель-Авива на Ближнем

Востоке. Нужно было также постоянно помнить, что «вторую мировую войну выиграли исключительно западные державы».

В такой атмосфере строгих запретов и приказов, доносов и убежденности, что шеф всегда прав, трудно было ожидать искренности, понимания и уважения к личным везелям. Некоторые сотрудники польской секции — с глазу на глаз и обычно не в стенах радиостанции — украдкой затрагивали щекотливые вопросы или высказывали свои суждения о волнующих их проблемах. Дискуссии в более широком кругу касались чаще всего личной жизни и ее пикантных подробностей.

Вот, например, кто-то высказывал с новостью, что Тадеуш Новаковский опять покрасил волосы и в присутствии нескольких человек за рюмкой назвал свою жену Данку шлюхой (она работала в «Свободной Европе» в качестве переводчицы, якобы хорошо знала несколько языков, но, как утверждали, ни на одном из них не могла ничего сказать). Повергнутая в отчаяние, жена ударила мужа по лицу, сказав, что он сумасшедший и должен лечить свою аберрацию. Не каждый знал, что такое аберрация, поэтому дискуссия переходила в область скрытых заболеваний, пороков или отклонений, и так проходил вечер.

Когда затронутая тема исчерпывалась, кто-нибудь подбрасывал новую из той же оперы, поскольку закулисная сторона дамско-мужских отношений всегда занимала первое место в жаждущих развлечений головах. И всегда находилась подходящая жертва, хотя бы другой Тадеуш — ксендз Киршке.

В 1940 году ксендз Тадеуш Киршке, будучи священником Войска Польского, очутился в гитлеровском лагере для военнопленных офицеров. Поскольку он имел фамилию, какой могли позавидовать многие фольксдойче, немцы начали настаивать, чтобы он подписал «фолькслист» (заявление о немецком происхождении). Киршке не дал себя сломать, держался мужественно. За сопротивление гитлеровцы отправили его, вопреки международным конвенциям об обращении с военнопленными, в концентрационный лагерь. Он пережил трудное время и после войны каким-то сложным путем попал в «Свободную Европу». В польской секции он выполнял обязанности старшего редактора и одновременно священника. В кос-

теле Святой Анны в Мюнхене отправлял так называемые польские богослужения, которые регулярно посещали Новак и Зеньчиковский, а также те, кто хотел, чтобы никто не сомневался в их антикоммунистических чувствах, чего сама по себе не гарантировала демонстрация просионистских взглядов. Киршке довольно часто посещал также католические семьи.

Сутана и духовный сан отнюдь не мешали ему выполнять миссию, которая обычно не входит в круг обязанностей пастыря. Чаще всего, говоря о ксендзе, называли тут же имя Кристины Милотворской, жены художника Хиляры Кшиштофяка.

Эта пара в начале 1969 года отказалась возвратиться в Польшу и попросила убежища. Просьба была быстро принята и вскоре после этого Кристина Милотворская начала работать в «Свободной Европе». Новак, человек довольно грубый в отношениях с персоналом, к ней обращался не иначе, как «пани Крыся», и в ее присутствии выглядел петухом, который, распустив хвост веером, ходит перед наседкой. Кое-кто старательно избегал быть свидетелем таких сцен, чтобы его не заподозрили в подглядывании за шефом. Хорошо это никогда не кончалось. Публично о Милотворской и Новаке не сплетничали, на горизонте был еще ксендз Киршке в качестве ее второго поклонника, столь же активно стремящийся к своей цели...

Недоброжелательно посматривала на Милотворскую пани Стыпулковская. Она заключила союз с женами сотрудников польской секции, объединенных общей женской ненавистью и подсознательно видевших в новом «приобретении» Новака грозную соперницу. В прошлом уже был случай, когда стовор ревнивых женщин увенчался успехом: не приняли на работу в «Свободную Европу» Алицию Лисецкую, которая во время своих зарубежных поездок старалась поглубже узнать разных сотрудников радиостанции. Когда эта особа навсегда переехала в ФРГ, ей казалось, что она сможет использовать установленные тогда связи и получить штатную должность в «Свободной Европе». Увы, она просчиталась. Женщины из польской секции во главе с женами Новака и Новаковского, кое-что зная о сомнительном прошлом Лисецкой, подняли тревогу. Та вынуждена была отступить. Правда, она пописывает в «Свободную Европу» свои

комментарии, стараясь, как обычно, поднимать вокруг себя как можно больше шума, но в Мюнхене практически ее нет.

Сговор против Милотворской до момента моего отъезда не обнаружился. Мечковская часто обвиняла ее в отсутствии культуры, квалификации и чего-то еще. Разделяли ее мнение и другие женщины. Новак, однако, не изменил своего мнения, а его голос был решающим.

Я уделил много места представлению лиц, работающих в польской секции «Свободной Европы», и показу типичных отношений между людьми в этом учреждении. То, что я написал, в достаточной степени характеризует весь персонал «Свободной Европы», открывает механизм связей этих людей, проливает свет на их прошлые и нынешние взгляды и жизненные устремления. Без хотя бы частичного понимания внутренних законов, обычаев и конфликтов этой замкнутой среды трудно было бы понять, как и по каким причинам мне удавалось в течение стольких лет, играя роль лояльного сотрудника, выполнять свою основную задачу.

Персонал польской секции «Свободной Европы» живет как в гетто. Только немногие сотрудники поддерживают с жителями Мюнхена нормальные контакты. Преобладающее большинство изолируется от внешнего мира, замыкается в собственной скорлупе. Это отнюдь не вытекает из каких-либо глубоких убеждений или эмоциональной неприязни к немцам и их взглядам. Причины этой изоляции чисто житейские. Среди сотрудников польской секции есть много таких, кто, несмотря на более чем десяток прожитых в Мюнхене лет, не знает немецкого языка. Даже направляясь за покупками, они предпочитают идти в магазины самообслуживания, так как там можно все получить и оплатить счет, не открывая рта. Так что варятся все они в собственном соку. Если не сплетничают, то рассказывают, как провели отдых или отпуск. Иногда еще задумываются, куда и как вложить сэкономленные средства, чтобы не понести потерь. Пожилые ждут пенсии и пытаются найти на карте «свободного мира» место, где можно было бы устроиться по возможности дешевле, когда единственным источником жизни будет пенсия и сэкономленные доллары.

В целом сборище людей из польской секции «Свободной Европы» оставляет гнусное впечатление. Отодвину-

тые на задний план истории, окруженные искусственно воздвигнутой китайской стеной, враждующие даже с кругами польской эмиграции, эти люди влачат жалкое существование на подачки американцев, которые, за доллары купив их достоинство, надежды и чувства, используют их на грязной работе и прибегают к их помощи в деятельности, резко нарушающей элементарные принципы официальных межгосударственных отношений. Эта бесспорная правда не доходит уже до сознания Новака и его компании. Они давно стали послушным орудием в руках ЦРУ: за деньги готовы сделать все, не считаясь с собственной совестью.

Я жил в этой среде, узнавал ее изнутри, находил множество примеров, каждодневно подтверждающих мнение Центра о людях из «Свободной Европы». Это может показаться странным, но выполнять задание мне облегчал (подчеркиваю, облегчал, а не затруднял) факт исключительного нагромождения закулисных интересов различных секретных служб, действующих в «Свободной Европе». В сущности, не было комнаты, не было группы, встречавшейся для игры в бридж или на общем пикнике, в которых не нашелся бы кто-то, регистрировавший все высказывания и передававший их офицерам ЦРУ. Однако это была лишь часть сети информаторов. В коллективе были люди, связанные с ФБР; кроме того, как нетрудно догадаться, британская разведка справлялась у своих бывших сотрудников, переданных американцам, о том, что слышно за стенами «Свободной Европы». Не оставались в стороне и немцы. Их секретные службы также интересовались всем тем, что происходит в здании на Энглишер Гартен номер один. Ведь там работало много граждан ФРГ, которые непосредственно сталкивались с проблемами, заслуживавшими часто более пристального внимания.

К этой законспирированной пирамиде следует еще добавить замаскированных доносчиков, занимавшихся «частной разведкой» для узко личных целей важнейших боссов «Свободной Европы». Если бы подсчитать всех этих информаторов, учитывая, что некоторые из них работают на две или три стороны, то их, без преувеличения, будет значительно больше, чем сотрудников в «Свободной Европе». В такой «давке», при постоянном подглядывании и слежке, я мог выполнять свое основное

задание простым и надежным способом. Даже если бы кто-нибудь из моих коллег и начал о чем-то догадываться, он мог прийти к выводу, что я выполнял поручения или ЦРУ, или Новака, или Заморского. Я, несомненно, заботился о том, чтобы не давать оснований для слишком далеко идущих подозрений.

Когда-то, например, Новаку донесли, что на дружеских вечерах я иногда пою русские песни. Директор посмотрел на информатора Кучмерчика с интересом:

— Что вы говорите! И хорошо это делает?

— Неплохо, господин директор.

— При случае попрошу его спеть...

Искренне сомневаюсь, побежал бы еще с каким-нибудь доносом на меня после такого ответа Новака усердный Кучмерчик.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СЕКРЕТЫ „СВОБОДНОЙ ЕВРОПЫ“

В этом разделе мне хотелось бы рассказать, как я подключился к прохождению секретных материалов в «Свободной Европе», что это была за информация и из каких источников она исходила.

Как я уже упоминал, сравнивая «Свободную Европу» с ядовитым мухомором, эта радиостанция, вопреки распространявшемуся до недавнего времени мнению, не занимается исключительно пропагандой и идеологическими диверсиями в рамках психологической войны против социалистических стран. Совсем наоборот, яд в эфире, источаемый в ежедневных передачах, составляет только часть, причем не важнейшую, всего комплекса деятельности «Свободной Европы». Основные же ее задачи, на которые идет значительная часть всех сил и средств, — это разведывательная работа в узком значении этого слова, направленная против Польши и других социалистических государств.

Не вникая детально в довольно сложную структуру радиостанции «Свободная Европа», в общем можно сказать, что подразделяется она на две основные, взаимно дополняющие одна другую службы: пропагандистско-диверсионную и разведывательную.

Пропагандистско-диверсионная служба, передающая

свои радиопрограммы, в частности на польском языке, берет на себя в этой системе следующие задачи:

— сеять беспокойство внутри отдельных социалистических стран посредством искусственного противопоставления интересов общества внутриполитическому курсу органов власти и правящих партий, ссорить эти страны между собой и с Советским Союзом;

— подделываясь под мнимый «голос политической эмиграции» и выступая в роли «борца за правое дело», завоевывать симпатии слушателей, чтобы таким образом постоянно расширять круг потенциальных информаторов и сотрудников ЦРУ в этих странах;

— маскировать разведывательную деятельность «Свободной Европы».

Разведывательная служба в соответствии с текущими потребностями передает часть добытой информации на пропагандистско-диверсионные цели для использования ее в передачах.

Как же строится разведывательная деятельность станции, каким образом туда поступают сведения о социалистических странах и где вербуются люди, которые становятся источниками информации?

Радиостанция «Свободная Европа» располагает довольно разветвленной сетью так называемых местных бюро, размещенных в столицах некоторых государств Западной Европы. Важнейшие и наиболее активные бюро находятся в Лондоне, Вене, Париже, Стокгольме, Западном Берлине и Риме, а также за океаном — в Вашингтоне. В Мюнхене и Нью-Йорке размещаются центральные органы «Свободной Европы», но и здесь выделяются ячейки, выполняющие работу, аналогичную задачам местных бюро. Формально они подчиняются отделу печати, а фактически — разведывательной службе. Этот типичный для «Свободной Европы» маскарад вытекает из двойного характера этой организации и желания скрыть ее суть — разведывательную деятельность.

Местные бюро «Свободной Европы» являются главной базой для получения шпионских сведений из социалистических стран. Их основной источник информации — граждане этих стран, приезжающие на Запад, а также граждане государств Европы и США — в значительной части бывшие жители нынешних стран социализма — или государств третьего мира, посещающие страны социалистиче-

ского содружества. Среди них бизнесмены, ученые, студенты, журналисты и т. д. К источникам информации следует причислить также людей, бежавших из социалистических государств и находящихся в лагерях для перемещенных лиц (Трайскирхен в Австрии, Латина в Италии и Цирндорф в ФРГ), а также некоторых иностранных корреспондентов, аккредитованных в Польше; эти последние не всегда передавали свою информацию в местные бюро, а обычно направляли ее прямо в «Свободную Европу» в Мюнхен, используя в этих целях свои частые служебные поездки из Польши.

Во главе каждого местного бюро всегда стоит офицер ЦРУ, обычно выступающий в роли журналиста, которому подчиняются так называемые корреспонденты «Свободной Европы» — поляки, венгры, чехи, румыны и болгары, также сотрудники Центрального разведывательного управления. Именно они, прикидываясь истосковавшимися по родине земляками, устанавливают контакты с путешествующими на Западе гражданами социалистических стран и ловко выуживают у них информацию. Люди навещают своих родственников, друзей, улаживают различные служебные дела, учатся, проходят стажировку, выполняют обязанности иностранных корреспондентов и т. д. Если представитель радиостанции установит, что его собеседник симпатизирует «Свободной Европе» или вообще Западу и проявляет свою неприязнь к социалистическому строю, тогда в зависимости от обстоятельств он представляется журналистом, работающим в эмигрантской радиостанции, и обращается с просьбой дать небольшую информацию на интересующую его тему. Это очень хитрый способ маскировки получения секретных сведений для ЦРУ. Дезориентированные информаторы из социалистических стран в большинстве случаев убеждены, что действительно имеют дело с эмигрантским журналистом, а не с разведкой чужого государства. Корреспонденты «Свободной Европы» постоянно поддерживают связь с полицией, туристическими бюро и другими учреждениями в странах, где они работают. Поэтому, как правило, они бывают своевременно информированы о приезде наиболее интересных для них лиц из социалистических государств.

О значении, которое американцы придают проникновению в среду перебежчиков или эмигрантов, может крас-

норечиво свидетельствовать протокол секретного заседания их совета по вопросам отношений с заграницей, которое состоялось 8 января 1968 года. Вот фрагмент этого протокола, опубликованный в США: «Естественно, что коммунистический блок, а особенно СССР, являлся до начала пятидесятых годов основным объектом разведывательной деятельности. Обстоятельства привели к тому, что масштабы операций, которые можно было проводить внутри самого блока, были существенно ограничены. Именно по этим соображениям основной упор был сделан на работу среди беженцев из коммунистического блока, проживающих в нейтральных или дружественных нам странах, а также на операции в третьих странах, имеющие целью использовать лиц, приезжающих из некоммунистических стран, в качестве источника информации о советском блоке».

Диапазон интересов корреспондентов местных бюро очень широк. Он отнюдь не ограничивается вопросами, связанными с проблемами обороноспособности Польши и других государств Варшавского Договора и настроений в социалистических странах. Дело в том, что центр тяжести разведывательной работы ЦРУ и других секретных служб переместился в значительной степени с узко военных на политико-экономические проблемы, которые дают более точную и многостороннюю картину изучаемой страны, в то же время отражая ее военный потенциал. Лучше всего об этом говорит разработанный ЦРУ для «Свободной Европы» предметный указатель тем, охватывающий более 4500 вопросов из различных областей. Практически они охватывают все сферы жизни в Польше. Следовательно, не вызывает сомнения, что мы имеем дело с разведкой в тотальных масштабах.

Я не могу ответить на вопрос, на что больше рассчитывали специалисты из ЦРУ в момент создания радиостанции «Свободная Европа» — на последствия пропагандистско-диверсионной деятельности или же на результаты шпионской работы. Подбор сотрудников, в частности в польской секции, указывает на то, что они преследовали обе эти цели, так как предпочитали людей, имевших соответствующий опыт шпионажа. Сообщая биографии некоторых моих «коллег» из «Свободной Европы», я сознательно подчеркивал этот факт.

Трудно не согласиться с тем, что объединение в одной организации этих двух разных служб — пропаганды и разведки — хитрый замысел. Если бы к обычному жителю Польши, выехавшему на Запад, подошел некто и сказал: «Извините за беспокойство, я сотрудник американской разведки и хотел бы получить от вас некоторую информацию, необходимую властям США», то наш соотечественник, даже из числа опьяненных западным образом жизни, очевидно, отреагировал бы таким образом, что обескураженный корреспондент вынужден был бы немедленно убраться восвояси.

Совсем иначе пойдет разговор, когда к нашему соотечественнику приблизится человек и вежливо скажет: «Я журналист, вот мое журналистское удостоверение. Я узнал о вашем приезде в справочном бюро авиалиний. Сердечно приветствую вас в...» И так далее, тоном, преисполненным любезности, с многообещающими жестами и улыбкой. Наш соотечественник неоднократно видел в кинохронике и теленпередачах, как на аэродроме или железнодорожном вокзале министра А, директора Б, чемпиона В или профессора Г окружают журналисты с открытыми записными книжками или микрофонами, как охотно эти люди дают интервью после возвращения из зарубежной поездки. Захваченный врасплох, наш соотечественник, если к тому же он принадлежит к людям с высоким самомнением, бывает приятно польщен неожиданным вниманием прессы. Человек, получивший некоторую известность на родине, может подумать, что слава его уже вышла за пределы Польши. Конечно, это не касается всех путешествующих граждан. Я привожу лишь некоторые возможные примеры. Многие только пожмут плечами, спросят перед тем, как дать интервью, кого представляет корреспондент, и, узнав это, ни слова не говоря, распрощаются. Теперь ЦРУ, стремясь открыто использовать «Свободную Европу» для разведывательных целей, может рассчитывать лишь на людей наивных или открыто враждебно настроенных. Однако, пока граждане социалистических стран не научились так поступать, они вынуждены были расплачиваться за доверчивость, причем не только из своего кармана...

Среди наивных относительно большую группу составляют те, у которых слово «разведка» связывается исключительно с военной информацией. Они не будут расска-

зывать о дислокации войсковых частей, их вооружении, об аэродромах, морских базах, железнодорожных узлах или мостах. Из книг, кинофильмов, даже из школьных уроков они знают, что шпионы всегда собирали подобного рода сведения. Однако для современной разведки сведения об экономике, о техническом состоянии машинного парка на заводах, новых открытиях, новых направлениях научно-исследовательских работ, настроениях в обществе или чертах характера государственных деятелей столь же важны, как и информация о количестве ракетных установок или характеристика радиолокационных станций дальнего действия.

Для большой категории людей разведка — слишком абстрактное, оторванное от обыденной жизни понятие.

Наивный человек, которого немного погладят по шерстке и поиграют на его самолюбии, расскажет о многих известных ему вопросах, поделится самыми свежими новостями. Незначительный подарок, несколько комплиментов на тему сообразительности, памяти и наблюдательности действуют как кнут на отдохнувшего коня.

Людей, сознательно враждебно настроенных, я разделю бы на две группы. Одни — наши политические враги, которые живут между нами, маскируя свои чувства, но, как только очутятся на Западе (по их мнению, вне досягаемости органов нашей социалистической власти), дают волю накапливаемой месяцами и годами ненависти.

Другие хотят с помощью «Свободной Европы» свести личные счеты, нанести удар по своим истинным или мнимым соперникам. Таким образом писатели рассказывают о писателях, священники о священниках, журналисты о журналистах, врачи о врачах... Этот метод устранения конкурента аналогичен, в сущности, практике писания анонимок, с той только разницей, что в «Свободной Европе» остаться анонимом невозможно. В приложении к докладу корреспондент сообщает имя, фамилию информатора и другие подробности о нем. Однажды занесенный в картотеку, информатор «Свободной Европы» остается там на многие годы. На основе этих материалов ЦРУ изучает, в частности, настроения в определенных кругах. Они могут быть использованы и используются как компрометирующий материал. Всегда может случиться, что к поставщику злобной информации придет кто-нибудь и скажет: «Или публично будет объявлено, кто дал «Сво-

бодной Европе» эти сведения, или вы...» И молчание покупается ценой новой информации.

Есть и такие, кто продает корреспондентам «Свободной Европы» сведения за несколько долларов или ужин. Я упоминаю о них для порядка, так как это типичные не только для «Свободной Европы» клиенты. Если они попадают в местные бюро, а не в другие разведывательные службы, то главным образом потому, что «Свободная Европа» более густо размещает своих агентов всюду, где можно встретить поляков.

В 1969—1970 годах я все чаще слышал в «Свободной Европе» жалобы на приезжающих на Запад поляков. Значительно энергичнее, чем прежде, они гнали прочь от себя любого, кто ссылаясь на свои связи с «Свободной Европой». Из этого следует несомненный вывод: все больше людей в Польше понимают истинный характер мюнхенской организации ЦРУ, замаскированной под вывеской радиостанции. В такой ситуации руководство «Свободной Европы» рекомендует своим сотрудникам не признаваться, кто стоит за их спиной и по чьему распоряжению они действуют. В Лондоне, Париже и Вене завербованы новые лица. Руководство «Свободной Европы» для получения нужных сведений стремится шире использовать людей, живущих в эмиграции, у которых нет оснований резко осуждать информаторов «Свободной Европы».

В местных бюро работают так называемые польские корреспонденты «Свободной Европы». Почти со всеми я познакомился на конференции в Фельдафинге, позже присмотрелся к ним внимательнее на других совещаниях и во время их приезда в Мюнхен.

В Лондоне работал Рубцось — Збигнев Раценский. Его биография мало чем отличалась от биографий других постоянных сотрудников. Во время войны он был связан с генералом Андерсом и оказывал различные услуги британской разведке. После войны мало что изменилось. В течение нескольких лет он был заместителем главного редактора эмигрантского журнала «Ожел бялы», сотрудничал также с издаваемыми в Лондоне «Дзенником польским» и «Дзенником жолнежа». Не знаю, сама ли британская разведка направила Раценского на работу к американцам, или же она только выразила согласие на его переход. Разница здесь небольшая.

Когда создавалась польская секция «Свободной Европы», Раценский стал сотрудником лондонского бюро. Рубцось хорошо знают во всех эмигрантских польских рестораниках, клубах и пивных Лондона. Ни возраст (родился он в 1906 году), ни тучность не уменьшили его подвижности. Он хвалился, что первым начал использовать в широких масштабах «охотников». Его задача облегчалась тем, что в Великобритании много поляков, считающихся политическими эмигрантами. Поскольку большое число приезжающих в Англию соотечественников с ним контактирует, оборотливый Рубцось постарался найти и в этой среде желающих с ним сотрудничать.

В польской секции Раценского недолюбливали. Американцы обычно ставили его в пример как образец оперативности, слишком часто хвалили. Новак тоже заболел о Раценском — не столько под влиянием боссов из ЦРУ, сколько учитывая общие финансовые интересы. Оба умели заботиться о своем банковском счете. Когда однажды обнаружилось, что Рубцось некоторые свои донесения просто переписывал из газет, выходящих в Польше, это дело, как и следовало ожидать, довольно быстро замяли. Подобная же история случилась в Стокгольме, но тогда ее виновница пани Игнатович вылетела с работы. Разные меры справедливости существуют в польской секции «Свободной Европы».

В парижском бюро больше корреспондентов, специализирующихся на обработке поляков. Руководит ими Тотусь — Тадеуш Парчевский, который гордится тридцатипятилетним стажем работы в различных секретных службах. Мне не хотелось бы умалять его «заслуги», но я считаю, что Стыцулковская все же немного преувеличивала, когда говорила: «Если кто-либо из поляков хочет иметь неприятности с французской полицией, то ему достаточно столкнуться с Тотусем...»

Парчевский является наименее зависимым с финансовой точки зрения корреспондентом польской секции «Свободной Европы». В 1949 году он был вместе с Янковским основателем, а позднее и активным деятелем Союза польских федералистов. По поручению этого союза он в течение нескольких лет организовывал и проводил под Орлеаном семинар для молодых поляков, приезжающих из страны. Парчевский считался экспертом по вопросам связей с польской молодежью, и поэтому ЦРУ

направляло его во главе диверсионно-пропагандистской группы «Свободной Европы» на Фестиваль молодежи и студентов в Вене (1959 год), а спустя год — на Олимпиаду в Риме.

Тотусь не работает в одиночку. Ему помогают Мацей Моравский и Мариан Чарнецкий. Особенно выделяется Ежи Янковский. Очевидно, если он благополучно пройдет испытание в роли «охотника», то получит должность старшего сотрудника «Свободной Европы». В этом обществе вращается еще Адам Сутковский, а также старый Хертц из парижской «Культуры», который после беседы с кем-либо из польских писателей не упустит случая написать донесение в «Свободную Европу», ибо ведь это всегда как-никак деньги.

В столице Италии работают в качестве корреспондентов Казимеж Комла и Витольд Захорский. Этот дуэт вызывает в польской секции много насмешек из-за позорно примитивного уровня присылаемых донесений. Даже Знамеровский, тоже не орел, однажды сказал: «Им столько приходится бегать по заданиям Вильсона (Мишель Вильсон был тогда шефом местного бюро в Риме), что они уже не заботятся о том, что о них говорят в Мюнхене». Если бы было иначе, они оба давно бы распрощались с радиостанцией.

Комла не только имеет нормальные для каждого корреспондента «Свободной Европы» связи с ЦРУ, но не разорвал контактов и с итальянской разведкой. Он их установил еще будучи сотрудником польского консульства в Милане, то есть до 1952 года, когда отказался возвратиться в Польшу. На территории Италии он старается вступить в контакт с лицами интеллектуального труда, приезжающими из Польши. К своим собеседникам Комла пытается подходить «слева», так как перед войной, обучаясь в Варшавском университете, был членом Национального союза социалистической молодежи и кое-что от этой идеологии осталось в его голове.

Захорский же в основном вращается в кругу тех приезжающих поляков, к которым легче подойти «справа», то есть людей со взглядами, далекими от социализма. Сам он человек «твердой кости», поскольку с 1948 года непрерывно является председателем Общества польских

ветеранов в Италии, работает, как и Парчевский, в Союзе польских федералистов и для АПНЕ¹.

К этой хорошо спевшейся паре корреспондентов старается присоединиться на правах волонтера известный публицист парижской «Культуры» Густав Херлинг-Грудзинский.

О Михале Лисиньском, руководителе польской секции в стокгольмском бюро, я уже упоминал. Мое мнение о нем не изменилось со времени конференции на озере Штарнберг, когда я впервые его увидел. Он был смиренным и услужливым по отношению к Новаку, дерзким и самоуверенным в отношениях с другими сотрудниками.

В своих донесениях он старался специализироваться по проблематике наших приморских воеводств, особенно в морском хозяйстве и судостроительной промышленности. Уже через несколько лет (а точнее, с 1968 года) его амбиция значительно возросла. Когда в Швецию и Данию начали приезжать группы людей, объявлявших себя «жертвами польского антисемитизма», жаждущий успеха Лисиньский почуял богатый улов. Он старался изо всех сил и с помощью телекса и курьеров посылал в «Свободную Европу» массу различных материалов и донесений о проведенных беседах. На этом деле он обогатился. Купил имение, по-новому оборудовал квартиру, его жена бросила работу. Правда, он не достиг уровня Новака, но на фоне других сотрудников польской секции, завистливо следящих за состоянием чужого кармана, прыгнул весьма высоко.

Лисиньский рассказывал, что по его инициативе в Стокгольме возникло эмигрантское отделение ППС с хорошо оборудованным рестораном. Также благодаря ему издавался «Бюллетень социалиста» — периодический журнал, в котором печатали свои статьи Лукаш Винярский, Михал Мирский и несколько других лиц, эмигрировавших из Польши после мартовских событий 1968 года.

¹ АПНЕ — Ассамблея поработанных народов Европы — организация, созданная по инициативе Государственного департамента США. Она объединяет реакционных политических деятелей — эмигрантов и беженцев из стран Восточной Европы. Задача организации состоит в координации международной антикоммунистической деятельности эмигрантов. — *Прим. ред.*

Зеньчиковский насмеялся над бахвальством Лисиньского, говоря, что в ресторане этого проходимца проводятся встречи с весьма сомнительными людьми.

Шефом польской секции в венском бюро является Вацлав Поморский. Мне сразу хотелось бы заметить, что это бюро играет очень важную роль и причисляется к наиболее действенным отделениям «Свободной Европы». Это произошло по некоторым очень существенным причинам.

Крупные, международных масштабов печатные агентства, многочисленные редакции американских, британских и французских газет, различные радио- и телевизионные корпорации западных государств избрали для себя столицу Австрии местом пребывания редакционных отделений, специализирующихся по проблематике Восточной Европы. Они имеют многочисленные, хорошо подготовленные профессионально и знающие проблемы журналистики кадры и используют либерализм австрийского закона о прессе, который позволяет, например, аккредитовать на правах иностранных корреспондентов от «Свободной Европы» при Бундеспрессединст (федеральная служба прессы) сотрудников, работающих на этой радиостанции в должности составителей анкет. Благодаря таким льготам для иностранной печати в Вене можно встретить весьма подозрительных людей. Это дает возможность работать там также Вацлаву Поморскому и его помощникам.

Вена расположена недалеко от Братиславы и Будапешта, имеет много удобных воздушных и железнодорожных путей сообщения со столицами социалистических государств. Австрийские граждане (Поморский тоже официально является гражданином Австрии) имеют право въезда в некоторые социалистические страны без визы. Когда они выступают в качестве туристов, то получают визу на границе, оплачивая небольшой сбор. Размещенные в Вене отделения редакции принимают на работу австрийских граждан, которые в случае необходимости направляются своими работодателями в социалистические государства в целях получения новой или подтверждения уже имеющейся информации, закупки появляющихся издательских новинок, участия в различных мероприятиях и т. д.

Столица Австрии, несомненно, привлекательна благодаря своей архитектуре и памятникам старины. Она чаще

всего посещается гражданами социалистических государств. Ни в Париже, ни в Лондоне я не видел на главных улицах больших магазинов с надписями, информирующими, что их персонал может говорить с клиентами на польском, русском, чешском, венгерском и румынском языках. В Вене таких надписей много. Кроме того, там существуют польские магазинчики, торгующие почти всем, что мы видим в наших комиссионных магазинах. Несколько таких магазинчиков являются собственностью родственников и друзей «охотников», работающих на Вацлава Поморского.

Это, разумеется, не означает, что Поморский интересуется только поляками, прибывающими в Вену с целью улучшить снабжение польских комиссионных магазинов. Конечно, он ценит и таких соотечественников, но эта второстепенная сторона не отвлекает его от основных шпионских заданий. Иногда он даже пытается забраться несколько выше. Когда в 1963 году в Вене образовалось общество польской культуры, Поморский вошел в состав его правления. Более того, поскольку общество испытывало материальные трудности, великодушный Поморский, желая оставить о себе хорошее впечатление, обратился к польской секции за помощью. Насколько помню, он получил из социального фонда польских сотрудников радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене пособие в размере пятидесяти марок в месяц, которые должны были выплачиваться до конца 1970 года.

Вацлав Поморский дружил также с Свинарским. В конце 1963 года Свинарский решил не возвращаться в Варшаву; за несколько дней перед тем, как поставить об этом в известность польские власти, он устроил прием, на котором Вацлав Поморский был одним из наиболее почетных гостей. Дружба между ними продолжалась несколько лет. Покойный Свинарский любил в шутку говорить, что имеет те же пристрастия и склонности, за которые был осужден Оскар Уайльд. Поморский, мужчина с мягкими манерами, пришелся ему по вкусу. На это обратил внимание Заморский. Благодаря его подсказке пани Уршула Ясиньчук сделала интересное открытие: она заметила, что Поморский подкрашивает себе лицо и употребляет дамские духи.

Корреспонденты и привлеченные ими к работе люди стараются своевременно знать, кто и когда приезжает

из Польши, где остановится и с кем будет поддерживать контакты. В странах, где обязательным является закон о прописке, с этим нет никаких трудностей. Местная полиция, зная связи таких корреспондентов с ЦРУ, позволяет им знакомиться с документами, на основе которых приезжие из Польши получили визу. Во время моей работы в Польском отделе исследований и анализа многократно приходили телеграммы из Вены, Лондона или Парижа с просьбой немедленно сообщить персональные данные и характеристику, например, на пани Б из Варшавы или профессора А из Кракова. Мы знали, когда ожидается приезд этих лиц, и корреспонденты могли сориентироваться, стоит ли искать к ним подход, и если да, то на какой почве. Любая информация, даже ничтожная, играла тогда важную роль. Если, например, было известно, что жена профессора А сожительствоет с паном Х, а профессор об этом узнал и, не имея сил смириться с ее изменой, пытался утопить свою тоску в алкоголе, то смекалистый корреспондент уже получал неплохие исходные данные для беседы. Он мог рассчитывать на получение детальных характеристик упомянутых трех лиц, на подробное ознакомление с их связями в высших учебных заведениях, об обстановке в каждом конкретном учреждении. Отсюда уже был шаг к более серьезным вопросам о предметах, известных собеседнику. Все эти мелочи позже излагались в подробном донесении и использовались для дополнения картотеки «Свободной Европы», давая в будущем основание для разговора по другим вопросам. Из накапливаемых деталей со временем могла сложиться полная картина по интересующей разведку проблеме.

Круг интересов корреспондентов и их помощников обширен. Они хотят знать все. Любая информация, не имеющая даже в данный момент большого значения, может быть вспомогательным элементом при проверке других данных, может подтвердить или опровергнуть достоверность материалов, полученных из других источников, может, наконец, понадобиться в конкретном случае через несколько месяцев или лет.

О масштабах интересов «Свободной Европы» как организации ЦРУ ярко свидетельствует уже упомянутый мною предметный указатель, разработанный под углом зрения узко разведывательных потребностей. В соответствии с ним в архивах собираются поступающие в «Сво-

бодную Европу» материалы. Предметный указатель, имеющий цифровой код, делится на главные проблемные группы, а те, в свою очередь, на более конкретные разделы. Так, например, к главным проблемным группам относятся: администрация (условный знак — 100), сельское хозяйство (200), вооруженные силы (300), пути сообщения (500), промышленность (1700), общее настроение (2000). Эти группы вопросов охватывают, как я уже сказал, всю жизнь в Польше. Каждая из них стремится возможно полнее осветить свою проблему.

Например, в сельском хозяйстве знак 202/2 означает машинно-тракторные станции, 210 — животноводство, 219 — ирригацию, 221 — индивидуальные хозяйства, 225 — сельскохозяйственные науки.

Папки со знаком 300 охватывают проблемы наших вооруженных сил: 301 — сухопутные войска, 302 — авиация, 303 — военно-морской флот, 306 — вопросы обеспечения кадрами (стоит отметить, что «Свободная Европа» интересуется офицерами в ранге от поручника и выше), 317 — женщины в армии, 321 — военизированные организации. К этой же группе вопросов надо причислить заглавные слова с исходной цифрой 400, касающиеся территории в приграничной зоне: 401 — это пограничные войска и защита границ, 405 — контрабандисты, 407 — прибрежная зона.

Очень широко представлена в предметном указателе промышленность. Здесь речь идет уже не только о ее главных отраслях, например тяжелой, автомобилестроительной или химической, а обо всех объектах и производственных предприятиях и полном ассортименте производимой в стране продукции. Для иллюстрации широты интересов скажу, что условный знак 1701/1 означает типы самолетов, вертолетов и планеров, 1701/3(а) — лаки и краски, 1701/4(в) — галантерея и пуговицы, 1701/6(з) — табак, 1701/12(е) — трикотажные изделия, чулки и трико, 1701/13(д) — спички, 1701/15(м) — игрушки, 1701/15(о) — лекарственные травы.

Вопросы о ПОРП имеют исходную цифру 600 и подразделяются, в частности, на следующие проблемы: 603 — идеология и кадры, 604 — внутрипартийные проблемы, 607 — отклонения.

Регистрируются даже анекдоты — под цифрой 2001.

Ознакомление с предметным указателем проливает свет на истинный характер «Свободной Европы» как организации, нацеленной главным образом на ведение разведывательной деятельности в каждой области.

Попробуем теперь посмотреть на способ обработки материалов и их путь от первоначальной инстанции до надлежащего адресата в Мюнхене и дальше — в ЦРУ.

О проведенном разговоре корреспонденты «Свободной Европы» и их помощники каждый раз пишут подробное донесение. Вместе с двумя копиями оно регистрируется и обозначается шифром, по которому можно установить, кто его подготовил. К донесению в коричневом конверте прилагаются персональные данные информатора, написанные на формуляре из белого картона. Корреспондент обычно сообщает свое имя, фамилию и адрес своего собеседника, его служебное положение в Польше, а также, по мере возможности, другие подробности: возраст, партийную принадлежность, образование, псевдонимы, употреблявшиеся в годы оккупации и теперь (это прежде всего касается журналистов, писателей, артистов). Карточка информатора регистрируется под тем же самым номером, что и донесение. Ни один из информаторов даже не подозревает, что достаточно одного разговора, чтобы его фамилия была включена в картотеки «Свободной Европы».

Шеф местного бюро передает донесение с «персональным приложением» в резидентуру ЦРУ в стране, где работает корреспондент. Специальные курьеры привозят его в Мюнхен и отдают под расписку в консульство США, откуда оно попадает в подразделение ЦРУ в «Свободной Европе». Это донесение вновь регистрируется в журнале поступающей корреспонденции и после ознакомления с его содержанием передается соответствующему национальному отделу исследований и анализа.

Отдел, где я работал, подразделялся на две группы: строго секретную (аналитическую) и секретную (исследовательскую). Сотрудники второй группы, хотя и занимались в принципе только официальными материалами, имели доступ также к секретным материалам, находящимся в комнате F-9, и ввиду этого рассматривались так же, как и персонал первой группы (аналитической).

Я начал работу в «Свободной Европе» в первой группе. Тогда она размещалась в комнате F-1. Я пишу «тог-

да», так как после моего возвращения в Польшу боссы «Свободной Европы» приказали переставить даже шкафы, чтобы иметь возможность кое-кому показать, насколько неточными были якобы мои сообщения, когда я выступал перед телевизионными камерами и на пресс-конференциях с польскими и иностранными журналистами. Вторая группа — группа исследований — собирала вырезки из газет и журналов и данные радиоперехвата в соответствии с предметным указателем, коренным образом отличавшимся от указателя, действующего в аналитической группе.

Через полгода работы в комнате F-1 я был переведен в группу анализа, получил стол в комнате F-9. Именно тогда, подробно ознакомившись с внутренними условиями работы, я сообщил в Центр, что могу «контролировать» поток секретных документов, проходящих через польский отдел. Мне нужна была только техническая помощь, которую я вскоре получил.

Донесения из местных бюро «Свободной Европы» в Мюнхен привозили курьеры. Видели мы их довольно часто. Это были молодые мужчины, ходившие при доставке секретных документов всегда парами.

В здании на Энглишер Гартен вся секретная почта, а следовательно, и донесения корреспондентов попадали вначале к Гансу Фишеру, о котором я уже немного писал. Оттуда она переходила в руки Роберта Кнауфа, офицера разведки, официального заместителя по административным вопросам директора «Свободной Европы» Ральфа Вальтера. В ведении Кнауфа находилась секретная картотека информаторов «Свободной Европы», вела ее пани Анна Шоновер. Картотека содержала фамилии всех, кто когда-либо дал (иногда непреднамеренно) сведения для «Свободной Европы», а точнее говоря — для ЦРУ.

От Кнауфа донесения шли к директору Восточноевропейского отдела исследований и анализа через посредство Сильвестра Рамиреза или Анны Шоновер. Этот отдел, мне еще раз хотелось бы подчеркнуть, является мозгом разведывательной организации «Свободной Европы». Его директор полковник Джеймс Браун имел двух помощниц: Летте Шмид (секретаря) и Эдит Низнанскую (исследователя). Первая была немкой, вторая — чешкой, женой Ладислава Низнанского, главного аналитика в Чехословацком отделе исследований и анализа. Обе жен-

щины пользовались особым доверием Фишера и Брауна, и поэтому им было поручено вести журнал входящих донесений и распределение материалов между национальными отделами.

Из польского отдела два раза в день ходили за донесениями Уршула Ясиньчук или я. Каждое донесение предварительно регистрировалось в журнале; одну копию секретарь направляла Новаку, другую откладывала для хранения в сейфе в комнате F-7. Оригинал донесения вместе с конвертом, содержащим данные об информаторе, получал Казимеж Заморский и передавал его аналитику для обработки. Часто он проверял, открывал ли кто-нибудь конверт до него. Гарантия была простой: тот, кто запечатывал конверт, подписывался на месте склейки, а свою подпись дополнительно покрывал целлофановой клейкой лентой. Так поступали и аналитики после ознакомления и обработки с картотекой информатора.

В мое время пяти лицам были вменены в обязанность анализ и оценка донесений. Это были: Заморский, как шеф отдела, два его заместителя Дыгнас и Кшижановский, а также Зволинская и Смолинский. Все операции, связанные с передачей и получением донесений, заносились в журнал секретарем.

В чем заключалась оценка?

Главным образом это был предварительный анализ содержания донесения и степени достоверности содержащихся в нем данных на основе уже ранее полученных и хранящихся в архиве польского отдела материалов и характеристики самого информатора, представленной корреспондентом. Так, например, информация, касающаяся конкретных лиц, сверялась с персональной картотекой, ведущейся уже в течение многих лет. В день моего отъезда она насчитывала свыше 60 000 фамилий людей, занимающих различные посты в партии, административных органах, армии, милиции, средствах массовой пропаганды, мире культуры и т. д.

Картотека систематически дополнялась новыми фамилиями и свежими информационными данными, поступающими из официальных источников (печать, радио, телевидение) и из секретных донесений. На многих личных карточках стояла надпись: «Смотри папку...», которая означала, что аналитик мог еще заглянуть в персональную папку, где собирались вырезки из газет (оригиналы или

ксерографические копии), отрывки из радио- и телеперехвата и секретных донесений. Такие папки заводились независимо от уже существующей карточки на лиц, заслуживающих особого внимания «Свободной Европы».

Наряду с личной картотекой с аналогичной тщательностью также велась предметная картотека, охватывающая польские промышленные предприятия, шахты, металлургические заводы, сельское хозяйство, транспорт, связь и военные объекты, школы, высшие учебные заведения, общественные организации, политические партии, костелы, церковные приходы и т. д. Ее дополняли тематические папки, постоянно пополняемые новыми сведениями, поступающими из различных источников. Этот обширный тематический каталог постоянно приводился в порядок и велся систематически, в соответствии с уже упомянутым предметным указателем.

Аналитик заглядывал в конверт, содержащий данные об информаторе. Если его имя уже фигурировало в личной картотеке в отделе Заморского, в нее вносили новые сведения, собранные корреспондентом. Под ними вписывалось название учреждения, номер и дата донесения, которое разработано на основе сообщения информатора. Рядом ставилось сокращение СОО (секретная опись источника). Если информатор не имел еще личной карточки, она заводилась, в нее вписывались личные данные, снабженные соответствующим кодом. Таким образом, каждый информатор «Свободной Европы» регистрировался дважды: в картотеке информаторов, находившейся в коридоре Н (комнаты 108 и 109), которую вела Анна Шоновер, и в личной картотеке в отделе Заморского, в котором работал я.

Из донесений выуживались любые данные, касающиеся третьих лиц, которых характеризовал информатор. Они использовались для дополнения личных карточек или заведения новых. Под этими записями также ставился шифр, указывающий на происхождение информации, но уже без сокращения СОО.

Просматривая личные карточки в комнате F-9, знакомый с системой человек мог установить, кто является информатором «Свободной Европы» и без использования картотеки, которую вела Анна Шоновер. Достаточно было только заметить, на чьих личных карточках ставилось сокращение СОО.

Часто бывали случаи, когда американская разведка особо интересовалась каким-то лицом. Тогда Роберт Кнауф присылал Заморскому специальную анкету в конверте, опечатанном сургучом, и поручал очень тщательно сверить имеющиеся данные об этом человеке. Уточненная анкета возвращалась Кнауфу. Как правило, это касалось «серьезных источников информации» или кандидатов на работу в «Свободной Европе».

После анализа донесения аналитик писал собственные комментарии, содержащие его оценку степени достоверности данных: конкретно уточнял, что определенно заслуживает доверия, что звучит правдоподобно и что, наконец, следует считать неточной информацией, преувеличенной или просто фальшивой. Комментарии подклеивались к первой странице донесения. Иногда в результате этого изучения аналитик предлагал, чтобы корреспонденты или разведывательные органы более глубоко осветили некоторые факты. Эти предложения рассматривались американцами и в зависимости от их мнения получали официальный ход по разным каналам ЦРУ или же отклонялись.

С учетом содержания изложенной в донесении информации, а также положения и поста информатора в Польше аналитик обозначал соответствующую степень секретности сведений и определял круг получателей донесения.

Обработанные донесения секретарша Заморского относила в отдел полковника Брауна, где после перевода на английский язык (переводчики — Рышард Колачковский и Мария Анелевская) американские специалисты подвергали их двойному анализу, но уже исключительно под углом зрения интересов ЦРУ и политического руководства Государственного департамента. Секретные донесения там тоже размножались в необходимом количестве экземпляров в зависимости от степени секретности.

Применялись следующие степени секретности:

SLD (Special Limited Distribution — особо ограниченный доступ) означала строго секретные донесения. Они предназначались исключительно для ЦРУ и не размножались для нужд пропагандистско-диверсионной деятельности «Свободной Европы». Редакторы радиостанции вообще о них не знали. Только Заморскому возвращался оригинал.

LTD или LD (Limited Distribution — ограниченный доступ) — это секретные донесения, которые размножались в 34 экземплярах на синей бумаге и предназначались для использования прежде всего ЦРУ и дружественными ему разведывательными службами (Бундеснахринтендинст, Интеллидженс Сервис и другие) и специализированными антикоммунистическими институтами. Отчасти ими пользовались также редакторы пропагандистско-диверсионных отделов «Свободной Европы» с оговоркой, что в передачах запрещалось приводить содержание этих донесений дословно. Отдел Заморского получал три экземпляра, которые хранились в тематических папках в комнате F-9.

ID (Internal Distribution — внутренний доступ) предназначались в основном для использования редакторами пропагандистско-диверсионных отделов, хотя их использовали также учреждения, сотрудничавшие с «Свободной Европой». Они размножались на бумаге салатного цвета в 50 экземплярах. Отдел Заморского получал пять экземпляров. Хранились так же, как и донесения LTD.

ND (Normal Distribution — обычный доступ) содержали различные слухи, домыслы и обычные сплетни, не представляющие почти никакой ценности для разведки. Они без ограничений могли использоваться в радио-пропаганде. Печатались в 70 экземплярах на белой бумаге. Одиннадцать экземпляров получал Заморский.

После размножения оригиналы донесений возвращались в отдел Заморского и хранились в специальном сейфе у шефа. Копии оригиналов, возвращаемые Новаком и хранящиеся у Заморского в комнате F-7, время от времени уничтожались на месте, а в последнее время передавались в бюро безопасности, откуда подчиненные полковника Фишера перевозили бумаги в консульство США в Мюнхене и там их уничтожали.

Обращаю внимание на тот факт, что добытые корреспондентами материалы после их обработки в отделе исследований и анализа и изучения американскими специалистами по разведке в преобладающем большинстве предназначались для ЦРУ и только их незначительная часть попадала в пропагандистско-диверсионные отделы. Таким образом, информация, добытая на самом низком уровне — сотрудниками местных бюро «Свободной Евро-

пы», корреспондентами и их помощниками, — проходила через ряд инстанций, чтобы в конце своего пути очутиться в архивах и картотеках Центрального разведывательного управления США.

Распределением размноженных донесений, выходящих за пределы радиостанции, занимается разведывательный отдел «Свободной Европы». Карточки информаторов вновь попадали к Анне Шоновер, которая хранила их в специальных сейфах. Картотеки информаторов велись по двум системам: алфавитной — по звучанию фамилий с подразделением на отдельные страны (в алфавитном порядке) и нумерационной — в соответствии с порядковыми номерами поступающих донесений.

Вместо того чтобы рассказывать о соотношении между материалами разных степеней секретности и характеризовать их тематический профиль, я приведу оригинальные фрагменты строго секретного «Отчета о контроле работы бюро «Свободной Европы» (польского корреспондента) в Париже», сделанного Казимежем Заморским 30 января 1968 года:

«Я изучил 333 польских донесения за период ноябрь 1966 — октябрь 1967 года, начинающиеся от номера Па-12057/Б до номера 12431/Б».

К слову скажу, что буквы «Па», предшествующие номеру, означают Париж, соответственно в донесениях из других местных бюро «Свободной Европы»: «Лю» — Лондон, «Бе» — Западный Берлин, «Мю» — Мюнхен, «Ри» — Рим, «Ве» — Вена. Буквы «Ми» вначале я принимал за ошибку, но потом убедился, что это были донесения, составляемые другим звеном ЦРУ и направляемые на анализ в «Свободную Европу». Вернемся, однако, к отчету Заморского. Далее он пишет:

«Использованные источники:

— приезжие, беженцы и письма из Польши	229	68,77 %
— польские эмигранты, посещающие Польшу	24	7,21 %
— западные (французские) гости в Польше	28	8,41 %
— местные события ¹	52	15,61 %
	333	100,00 %

¹ Здесь речь идет о событиях во Франции. — *Прим. авт.*

Распределение донесений:

— политика	87	26,13%
— экономика	62	18,62%
— культура	57	17,12%
— церковь	46	13,81%
— международные вопросы	18	5,41%
— радиостанция «Свободная Европа»	9	2,70%
— шутки и анекдоты	12	3,60%
— вопросы польской эмиграции	9	2,70%
— разное	33	9,91%
	333	100,00%

Качество с учетом аналитических комментариев:

— очень хорошие	20	6,01%
— хорошие	156	46,85%
— посредственные	109	32,73%
— второстепенные	46	13,81%
— отвергнутые	2	0,60%
	333	100,00%».

Пригодность донесений с точки зрения нужд ЦРУ и «Свободной Европы» Заморский оценивает следующим образом:

«SLD — особо секретные до- несения	12	3,6%	очень хоро- шие
LD — секретные донесения	108	32,45%	хорошие
ID — донесения для внут- реннего распределения	45	13,51%	второсте- пенные
ND — обычные донесения	127	38,13%	посредст- венные
Для возможного использо- вания	39	11,71%	второсте- пенные
Отвергнутые	2	0,6%	
	333	100,00%».	

Заморского в течение двухнедельного пребывания в Париже гостеприимно принимали Тотусь-Парчевский и его люди, что нашло отражение в цитируемом отчете, написанном для Ричарда Кока — предшественника Брауна. Однако он не скрывал, что считает парижских коррес-

пондентов малопродуктивными. Со своей стороны мне хотелось бы прокомментировать приведенные таблицы, чтобы можно было лучше понять, что следует о них думать.

Я вынужден согласиться с Заморским, что польский корреспондент парижского бюро с точки зрения ЦРУ и «Свободной Европы» не является наилучшим работником. Это бюро также не находится на высоком счету у руководства «Свободной Европы». Однако нельзя называть Парчевского ленивым человеком, поскольку он работает не только на американцев, но также стремится удовлетворить потребности других секретных служб. Процент донесений самой высокой степени секретности, получаемых из парижского бюро, особенно не отличается от аналогичного показателя для материалов, присылаемых из Лондона или Вены. В целом можно сказать, что процитированные из отчета Заморского данные, касающиеся чисел, тематики и пригодности донесений и источников информации, являются типичными для деятельности «Свободной Европы» в периоды относительного спокойствия в мире и отсутствия «сенсационных» событий в Польше. Когда дело доходит до столкновений или конфликтов, тогда на корреспондентов сильно давят телефонными звонками и запросами по телексу из Мюнхена. Тогда они должны проявлять большую активность, бегать, искать, устанавливать новые связи. При отсутствии достаточно разговорчивых поляков им приходится в большей степени использовать иностранцев, возвращающихся из Польши, а это уже меняет пропорции в сводке источников, изменяет качество получаемых материалов. Характер событий, вызвавших рост потребности в информации из Польши, непосредственно влияет на соотношение тем, затрагиваемых в донесениях. Одним словом, это исключительные периоды, они являются определенным мерилем разведывательных возможностей «Свободной Европы».

С конца 1968 года количество донесений, посылаемых в Польский отдел исследований и анализа, начало резко сокращаться. В январе или феврале 1969 года мы на эту тему разговаривали с Заморским. Пан Казимеж, хотя звезд с неба не хватал, не мог не заметить наступивших изменений. Он тогда сказал:

— Большинство из наших людей в Варшаве отошли, а те, кто не отошел, примолкли. Совсем новых мы еще не

узнали и не знаем, как к ним подойти и где... Слишком мало мы занимались теми, кто может через несколько недель или несколько лет занять различные посты. Теперь мы должны это наверстать.

Этот разговор у меня всегда ассоциируется с заказом, который получил от американцев Анджей Смолинский. А именно: ему поручили подготовить обширный прогноз на тему возможностей продвижения в партийном и государственном аппарате ста восьмидесяти разных деятелей в Польше. Часть фамилий назвали американцы, остальные он должен был выбрать сам.

Заканчивая свои замечания о методе разведывательной деятельности «Свободной Европы» и способах оценки и использования добытой информации, мне бы хотелось подчеркнуть еще один необычайно важный элемент.

«Свободная Европа», несомненно, располагает богатой подборкой различных сведений о Польше и многочисленной группе поляков, представляющих почти весь диапазон профессий, служебных должностей и общественных функций, людей различного происхождения, играющих определенную роль в жизни нашей страны. О многих из них пишет наша печать, мы узнаем о них из сообщений радио и телевидения так же, как из источников массовой пропаганды. Из личного опыта мы знаем о достижениях нашей страны во многих областях народного хозяйства, культуры, просвещения. Только из этих источников ежедневно в «Свободную Европу» проникают порции свежей информации, а ведь помимо них действуют, как я старался показать, и другие, законспирированные каналы утечки различных сведений, передаваемых часто людьми, враждебно настроенными. Аналитики и другие специалисты по оценке добываемых материалов в «Свободной Европе» и ЦРУ могут на этой основе формулировать свои мнения или выводы, выдвигать гипотезы или даже утверждения о достоверности некоторых фактов. Было бы, однако, ошибочным полагать, что эти оценки, даваемые в комментариях за стенами «Свободной Европы», в тишине комнат Польского отдела исследований и анализа и других родственных отделов являются действительно объективными и со всех точек зрения соответствующими истинному положению. «Свободная Европа» не является универсальной энциклопедией сведений о Польше и дру-

гих социалистических странах, она принимает на работу вовсе не пророков, суждения которых непогрешимы.

В ней работают люди, в корне враждебно настроенные к переменам, которые произошли после войны в Восточной Европе, занимающиеся своей бесславной профессией за американские доллары, люди, которые не способны иначе, чем их благодетели, видеть и понимать окружающий мир. Их оценки различных явлений польской действительности должны больше учитывать точку зрения ЦРУ, чем объективную истину, в своей основе должны быть тенденциозными в соответствии с желаниями американцев. Таким образом, если я привел в качестве примера выдержки из отчета Заморского, который содержит оценку материалов в соответствии с классификацией, принятой в ЦРУ, то следует воспринимать эти данные исключительно как внутреннюю оценку «Свободной Европы», сделанную с учетом интересов и устремлений хозяев и во многих отношениях оторванную от действительности. Если бы шефы из национальных отделов «Свободной Европы» вздумали играть честно (в чем трудно их подозревать), американцы бы сразу воспользовались правом сильного и заставили своих «партнеров» замолчать.

После этого отступления, позволяющего лучше понять закулисную сторону механизма, управляющего всей деятельностью радиостанции, мне хотелось бы упомянуть еще об одной области работы «Свободной Европы».

В разведывательной службе «Свободной Европы» существуют два организационно выделенных отдела, занимающихся контролированием радиопередач и — в широком объеме — изучением эффективности воздействия всего пропагандистского аппарата Соединенных Штатов Америки на социалистические страны.

Контролированием радиопередач «Свободной Европы» занимается отдел радиоанализа, который делится на языковые секции. Отдел изо дня в день изучает все, что пошло в эфир. В польской секции в мое время работали Кшиштоф Бауэр-Чарноморский и Эдвард Вольский. Оба аналитика рецензируют подробно содержание каждой передачи, ведущейся на польском языке, указывая на ее достоинства и недостатки в соответствии с заранее заданными критериями, которые устанавливают американцы. С результатами этих анализов знакомятся директора отдельных служб радиостанции «Свободная Европа». На

основе этих данных составляются указания, корректирующие работу лиц, которые дают разрешение на радиопередачи. Это самая низкая инстанция, я бы сказал «рабочего контроля», позволяющая в случае обнаружения каких-либо ошибок быстро вмешаться.

Контролем в значительно более широких масштабах занимается высшая инстанция — отдел изучения слушателей и общественного мнения, во главе которого в последнее время стоял Генри О. Гарт. Руководимый им отдел, как и Восточноевропейский отдел исследований и анализа, является важным звеном разведывательной службы «Свободной Европы». С помощью интерпретированных психологами (в соответствии с инструкциями ЦРУ) анкет он выясняет настроения, царящие среди общественности социалистических государств, и помогает определить степень восприимчивости к влиянию чуждой пропаганды в разных общественных группах в зависимости от возраста, пола, профессионального положения, жизненного уровня и т. д. Эта деятельность является классическим примером политической разведки, поскольку полученная информация служит всему аппарату психологической войны Соединенных Штатов. А «Свободной Европе» она помогает модифицировать свои радиопрограммы и частично проверять достоверность материалов, добытых через разведывательную службу. Изучение ведется в широких масштабах и охватывает воздействие передач не только «Свободной Европы», но также и других радиостанций, таких, как «Голос Америки», Би-Би-Си, «Немецкая волна», «Немецкое радио», «Париж», а также вообще западную пропаганду в любой ее форме.

Отдел изучения слушателей и общественного мнения подразделяется на две основные службы: секцию психологических исследований (руководитель Симон Вернер) и секцию аналитиков по изучению слушателей. Каждая страна, на которую ведет передачи «Свободная Европа», имеет своего аналитика. Польшей занимался Мечислав Лях. Шефом секции аналитиков был Давид Тайлор. В отделе было также бюро кодов, занимающееся главным образом разработкой данных для автоматических счетно-вычислительных машин. С их помощью проводился анализ анкет и подготавливались новые директивы для составления радиопрограмм «Свободной Европы». Во главе бюро кодов стояла Герда Брыдак, немка из Силезии,

хорошо знающая польский язык, жена Богумила Брыдака, о котором я уже упоминал. В последние годы отдел изучения слушателей и общественного мнения расширился особенно быстрыми темпами. Однако он был прежде всего организатором и заказчиком различных работ и в меньшей степени самостоятельным исследовательским подразделением.

По примеру Соединенных Штатов Америки во всех развитых капиталистических странах создано много разных институтов по изучению общественного мнения и психологического анализа для нужд рекламных предприятий. Интерес к исследованию общественного мнения присущ американскому образу жизни, с его культом доллара. Когда-то я прочитал в «Ди Цайт», что для американцев нет никакой разницы между продажей галстуков и идеологии. Я не упоминаю уже о различных исследовательских институтах, подчиненных целям психологической войны. В этих многочисленных организациях размещает свои заказы входящий в «Свободную Европу» отдел изучения слушателей и общественного мнения. Полученный материал служит для аналитической работы отдела, расширяет ее, во многом углубляет. Результаты исследований в свою очередь предоставляются другим центрам идеологической диверсии.

Цель части исследований — установить, действительно ли передачи «Свободной Европы» могут выполнять свое назначение и как конкретно они его выполнили. Тогда высказываются как психологи (о форме и содержании передач), так и аналитики (о воздействии программ на слушателей). Поскольку «Свободная Европа» не может проводить такие исследования непосредственно в странах, для которых предназначает свои программы, сотрудники радиостанции и люди, работающие в различных институтах по изучению общественного мнения, стараются опрашивать приезжающих на Запад поляков или граждан других социалистических государств. Анкета состоит из двух частей. Первая содержит наивные, на первый взгляд, вопросы, нацеленные на изучение взглядов собеседника и его отношения к строю в своей стране. Если после такого вступления сотрудник «Свободной Европы» придет к выводу, что собеседник пригоден для дальнейшей обработки, то он начинает задавать вопросы из второй части анкеты, имеющие, как правило, разведыва-

тельный характер. Форма и вопросы в анкетах не шаблонные. В этом я убедился лично, когда в Цирндорфе Которович подсунул мне анкету, чтобы я ее заполнил (по его просьбе я впоследствии подсовывал аналогичные анкеты другим лицам в лагере). Будучи сотрудником «Свободной Европы», я видел образцы и других анкет.

Анкеты разных видов — обычное средство, применяемое учреждениями, главной задачей которых является изучение рынка, определение спроса на разные товары. Именно под видом сотрудников таких учреждений часто рыскают «охотники» «Свободной Европы», которые получают оплату «с головы». Корреспонденты также, как правило, заполняют особые анкеты после встречи с теми, кто согласился с ними разговаривать.

Сопоставляя данные анкетных исследований с различными публикациями внутри страны (печать, книги по определенным областям знаний, беседы по радио и телевидению со слушателями), учитывая результаты наблюдений за персоналом дипломатических учреждений и замечания корреспондентов буржуазных газет, аккредитованных в Польше, можно теоретически получить ответы на вопросы: слушают ли жители Польши передачи «Свободной Европы» и в каком объеме? на что в этих передачах больше всего обращают внимание? что отбрасывают и почему? Имея в распоряжении электронно-вычислительные машины, можно, по мнению специалистов ЦРУ, быстро обрабатывать полученные результаты не только для потребностей планирования общих линий психологической войны, но также и для использования их в текущей работе — для корректировки содержания и формы радиопередач, для выработки новых аргументов и способов воздействия на слушателей.

Если бы теория действительно соответствовала практике, то из программы «Свободной Европы» давно должны были бы быть исключены поражающие своим примитивизмом передачи Тростянка, Пежановского, Мечковского или прямо-таки юмористические «воззвания к народу» Яна Новака. Однако дело обстоит иначе и ничто не говорит о возможности изменений в ближайшем будущем. Почему?

Здесь практикуется особый подход к анкетным исследованиям. Заморский рассказывал мне, что Новак, подозревая опасность компрометации своих передач, заранее

высылает корреспондентам подробные инструкции о том, как следует заполнять анкеты. Те в свою очередь прекрасно понимают требования своего шефа, и анкеты становятся похожими на победные репортажи. Поэтому Новак может бегать к своим шефам из ЦРУ и хвалиться ими. А электронно-вычислительные машины выдают то, что закладывается в компьютер, — результат в соответствии с заложенными в него исходными данными.

С местным бюро «Свободной Европы» связаны сотрудники, которые не входят в штат радиостанции и работают по договору. Оплачивают им, как я уже отметил, «с головы» — за каждого приведенного корреспонденту собеседника, самостоятельно написанный отчет о беседе, заполненную анкету. Этих так называемых «охотников» много. Их полный список является одним из наиболее бережно хранимых секретов «Свободной Европы». Среди них встречается много людей известных в эмигрантских кругах по их нападкам на «Свободную Европу». Те, кто разговаривал с Адамом Циолкошем и слушал его тирады о гуманности и достоинстве человека, конечно, удивятся, если им станет известно, что тот же Адам Циолкош систематически составлял донесения по сведениям, полученным от собеседников, и посылал их в «Свободную Европу», беря «с головы» от пяти до пятнадцати долларов.

Корреспонденты «Свободной Европы» в Лондоне, Париже, Риме, Стокгольме и Вене имеют своих людей не только в этих столицах. Они стараются привлечь к сотрудничеству также жителей других городов, особенно тех, куда часто приезжают поляки. Они хотят иметь своих людей в портах, которые посещают польские суда. Сотрудничавший не обязательно должен быть по происхождению поляком. Достаточно, чтобы он мог относительно регулярно вступать в контакты с поляками. Шефы местных бюро уже сами позаботятся о том, чтобы донесения и анкеты поступали регулярно. Конечно, если анкеты надлежащим образом заполнены... Когда-то в соответствии с анализом таких анкет выходило, что более девяноста процентов студентов в Польше систематически посещают костел, исповедуются и причащаются. Человек, знакомый с механизмом действия спускаемых свыше указаний, не удивится таким результатам. Здесь не поможет никакой электронный мозг. Новак очень осмотрителен и не позволит, чтобы кто-либо подорвал репутацию

его наиболее приближенных сотрудников из «Свободной Европы».

Таким вот образом директор польской секции обманывает своих американских хозяев. Я не думаю, что после прочтения этих слов американцы наконец поумнеют и ЦРУ выгонит Новака. Чтобы это произошло, должно измениться само ЦРУ. Сотрудники польского отдела, хорошо знающие взгляды американских боссов, говорят: «Так или иначе будет Новак». Если бы он ушел, ЦРУ назначило бы на его место человека не менее послушного и с не меньшим рвением готового показывать такую картину польской действительности, какую потребует Центральное разведывательное управление.

Прежде чем я перейду к главной теме — к моей настоящей работе для Центра и выполнению порученных мне заданий, — упомяну еще об обучении в Мюнхенском университете. Учеба там имела тесную связь с тем, что я делал в «Свободной Европе». Она, в частности, позволяла мне свободнее выходить за пределы радиостанции и, что еще важнее, давала право оставаться в служебном здании после окончания рабочего дня.

После установления первых контактов в университетской среде (об этом я еще напишу) я взвесил все выгоды, которые дало бы мне поступление в университет, и пришел к выводу, что стоит попробовать. Я подумывал об аспирантуре на факультете славистики как наиболее подходящем в моих условиях направлении. При случае я сказал об этом Новаку. Он не возражал. Позже, когда я уже учился, он справлялся о моих успехах и даже подбадривал меня. Последний раз это произошло на его именинах в 1971 году. У директора собралась большая компания сотрудников польской секции. Было немного алкогольных напитков, малюсеньких бутербродов, больше соленых палочек и минеральной воды. Гвоздем приема был «хворост», собственноручно приготовленный женой Новака, что дало всем ласточкам идеальный повод делать ей комплименты. Около пани Новаковой толпилось больше народа, чем около самого именинника. К нему же по очереди подходили с поздравлениями участники именинного приема. Наблюдая со стороны эти сценки, можно было безошибочно определить, кто на каком счету у Новака. От одних он отделялся короткой благодарностью с положенной в этих случаях дежурной улыбкой, других лас-

ково расспрашивал, но без желания продолжить разговор. Были, наконец, и такие, которых он устаивал короткой беседой. В числе последних оказался и я. Когда я пробормотал свои поздравления и хотел отойти, директор взял меня за локоть и заговорил:

— А как учеба, пан Анджей?

— Сдал один экзамен, готовлюсь к следующему, — ответил я, думая, что тем все и кончится.

Но Новак меня не отпускал. Он задал еще несколько вопросов, интересовался, всегда ли я могу достать нужную литературу, выражая готовность оказать мне помощь. В конце, продолжая держать меня за локоть, что у него было признаком особой благосклонности, он подвел меня к группе гостей, в которой был и Заморский, и сказал:

— Полагаю, что все должны брать пример с нашего пана Анджея. Он попусту время не тратит... — И начал перечислять мои успехи в университете, повторяя то, что минуту назад я ему рассказал.

Иначе обстояло дело с Заморским. Когда я сказал ему о желании учиться, он насторожился и уже хотел было сказать «нет», но я опередил его и применил испытанный метод — начал апеллировать к его жизненному опыту и мудрости. Я заявил ему, что, будучи еще молодым человеком, я просто хотел бы получить его совет, как мне поступить. Пан Казимеж сразу же смягчился. После некоторых вопросов об условиях приема я услышал то, что ждал:

— Сколько раз в неделю вы будете заниматься?

— Трудно точно сказать, — ответил я, — но обязательные занятия займут не более шести-семи часов в неделю. И не все в рабочее время.

— Это значит, что я должен буду вас освобождать?

— Я все отработаю в неслужебное время, — обязался я.

Заморский ждал такого заявления.

— Хорошо, вы напишете рапорт американцам. Я вас поддержу, — сказал он в заключение беседы.

Действительно ли он поддержал меня, этого я не узнавал. В то же время мне было известно, что боссы «Свободной Европы» одобряли учебу всех молодых сотрудников. Они это делали отнюдь не потому, что проявляли заботу о людях. Просто шефы ЦРУ, оценивая работу радиостанции, примерно с 1964 года начали обращать вни-

мание на низкий профессиональный уровень кадров «Свободной Европы», что затрудняло выполнение задач, поставленных перед мюнхенской организацией.

Я получил согласие на учебу и (в соответствии с желанием шефа!) отрабатывал в неслужебное время часы, проведенные на лекциях, семинарах и экзаменах. Мог бы значительно уменьшить количество этих часов. Кое-кто рекомендовал мне обратиться по этому вопросу к Фишеру или Брауну. Но по понятным причинам я был заинтересован в соблюдении распоряжения Заморского, поэтому я уклончиво объяснял, что как-нибудь справлюсь. Мне поверили и уже не возвращались к этому вопросу.

Поступить в университет я решил не только для того, чтобы получить дополнительные возможности выполнения заданий, данных мне в Центре. Из оперативных соображений мне было необходимо вырваться из замкнутого мирка «Свободной Европы». Осуществление контактов с Центром требовало убедительно обоснованной свободы передвижения, а занятия в университете давали гарантию такой свободы, были важным элементом разрабатываемой для меня «легенды».

Кроме этих главных причин были и другие, чисто личного характера: я хотел сменить обстановку, встретиться с людьми, чье поведение и образ мыслей не были обусловлены принадлежностью к «Свободной Европе». Мюнхенский университет давал мне такую возможность.

Я уже знал, что думают рядовые немцы об иностранцах, работающих в «Свободной Европе». У меня была хорошая знакомая — студентка юридического факультета. Однажды в воскресенье она пригласила меня на обед к своим родителям. За десертом ее отец — юрисконсульт и сторонник Штрауса — спросил меня, сколько я зарабатываю. Я назвал сумму, включающую и добавку на квартиру. Названная цифра произвела на него большое впечатление.

— Где вы работаете? — поинтересовался он.

— В «Свободной Европе», — ответил я, считая, что нет никаких оснований скрывать от него это обстоятельство.

Пожилой господин забеспокоился. С его лица исчезла доброжелательная улыбка.

— Это очень опасно?

— Что? Моя работа? Я вас не понимаю, — ответил я, искренне удивленный.

— Ведь там работают агенты и двойные агенты, — объяснил он добродушно и сразу же добавил: — Вас не утомляет, не давит на психику необходимость не расставаться с оружием?

Он не поверил даже в то, что к нему я пришел без оружия. Кстати говоря, оружия у меня не было на протяжении всего моего пребывания на Западе.

Как-то я поехал с Корызмой в Гармиш-Партенкирхен. Мы зашли в ресторан, стилизованный под корчму. Вечером, когда кружки с пивом опорожняются там одна за другой, баварцы берут друг друга под руки и всем залом поют. Они горланят свои народные песни, тяжело раскачиваясь в такт мелодии. Корчма уставлена длинными столами и лавками. Каждый может занять любое свободное место, какое ему нравится. Занятые места обозначены полной кружкой. Пустых кружек там не увидишь, об этом заботятся официантки, снующие с кувшинами. Если кто-нибудь не хочет больше пить, то он оставляет на дне кружки немного пива.

Официантки понимают этот знак. Мы сели за стол, где уже расположилась группа молодежи, вероятно студентов. Корызма, как всегда, заметил несколько красивых девушек. Знакомства там завязываются очень легко. Мы разговаривали по-польски, когда вдруг раздался вопрос:

— А вы откуда?

— Из Польши, — ответил я быстро.

Слово «Польша» произвело магическое действие. Несколько молодых людей сразу же вскочили, освобождая нам лучшие места у стола. Было сказано много теплых слов о нашей стране, о героизме поляков в годы войны, об успехах в восстановлении и строительстве... Студенты явно придерживались левых взглядов. Это можно было заключить из того, что о политических и социальных изменениях, происшедших в Польше после 1945 года, они знали намного больше, чем обычно знают граждане ФРГ. В конце концов, как и следовало ожидать, кто-то из них спросил:

— А что вы делаете здесь?

Мы не могли сказать, что являемся беженцами из

Польши и сотрудниками «Свободной Европы». Я думаю, что эти ребята просто вышвырнули бы нас за дверь.

— Мы проездом в Мюнхене и вот заглянули сюда, — объяснил я, чтобы не портить настроения.

Я научился также избегать людей, разговаривающих между собой по-польски. Не только потому, что должен был бы потом писать донесения об этих встречах Фишеру. Инструкция по внутренней безопасности накладывала эту обязанность на каждого, кто хотя бы случайно встретился с гражданином какого-либо социалистического государства. Я избегал поляков еще и по другой причине. Просто мне не хотелось нарваться на оскорбление, что имело место несколько раз в первые месяцы моего пребывания в Мюнхене.

Как-то, когда я сидел за кофе на террасе небольшого ресторанчика вблизи Мурнау, туда подъехала машина с британским номером, из которой вышли шесть человек. Было очевидно, что это дружное семейство, в полном составе приехавшее на отдых. Когда я услышал, что они говорят по-польски и не могут разобраться в меню — в стилизованных под корчмы ресторанах даже немцы с Рейна или из Вестфалии с трудом расшифровывают названия блюд, ибо баварская автономия находит свое выражение прежде всего в кухне, — я поспешил к ним на выручку. Они охотно воспользовались моей помощью и пригласили меня за свой столик. Я узнал, что имею дело с поляками, постоянно проживающими в Великобритании. Глава семьи во время войны, будучи подхорунжим, оказался в лагере для военнопленных в Мурнау. После войны он не вернулся в Польшу. Теперь он приехал осмотреть те места, где провел почти шесть тяжелых лет своей жизни.

— Я прихожу из семьи, представители которой всегда боролись за свободу Польши, — заявил он.

Когда после такой декларации мне был задан вопрос, что я делаю в этих краях, я решил, что могу позволить себе открыть карты.

— Я живу в Мюнхене, работаю в «Свободной Европе», а сюда приехал на уикэнд, — ответил я.

Если бы я разделся вдруг донага, это не произвело бы, вероятно, такого эффекта, какого я добился своим признанием. От дружеской атмосферы не осталось и следа. Жена бывшего подхорунжего не отрывала взгляда от салфетки на столе. Сын разглядывал протянувшиеся на

горизонте горы — отроги Альп. Маленькие девочки захихикали — они, конечно, не поняли, что произошло, но замешательство родителей и старшего брата их рассмешило. «Проваливай-ка отсюда», — сказал я сам себе и, пробормотав какие-то извинения, вернулся к своему столику. Рассчитываясь с официанткой, я услышал реплику главы семьи:

— Здесь Германия, в этом все дело. В Англии американский агент никогда бы не посмел усесться за наш стол.

Кто-то, вероятно, пытался его успокоить, а он уже почти кричал:

— Пусть слышит, пусть слышит, пададь, что я о них думаю! Вместо того чтобы честно трудиться, зарабатывать на хлеб, он за доллары продает американцам свою фамилию, знание языка, обычаев! Предатели, иуды! — Он уже не владел собой.

Обеспокоенная официантка нагнулась ко мне.

— О чем он? — спросила она шепотом. — Вы его понимаете?

Конечно, мне пришлось соврать:

— Ничего особенного. Обычный обед в кругу семьи. Папа держит речь...

Это был не единичный случай. Как сотруднику «Свободной Европы», мне не всегда удавалось избегать неприятных ситуаций. Для людей я был просто одним из сотрудников мюнхенской радиостанции и часто попадал в неприятные ситуации. Для моих «коллег» это было привычным делом, мне же еще предстояло пройти соответствующую закалку.

В самом начале работы в «Свободной Европе» я сидел в комнате F-1. Доступа к наиболее важным материалам, поступающим в группу Заморского, у меня тогда не было. Положение изменилось коренным образом, когда меня перевели в комнату F-9. О таком можно было только мечтать. Теперь в непосредственной близости от меня находилась большая часть тех самых документов, которыми интересовался Центр. Я мог теперь установить, кто и когда разговаривал с корреспондентом, на какую тему, что сообщил информатор и как следует его оценивать. Конечно, добраться до этих документов было не просто. Рапорты с пометкой SLD, наиболее ценившиеся американцами, сами собой на мой стол не попадали.

Я старался использовать различные благоприятные обстоятельства. Я узнал, что рапорты вместе с конвертами — эти конверты представляли для меня большой интерес! — на протяжении нескольких дней, иногда свыше недели, хранились в Polish Research and Analysis Unit. Заморский давал мне благовидный предлог для того, чтобы иметь возможность после окончания рабочего дня, когда все сотрудники группы уходили, свободно передвигаться по всем комнатам коридора F, носившим нечетные номера. Сначала он потребовал от меня, чтобы после работы я упражнялся в машинописи. Учиться письму на машинке отлично можно было бы и в рабочее время, но шеф — за что я был ему очень благодарен — пришел к выводу, что мне платят не за это. Позже, когда я ходил на собрания, проводившиеся в связи с подготовкой программы передач для молодежи, Заморский возмущался:

— Так дело не пойдет! Вы хотите работать за одного, а зарплату получать за двух — и у меня, и за участие в программе!

Если бы он знал, как своими придирками облегчал мне выполнение настоящей работы, — конечно, не для его группы!..

С выражением сожаления на лице я отвечал:

— Может быть, вы разрешите мне отрабатывать вечерами?

Разрешил охотно.

Пользуясь правом пребывания в пустых комнатах, я начинал свою настоящую работу. Рабочий день в группе Заморского заканчивался обычно в 17.30. Перед уходом каждый запирает свой письменный стол, а ключ клад в сейф шефа в комнате F-7, где находились также другие сейфы с секретными материалами, в том числе и с оригиналами рапортов. Ключи от всех сейфов, находившихся в комнатах F-7 и F-9, также хранились у Заморского, за чем следил он сам или кто-либо из его заместителей. Ключ от главного сейфа вместе с ключом от комнаты F-9 (на металлическом кольце) после окончания работы сдавали вахтеру в проходной. Двери комнат F-9 и F-1 оставляли незакрытыми, чтобы там можно было произвести уборку. Точно такой же порядок был в других национальных группах. От 17.30 до 19.30 в этих комнатах находились уборщицы. После девяти часов приходил вахтер с ключами и запирает комнаты.

Прежде всего я выяснил, как сотрудники поступают с ключами. Потом, оставаясь после работы, я постарался точно установить, когда происходит уборка помещений и когда вахтер их закрывает. Я обнаружил, что примерно от 19.30 до 21.00 в коридоре никого не бывает и что этим временем я могу располагать.

Центр, получив сообщения, в которых я докладывал о своем месте во внутренней структуре «Свободной Европы», поставил передо мной задачу установить, каким путем поступает информация на радиостанцию, каково ее содержание и кто ее поставляет.

Вскоре после этого, предупрежденный Генриком, я установил прямой контакт с представителем Центра, которому рассказал о возможностях выполнения задания, которыми я располагал, и попросил оказать мне необходимую техническую помощь. Я хотел, например, узнать, как можно открывать конверты, содержащие регистрационные карточки информаторов, не нарушив подписи, находящейся под клейкой лентой. Мне был необходим аппарат, конечно миниатюрный, чтобы копировать документы, которые я не мог забрать. Я, правда, имел под рукой современный копировальный станок (ксерокс), но им нельзя было пользоваться так часто, как я того хотел. Несколько копий еще можно было сделать незаметно, но ведь мне нужно было по несколько десятков еженедельно, а бывали периоды, когда число копий достигало нескольких сотен экземпляров, и тогда я легко мог попасться с поличным. Поэтому я хотел получить дубликаты ключей от сейфов, особенно в комнате Заморского.

Еще до того как я получил эти средства технического оснащения — они прибыли вскоре после моей встречи с представителем Центра, — мне удалось выслать в Варшаву некоторые материалы. Я собирал подлежащие уничтожению копии рапортов, комментарии сотрудников, оценивавших их, и другие документы. Всего этого набиралось много, а ведь я не мог высылать материалы ежедневно. Я не мог также хранить их в своем письменном столе, ключ от которого имелся также у Заморского, имевшего привычку заглядывать в чужие ящики. Отнести добытые документы домой я тоже не мог, так как каждый из сотрудников «Свободной Европы» должен был сдать запасные ключи от своей квартиры в бюро Фишера.

Я решил поступить иначе. У Заморского был так на-

зываемый «американский» письменный стол, ящики которого можно было закрывать деревянными решетками. Там, куда эти решетки уходили, когда стол был открыт, оставалось много свободного места, отлично годящегося для тайника, тем более надежного, что находился он под носом у шефа. Там можно было надежно спрятать материалы, а затем забрать их.

Оставалась нерешенной еще одна проблема: как выносить из здания хранившиеся у Заморского бумаги? На этот счет существовали очень строгие правила. За вынос с территории «Свободной Европы» без согласия службы безопасности какого-либо документа выгоняли с работы. Такой случай произошел однажды в венгерской или болгарской группе. Один из сотрудников решил поработать дома и попросил принести ему материалы. Об этом узнал Фишер. Реакция была молниеносной: и усердный сотрудник, и его шеф навсегда распрощались с радиостанцией.

Охранники, стоявшие у входа, как правило, не заглядывали в портфели и дамские сумочки. Но иногда проверки все же бывали. Мне рассказывали, что у кого-то при осмотре обнаружили ролики туалетной бумаги и пачку сургуча. Если принять во внимание размеры зарплатков на радиостанции, тот факт, что кто-то польстился на такую мелочь, может показаться невероятным, но на Энглишер Гартен этот случай никого не удивил. Скупость считается там добродетелью. В польской группе была одна дама, которая, работая дома, никогда не звонила в редакцию, а просила, чтобы звонили ей. Не знаю, сколько стоил один телефонный разговор. В уличный телефон-автомат надо было опускать две десятифенинговые монеты.

Шаг за шагом я совершенствовал свои методы. Особенно много мне удалось сделать после того, как Центр переслал мне необходимое техническое оборудование. Я часто оставался с согласия Заморского в своей комнате и, как только ее покидали привыкшие уже к моему присутствию уборщицы, открывал сейф и принимался за изучение секретных рапортов SLD. Часто у меня не было предлога для того, чтобы оставаться в помещении радиостанции, но я, полагая, что многие постепенно привыкли уже к моему пребыванию здесь после окончания рабочего дня, а также просто надеясь на везение, засиживался в буфете за ужином, умышленно затягивая его,

или навещал дежурных редакторов и дикторов польской секции. Благодаря этому я мог переждать, пока шла уборка комнат в коридоре F, и затем взяться за свою работу. Конечно, определенный риск был, но без этой игры нервов, без преодоления собственных опасений и страха, которые я вначале испытывал, я не мог бы выполнить поставленной передо мной задачи. Вечерние посещения комнат F-5, F-7 и F-9 были сопряжены с опасностью: какой-нибудь случай, неблагоприятное стечение обстоятельств могли привести меня к провалу. Я знал об этом и делал все, чтобы избежать такого поворота событий.

Со временем, уже освоившись с условиями «внеслужебной» деятельности и поверив в свои возможности, я начал постепенно забывать об опасности. Теперь она перестала быть для меня чем-то реальным, чреватым весьма неприятными последствиями. Я думал, как я теперь понимаю, совершенно безосновательно, что никто не может помешать мне в выполнении поставленных задач, поскольку, как мне показалось, я принял все необходимые меры, гарантирующие мою безопасность. Скоро выяснилось, что я ошибался. Произошел случай, который мог мне дорого обойтись.

Это было осенью 1968 года. В это время в Polish Research and Analysis Unit обычно работы бывало невпроворот. Из филиалов ежедневно поступали десятки рапортов от корреспондентов и их сотрудников, которые от июня до сентября «осаждали» поляков, проводящих свои летние отпуска на Западе. Кроме того, 1968 год изобилдовал важными событиями.

В Варшаве произошло бурное заседание Союза польских литераторов, в высших учебных заведениях столицы и других университетских городов имели место беспорядки. В государственном аппарате шли большие перестановки, на ноябрь был назначен V съезд ПОРП. Неопределенность ситуации в Чехословакии также возрастала, и лишь в августе благодаря решению стран — участниц Варшавского Договора ей был положен конец. Руководители «Свободной Европы» беспрестанно бомбардировали корреспондентов новыми заданиями. Им отправлялись суматошные телексы: «Все отложить в сторону. Заняться настроениями на заводах. Необходимы известия, почему рабочие не пошли за студентами». Спустя два

дня отправлялся новый телекс: «Отложить освещение вопроса о студенческих беспорядках. Теперь важнее всего выяснить, какие дальнейшие кадровые изменения предвидятся в Варшаве».

Такая лихорадочная атмосфера царила все лето.

Корреспонденты и их «загонщики» вертелись как белки в колесе. Они подсовывали микрофоны под нос каждому, кто попадался им под руку. Этого не следует понимать буквально. Чтобы записать разговор, вовсе нет необходимости в микрофонах, какими пользуются репортеры радио или телевидения. Электроника добилась таких успехов в создании миниатюрных аппаратов, что даже когда два раздетых донага человека беседуют где-нибудь на мужском пляже, то ни один из них не может быть уверен, что его слова не были записаны другим. В больших городах Западной Европы имеются магазины, где можно, например, купить водозащитные часы, снабженные микрофоном и передатчиком, с помощью которого содержание разговора передается в эфир и улавливается приемником, соединенным с магнитофоном, установленным в стоящей где-нибудь поодаль автомашине. Я упоминаю об этом потому, что слишком много знаю людей, в общем порядочных и осторожных, разговоры с которыми были записаны сотрудниками «Свободной Европы». Впрочем, я и сам пользовался такими приспособлениями на протяжении семи трудных лет, которые провел за Эльбой.

Осенью 1968 года в группе Заморского скопилось значительно больше донесений, чем в это же время двумя годами ранее. Корреспонденты ликвидировали свои задолженности и слали в Мюнхен все то, что летом начальство велело им отложить в сторону до лучших времен.

На Запад ринулись также толпы тех поляков, кто пришел к выводу, что прикидываться патриотом теперь уже невыгодно. Поездом они ехали в Вену, на паромах переправлялись в Швецию, толпами прибывали в Париж, Лондон и Копенгаген. Всюду, где они появлялись, первым их желанием было подработать. И они действительно «подрабатывали». Суммы обычно были невелики — в пределах нескольких десятков долларов. Лишь некоторые получали больше сотни. Их товаром были вывезенные из Польши сведения. Они продавали все, что «Свободная Европа» могла использовать в разнузданной антипольской

кампании. Многие делали это скорее из желания отомстить, чем ради денег. За что хотели они метить?

Я сообщил о сложившейся ситуации в Центр. Генрик начал меня торопить. Меня это не удивило. Я хорошо запомнил слова одного из инструкторов, подготавливавших меня к поездке на Запад. «Плохо, когда противник знает о нас слишком много. Но если, однако, нам известно, что именно он знает, то в этом случае опасность уменьшается, ибо мы можем предпринять необходимые контрмеры». Генрик хотел, чтобы я сообщил Центру все данные, какие только можно было раздобыть о тех, кто в силу своей болтливости или движимый злобой или желанием заработать несколько зеленых бумажек, передавал сведения хозяевам «Свободной Европы».

Как нарочно, у меня тогда не было никаких благоприятных предложений для того, чтобы оставаться в здании после окончания работы. Был конец октября, продолжались студенческие каникулы, зимний семестр начинался только 1 ноября. Так что я не мог «отрабатывать» то рабочее время, которое отнимали у меня занятия в университете. Не оставалось ничего другого, как действовать на свой страх и риск. В то время я располагал уже комплектом ключей к замкам сейфов, простым приспособлением, позволявшим вскрывать самые хитро запечатанные конверты, не оставляя следов, и копировальным аппаратом. Так я организовал мастерскую по пересъемке секретных и строго секретных документов, интересовавших Центр.

Однажды вечером, увлекшись работой (а увлеченные работой люди, как и счастливые, часов не наблюдают), я не заметил, что приближается время, когда стражник закрывает двери. Копирование материалов шло у меня на редкость хорошо. Я спешил, поскольку в сейфах было много папок с важными документами. Я опасался, что произойдет что-нибудь непредвиденное и эти папки перенесут в другие сейфы, добраться до которых будет гораздо сложнее. Правда, Генрик несколько раз предупреждал меня: «Не лезь из кожи вон. Не забывай об опасности», но в тот день я как будто забыл о его указаниях.

Устроившись за столом Заморского, я снимал копию с рапорта, поступившего, кажется, из Лондона. В нем говорилось, что на вооружение польской армии поступили новые зенитные орудия. Вдруг я услышал, как в дверях соседней комнаты кто-то повернул ключ, а затем вы-

нул его. Затем такой же скрежет замка раздался и в дверях, ведущих в комнату F-1.

Теперь я мог передвигаться только внутри четырех составляющих анфиладу комнат: F-1, F-5, F-7 и F-9. Двери, ведущие в коридор, оказались запертыми. Правда, я находился на первом этаже, но на окнах были решетки. Ключи, с помощью которых в случае пожара можно было открыть решетку, висели в стеклянном шкафчике. Если разбить стекло, открыть решетку и выскочить через окно, то бюро безопасности полковника Фишера начало бы следствие, а этого-то я и хотел избежать. У меня были ключи от комнат F-1 и F-9, но их двери, как и двери всех других помещений в коридоре F, можно было закрыть или открыть только снаружи, как в тюрьме. К счастью, я никогда не был настоящим сотрудником «Свободной Европы». Иначе я бы, пожалуй, чувствовал себя неважно, ежедневно сталкиваясь с такими доказательствами доверия.

Ситуация была и в самом деле критической. Что я мог предпринять?

Если бы я был таким суперменом, каким изобразил меня после возвращения в Польшу один чересчур притканный журналист, то, не обращая никакого внимания на захлопнувшуюся ловушку, я продолжал бы спокойно снимать копии с документов. Я верил бы, возможно, в свою счастливую звезду, в любовь какой-нибудь секретарши, которая, охваченная предчувствиями, явилась бы в тот вечер в здание радиостанции, чтобы освободить меня. Такое бывает, однако, только в книгах и фильмах. В действительности же разведка — это прежде всего терпение, умение владеть собой и хладнокровие. В самых опасных ситуациях рассчитывать можно только на себя. Многие мои товарищи, как мне хорошо известно, добились значительно большего, чем я, но о том, что они сделали и какой опасности при этом подвергались, никто открыто не говорит, ибо время для таких воспоминаний пока не пришло. Тот факт, что я пишу свою книгу уже сейчас, когда о них еще не говорят ни слова, ставит меня в затруднительное положение и делает еще более незаслуженными те комплименты, которыми осыпали меня газеты.

Поняв, что я заперт в четырех комнатах, я прекратил копировать, убрал все свое снаряжение и почувствовал страх, обычный страх. Не помню, вспотел ли я тогда и

дрожали ли у меня руки. Помню только, как напряженно я думал, стараясь найти выход из западни. Я ходил от окна к окну в надежде, что какая-нибудь решетка задвинута не слишком тщательно. Но все они, к сожалению, были закрыты.

Под одним из окон я заметил открытую тележку, которой пользовались дворники. Свет уличных фонарей позволял разглядеть ее содержимое: тележка была нагружена опавшими желтыми листьями. Мальчиком я неплохо бросал камни, проходя военную подготовку в университете, без труда сдал зачет по метанию гранаты. Через решетку легко можно было просунуть руку. Может быть, размышляя я, завернуть в газету компрометирующее меня в глазах Фишера снаряжение и бросить его в тележку? Как будто очень просто: сверток засыпать листьями, и ситуация изменится. Утром я скажу, что после работы немного выпил в буфете и по ошибке снова вернулся в свою комнату. Алкоголь разморил меня, и я заснул. Такое объяснение будет приемлемым, если мне удастся забросить сверток точно в тележку, а дворники его не заметят. Однако расследования и в этом случае не избежать. Головы специалистов из бюро безопасности также годятся не только для того, чтобы носить шляпы. Пьяный Чехович провел на работе целую ночь... Поверят ли они этому? Даже если их удастся провести, то все равно несколько недель я буду у них на заметке и ни о каком копировании не может быть и речи, а ведь Центр ждет...

Нет, такое объяснение для меня не годилось. Я хотел избежать каких бы то ни было подозрений со стороны людей Фишера, которые тоже не собирались становиться безработными.

Еще до того как я пришел в «Свободную Европу», произошел случай, о котором долго вспоминали старые сотрудники радиостанции. В 1959 году кто-то всыпал в солонки в буфете какое-то вещество, на первый взгляд ничем не отличающееся от обычной поваренной соли. От него у человека начиналась одышка, глаза вылезали из орбит, люди чуть не теряли сознание. По мнению большинства сотрудников, таинственное вещество в солонки подсыпали агенты чехословацкой разведки. Тем самым они хотели якобы запугать персонал радиостанции. Но была и другая версия этой загадочной истории. Напуганные возможным сокращением штатов, сотрудники бюро

безопасности сами осуществили эту акцию, чтобы доказать, насколько их бдительность необходима. Говорили, что им хотелось получить повышения, а такая «кухонная операция» давала основания для этого. Два сотрудника «Свободной Европы» из Чехословакии были арестованы в связи с этим делом.

Мне стало не по себе, когда я подумал, что то же самое может случиться и со мной.

О возможности ареста со мной говорили в Центре перед выездом за границу. Мне было сказано, что в этом случае я не буду предоставлен самому себе. Тогда мне казалось, что разговор на эту тему не имеет практического значения. Однако, когда я еще был в Цирндорфе, глядя на царящие там ужасные условия, я думал, если так скверно в лагере для беженцев, то что же делается в тюрьме? И вот я дождался самого плохого. Каждая минута приближала меня к моменту, когда я мог услышать: «Чехович, вы арестованы!»

Как это произойдет? Наденут ли мне, как обычному преступнику, наручники? Сразу ли меня вывезут за Атлантику? Какой будет реакция Центра, когда сообщение об этом будет получено в Варшаве? Что предпримет Центр? Как мне помогут? Я представлял себе расстроенного Генрика, который столько раз предостерегал меня от ненужного риска. Какую линию защиты должен я принять в отношении американцев? В Центре мы наметили несколько вариантов, но это была только теория: дескать, все будет в порядке, но на всякий случай... Как, наконец, отнесутся к моему провалу «коллеги» по радиостанции?

Например, Микицюк, получавший деньги не от одной разведки, всегда присматривался ко мне с подозрением. Как-то, когда резкий порыв ветра, распахнув окно комнаты, где мы работали, смахнул со столов бумаги и все, кроме меня, вскочили со своих мест, он сказал язвительно:

— Поздравляю, пан Чехович. Теперь из Варшавы присылают все более подготовленных.

То же самое он говорил и тогда, когда я помогал Заморскому в его излюбленном занятии — решении кроссвордов.

Микицюк наверянка скажет, что уже давно подозревал меня и всех предупреждал, что со мною следует быть

осторожнее. Такой же будет и реакция Заморского. Чтобы поддержать свой авторитет, он тоже придумает что-нибудь. А другие? В польской секции было несколько человек, которые могли мне искренне посочувствовать, может быть, даже выразить свое восхищение.

Что сделают с моими пожитками? Наверняка их конфискуют — так здесь поступают с имуществом тех, кто не угодил боссам. Я помнил дело Корызмы. Его личные вещи сразу же так «взяли на хранение», что больше он их уже не увидел.

И наконец, наиболее личный и болезненный вопрос: что скажут мои родители, полагающие, что я остался на Западе из-за своего легкомыслия? Узнает ли правду отец?

В моих мыслях царил хаос. Важные вещи переплетались с мелочами. Время шло, и росло нервное напряжение, мои мысли становились все более обрывочными. Одно только я знал совершенно точно: я не разобью стеклянного шкафа, не открою решетку и не убегу в Польшу. На такую капитуляцию я бы никогда не согласился.

Все было предусмотрено в Центре, но предугадать такой нелепый случай, что вахтер (не какой-нибудь противник высокого класса, а простой вахтер) закроет меня в комнате и тем самым создаст ситуацию, грозящую мне провалом, было просто невозможно. Мне в голову приходили различные идеи, я хватался за них как утопающий за соломинку, чтобы в следующий же момент признать их нереальными. И снова я возвращался к одному и тому же: окно, решетка, тележка... Прошел час, два, три... В конце концов я потерял всякую надежду выбраться из западни. Завернувшись в плащ, я улегся на ковер под столом Заморского и постарался заснуть. Но сон не приходил. Задремать мне удалось только под утро, а в семь часов я был уже на ногах. Мое волнение достигло кульминационной точки.

И вот наступил решающий момент, несколько самых долгих минут в моей жизни. У меня оставалась последняя слабая надежда: Игнаций Клибаньский. Ночью я не думал о нем, но теперь, когда решалась моя судьба, мысль эта мелькнула в моей голове. Если и на этот раз первым на работу, как почти всегда, придет Клибаньский и откроет двери своей комнаты F-1, то я выберусь из за-

падни. Если же он придет позже, вместе с другими, и увидит, что я оказался в закрытом помещении, то... Я не хотел думать о том, что тогда будет. Бессонная ночь настолько изнурила меня, что в эти последние минуты я больше не мог искать ответа на этот мучительный вопрос.

Игнацию Клибаньскому было около шестидесяти лет, он выполнял обязанности старшего аналитика и, пожалуй, пользовался в польской секции всеобщей любовью. Он был известен своей добротой, безразличием к деньгам и своему внешнему виду — уже двадцать лет он носил одну и ту же шляпу, а ботинки его всегда были на несколько номеров больше, чем надо: дело в том, что он покупал самые дешевые, те, которые оставались после демобилизованных американских солдат, а в армии, как известно, не держат лилипутов. Он старался помочь каждому, кто в его помощи нуждался. Из соображений экономии, а может быть в силу привычки, завтракал он на работе. Заваривал себе чай и делал бутерброды. Поскольку американцам не нравилось, когда на письменных столах стояли стаканы с чаем, то на работу он всегда приходил пораньше, чтобы их не раздражать. На это, собственно, я и рассчитывал.

За несколько минут до восьми, глядя на секундную стрелку, я еще не знал, удастся ли мне спастись. Клибаньский не приходил. Он мог вдруг заболеть, мог кого-нибудь встретить по дороге. Судьба как будто насмеялась надо мной. С каждой минутой мое положение становилось все более отчаянным. Никогда в жизни не чувствовал я себя таким бессильным, как тем осенним утром 1968 года, когда стоял, спрятавшись за шкафами в комнате F-9, и прислушивался к каждому шороху в коридоре.

Вдруг я услышал скрежет ключа в дверях комнаты F-1. Еще секунда — и до меня донесся звук открываемого окна. Это был Игнаций. Он расхаживал по комнате, занимаясь своими обычными делами, а потом я снова услышал стук дверей. Я знал, что, поставив кипятить воду, Игнаций пойдет за газетами и радиосводками. Этого момента я и ждал. Я никогда не претендовал на лавры выдающегося спринтера, но в тот день несколько метров, отделявших комнату F-9 от двери комнаты F-1, я преодолел в рекордном темпе. Я оказался в коридоре. Там

не было ни души. Спокойным шагом, сдерживая волнение, я прошел в туалет.

Умывшись, я как можно спокойнее взял в проходной ключ от моей комнаты F-9. С шумом распахнул я дверь, чтобы Игнаций, который должен был уже вернуться с кипой газет и радиосводок, обратил внимание на мой приход. Я сразу же зашел к нему. Надо было объяснить ему, почему я небрит, в несвежей рубашке и вообще имею несколько помятый вид после ночи, проведенной на ковре.

— Вчера вечером я познакомился с шикарной женщиной, — сказал я, многозначительно усмехаясь. — Прелестная немка. Слово за слово, я проводил ее домой, ну и вы понимаете... Сегодня утром, когда мы вместе пошли на работу, было уже слишком поздно, чтобы я мог забежать домой и побриться. Вид у меня не очень, — я провел рукой по подбородку, — зато девушка!..

Клибаньский, человек вежливый, только кивал головой.

— Вы не теряете времени, пользуетесь молодостью, — заметил он с одобрением. — Я в вашем возрасте тоже был таким. Не давал девушкам прохода...

Я чуть не рассмеялся. Несколько месяцев я сидел в одной комнате с ним и видел, как Клибаньский краснеет, стоит какой-нибудь женщине кокетливо посмотреть на него. Но в тот день я был готов радоваться всему. Игнаций почувствовал мое настроение. Он, конечно, связывал его с рассказом о девушке.

— В вашем возрасте не поспать ночь и для меня было пустяковым делом, — вздыхал он. — Эх, было время, где ты, холостяцкая жизнь?..

Когда пришли другие сотрудники, он повел разговор о молодых людях и их поразительных приключениях. Он говорил слегка ироническим тоном, но не без одобрения, со снисходительностью пожилого человека к легкомысленной молодости.

Наконец появился Заморский. Как всегда, он опоздал и теперь выискивал кого-нибудь, к кому мог бы придраться, чтобы тем самым отвлечь внимание от своей собственной неаккуратности. Глаз у него был как у полицейского. Он посмотрел на меня и сказал:

— Что это, пан Анджей? На работу вы приходите небритым, как какой-нибудь бродяга! Хотите получить от американцев выговор за неряшливость?

Я уже ожидал его нападения.

— Пан Казимеж, вы ведь знаете: неженатый человек отличается от женатого тем, что на работу не всегда приходит одной и той же дорогой. Вчера мне попалась девушка настолько привлекательная и в то же время настолько еще непредусмотрительная, что утром я не мог у нее побриться.

В таком тоне я повторил свой рассказ, сопровождавшийся замечаниями нескольких человек, успевших уже поговорить с Игнацием и соответствующим образом прокомментировать мою, как они считали, непрестанную погоню за юбками. В глазах соседей и тех сотрудников, которые меня немного знали, я был настоящим бабником. Я не старался изменить такое представление о себе. Мне оно не только не мешало, но было даже в силу некоторых причин необходимо.

Такого же мнения обо мне придерживался и Заморский. Он без возражений принял мое объяснение и приказал:

— Немедленно бегите к парикмахеру. Побрейтесь, освежитесь и возвращайтесь на работу. Время, необходимое для посещения парикмахера, вы отработаете завтра вечером. Повторяю: завтра, сегодня вы будете не в состоянии это сделать!

Следовало бы притвориться, что перспектива потерять вечер несколько огорчила меня: Заморский любил, чтобы его люди проявляли перед ним покорность. Но я был слишком обрадован счастливым исходом своих ночных приключений и не старался уже помнить о всех тех приемах, систематически пользуясь которыми поддерживал в состоянии неустойчивого равновесия свои отношения с паном Казимежом.

На протяжении следующей недели я испытывал состояние, которому даже сегодня не нахожу полного объяснения. Психолог, возможно, счел бы его результатом нервного потрясения, перенапряжения сил, нарушения допустимой границы риска. Не знаю, в Мюнхене на эту тему мне не с кем было разговаривать. В это время, оставаясь в одиночестве среди сейфов, заполненных документами, я не мог заставить себя взяться за работу, хотя все оборудование, необходимое для копирования, было со мной, а ключи от сейфов — в моем кармане. Я призывал на помощь чувство долга, упрекал себя в трусо-

сти, но не мог встать, открыть сейф, вынуть из него «корытца» — так мы называли контейнеры, содержавшие обработанные рапорты, — и приступить к копированию. Может быть, это действительно был первый кризис? Так или иначе, через две недели я почти совсем забыл об этом случае, только стал более внимательным и установил для себя правило: уходить из здания по крайней мере за полчаса до обхода вахтеров, запирающих двери.

Справляясь с заданиями, полученными из Центра, я испытывал не только радость от сознания, что хорошо выполняю свой долг, но также и глубокое внутреннее удовлетворение. Мне нравилось собирать, копировать и пересылать в Варшаву тексты рапортов, проходящих через Polish Research and Analysis Unit. Я охотно передавал также сообщения о новых циклах передач, подготавливавшихся «Свободной Европой». Мне казалось, что я немного похож на фронтового разведчика, занявшего удобную для наблюдения позицию и сообщающего о передвижении неприятельских сил. Люди моего поколения, познавшие в детстве все ужасы военных лет, не способны чрезмерно восхищаться подвигами Конрада Валленрода¹, но все же нельзя не признать, что легендарным героям этого романтического произведения в чем-то сродни разведчики, действующие в тылу врага, проникающие в его штабы, разгадывающие его тайны и парализующие движение неприятельских войск. Именно так я представлял себе работу разведки, когда обратился в МВД. Посылая в Центр копии тайных рапортов, обрабатывавшихся в группе Заморского, я как бы погружался в эту романтическую атмосферу.

По-другому я себя чувствовал, когда копировал для Центра регистрационные карточки информаторов «Свободной Европы». Я понимал, что это необходимо, но все-таки мне было нелегко. Ведь речь шла о живых людях. В нескольких случаях нам удалось таким образом предостеречь их от совершения серьезных преступлений, которые не только представляли бы опасность для общества, но и принесли бы несчастье их близким. К некоторым информаторам «Свободной Европы» обращались иностранные разведки, стараясь с помощью шантажа вынудить их согласие на дальнейшее сотрудничество. Эти

¹ Герой одноименной поэмы А. Мицкевича. — Прим. ред.

попытки оказывались безрезультатными, если с человеком, передавшим информацию «Свободной Европы», заранее проводили тактичный, но серьезный разговор работники Центра.

Когда мне становилось тяжело, я говорил себе: «Послушай, идет борьба. Не мы первые обратились к этим методам. Добрым словом хищника не успокоишь, не заставишь волка питаться васильками. Ты солдат невидимого фронта, тебе доверен пост на передовой...» Логика этих рассуждений была убедительной. Но в каждой ли ситуации человек может легко преодолеть сомнения и поступать только логично?

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

Материалы о Польше собираются, контролируются и анализируются в Polish Research and Analysis Unit. О событиях, как происходящих в Польше, так и предполагаемых, речь идет на ежедневных совещаниях у Новака и Гамарникова, а также на проходящих два раза в неделю заседаниях у американцев, на которые кроме директора польской секции и его заместителя ходили также Завадский, Заморский и часто еще кто-нибудь из редакторов, пользующихся наибольшим доверием. Вопросы, связанные с Польшей, рассматриваются участниками больших программных собраний всей секции, на которых намечаются основные направления деятельности «Свободной Европы» на ближайший год или два. С участия в такой конференции, состоявшейся у озера Штарнберг, я и начал свою работу на станции.

Сегодня, оглядываясь назад, я задумываюсь о том, в каком контексте на протяжении этих семи лет я слышал слово «Польша», и прихожу к выводу, что это всегда была искаженная картина, как бы отражение в кривом зеркале.

Перед выездом за границу в Центре мне разъяснили, на что ориентируется «Свободная Европа» в своей деятельности и какие политические концепции она намерена пропагандировать. Уже в ходе моего первого разговора с Новаком, состоявшегося в начале 1969 года, я убедился, что точка зрения Центра, основанная на хорошем знании методов и целей деятельности мюнхенского филиала

СИА, целиком соответствовала действительности. Главные враги смягчения международной напряженности поняли, что открытое наступление на социализм и его завоевания уже не дает результатов. Потерпев серьезные поражения, доктринеры психологической войны занялись поиском новых, более гибких способов воздействия на взгляды и настроения общества в социалистических странах. Они делали ставку на современный ревизионизм как на движение, изнутри подрывающее основы социалистической идеологии, политики и экономики и постоянно прикрывающееся различными псевдонаучными теориями. Одной из разновидностей ревизионизма был и эволюционизм, который проповедовал Меровский из парижской «Культуры», хотя настоящие авторы этой теории жили по другую сторону Атлантики.

Новак делал все, чтобы ставка на ревизионизм не была в «Свободной Европе» только пустым словом. Уже на программной конференции в Фельдафинге он много говорил на эту тему и возвращался к ней многократно на заседаниях польской секции. Он старался ознакомить своих подчиненных с основными положениями ревизионизма и добиться использования их в передачах. Следовало, выдавая себя за сторонников социалистической системы, подсказывать, что и как в этой системе можно «исправить», «улучшить» и «изменить» якобы в интересах всего общества. Вскоре, однако, Новак убедился в том, что новые идеи, распространяемые им в соответствии с указаниями американцев, не находят отклика у сотрудников радиостанции. Такие люди, как Стыпулковская или Тростянка, пожилые, с солидным стажем примитивной антикоммунистической деятельности, не так-то легко соглашались принять новую линию. Ее понимание требовало от них определенных умственных усилий, отхода от избитых штампов, а это было выше их возможностей. Новак пытался обойти их сопротивление и создать новый коллектив, состоящий из молодых сотрудников польской секции. Этот коллектив должен был заняться подготовкой программы, предназначенной для молодежи, в первую очередь студенческой. В то время Новак уже знал о «Мемориале» Куроня и Модзелевского, но не говорил о нем публично и запретил комментировать его в передачах (вероятно, потому, что сам не понимал его содержания).

Я убедился в этом в июне 1965 года. Новак вызвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Пан Анджей, я дам вам текст, который недавно получил из Польши. Никому об этом не говорите. Я хотел бы, чтобы вы ознакомились с ним. Через недельку поговорим на эту тему.

Я еще не знал, в чем дело, но заметил фамилию Модзелевского. Новак между тем пояснил:

— Авторы текста — два молодых ученых из Варшавского университета...

— Модзелевского я знаю по университету, — заметил я.

— Вот и отлично, — обрадовался Новак. — Напишите мне, пожалуйста, страничку-две о том, что вы о нем знаете.

Когда я пришел к нему через десять дней, чтобы обсудить текст «Мемориала», Новак сразу же высказал свое мнение.

— Эти авторы — какие-то сумасшедшие фанатики и доктринеры, — сказал он. — Думают и пишут сумбурно. Некоторые места я совершенно не понимаю. Может быть, вы, воспитанный на этом жаргоне, сумеете перевести мне на человеческий язык такую, например, формулировку... — И он начал приводить выдержки из «Мемориала».

Я согласился с Новаком, что текст страдает многословием и путаной фразеологией, но — что меня поразило — он не понимал и тех мест, где авторы «Мемориала» пользовались оборотами, заимствованными у классиков марксистской политэкономии. Может быть, он проверяет меня? Мне было трудно поверить, что он, бывший ассистент кафедры экономики и истории известного в Европе Познанского университета, претендующий на то, чтобы называться энциклопедически образованным человеком, не знаком с элементарными понятиями из области собственной специальности. Нет, это не была проверка моих знаний. Новак, считавшийся на радиостанции одним из главных идеологов антикоммунизма, случайно показал, что не имеет представления об основах марксизма.

Мы разговаривали довольно долго. Наконец Новак принял решение:

— Вы согласны со мной, что этот «Мемориал» представляет собой страшную чушь? Есть в нем, однако, некоторые предложения, лозунги, адресованные авторами

известным им группам молодежи, с тем чтобы привлечь эти группы к более тесному сотрудничеству с ними. Они пытаются также, по моему мнению, превратить в лозунги некоторые еще не сформулированные открыто идеи. Я рассматриваю этот «Мемориал» как подтверждение тех уже ранее полученных нами сообщений, в которых говорилось, что в среде польской студенческой молодежи начинается брожение. Теперь вашей задачей будет подготовка тезисов, которые могут настроить молодежь в соответствии с намерениями авторов «Мемориала». Без ссылки на этот документ вы будете предлагать эти тезисы на ближайших собраниях, посвященных молодежным передачам...

Я уже упоминал о том, что после конференции в Фельдафинге я по указанию Новака был включен во вновь созданную молодежную группу. Заморский морщился, но открыто протестовать не решался. Группа собиралась несколько раз в неделю в присутствии самого директора. Новак произносил монологи, а остальные слушали. Мы готовили тексты передач для молодежи. В 1966 году группа начала цикл «Черным по белому», который должен был служить первой ласточкой, предвещающей большие изменения в программах «Свободной Европы». Не обошлось без внутренних трений. Редактором молодежных передач был Розпендовский, выступавший по радио под псевдонимом Юлицкий, — человек, который прежде всего заботился о своих доходах. Наши тексты, шедшие в эфир, несколько не уменьшали его заработка, но Розпендовский, руководствуясь какими-то высшими соображениями, честолюбием или завистью, заботился о том, чтобы через редакционное сито проходили лишь немногие из этих передач. Даже после этого он откладывал их с недели на неделю, и в конце концов потенциальные авторы выражали все меньшую готовность сотрудничать с молодежной редакцией. Они один за другим покидали поле боя, и в конце концов Розпендовский остался один и был, кажется, очень доволен этим. Новак тоже потерял свой первоначальный энтузиазм и не приходил уже регулярно на собрания. Розпендовский колебался, можно ли начинать собрание без директора, и, когда все начинали уже скучать, кто-нибудь из присутствующих выступал с предложением:

— А может быть, уважаемое собрание согласится пе-

ренести дальнейшее обсуждение в помещение, именуемое буфетом? Там, по крайней мере, есть кофе...

И мы шли выпить по чашечке, а там к нам подсаживался еще кто-нибудь, рассказывал какие-нибудь новости, и дело кончалось обыкновенной болтовней.

Так попытка организовать молодежные передачи оказалась неудачной. Удачнее пошло дело у Новака с пожилыми сотрудниками. Увидев, что директор встречается с молодыми, чтобы дискутировать на тему об «улучшении» социализма, а участники этих собраний ходят с книгами и, что еще хуже, эти же книги читает сам Новак, они слегка забеспокоились. И начали мучиться над Джиласом и ломать голову над ревизионистскими проблемами, в которых никак не могли разобраться. Даже Заморский спросил меня как-то:

— Пан Анджей, что такое прибавочная стоимость?

Это новое направление в польской секции не нашло еще в 1965 году открытого выражения в радиопрограммах «Свободной Европы». Позже определенные его признаки начали вырисовываться в текстах некоторых редакторов. Только Тростянка и Стыпулковская, закоренелые и оголтелые антикоммунисты, ничего не смогли изменить в своих передачах.

Несмотря на неудачу с молодежной программой, не получившей такого размаха, какого ожидало руководство радиостанции, Новак не терял надежды. На протяжении всего периода моего пребывания в Мюнхене проблема воздействия на молодежь постоянно стояла на повестке дня. В 1966 году к ней вернулись вновь. Снова был создан коллектив, в задачи которого входила подготовка цикла радиопередач. Год спустя американцы вызвали в Зальцбург всех директоров национальных секций на секретную конференцию для обсуждения и определения основной линии, которой должна была придерживаться «Свободная Европа» в ближайший период. Американцы похвалили Новака за предпринятые им уже попытки подхватить ревизионистские лозунги и потребовали, чтобы эта направленность стала обязательной для радиостанции в целом. Польщенный Новак сказал, что его секция уже начала специальные передачи для молодежи «Черным по белому», идущие раз в две недели по полчаса. Американцы сочли, что этого мало. Они потребовали увеличить количество передач и расширить их тематику, справедли-

во: утверждая, что молодежь в социалистических странах добивается больших успехов в овладении знаниями и с ней нельзя теперь разговаривать языком ее отцов. Обращаясь к молодежи, подсказывая ей способы «улучшения» социализма, необходимо уметь пользоваться Каутским, Бернштейном, Бухариным, Джиласом... Вернувшись из Зальцбурга, Новак сразу же объявил, что теперь передача «Черным по белому» будет идти еженедельно и продолжаться три четверти часа. Снова начались собрания молодежной группы, снова были извлечены на свет божий положения ревизионистов.

Я был на многих собраниях, на которых обсуждалась проблема молодежи, и неоднократно слушал выступления Новака. Особенно я запомнил один из его монологов. Кто-то коснулся музыкальных передач «Свободной Европы» и сказал примерно следующее:

— Не слишком ли много передаем мы джазовой музыки? Может быть, немного сократить эти передачи, а их место занять публицистикой, литературной критикой?..

Новак ответил резко:

— Так рассуждать нельзя! Это мелочность! Те, кто сегодня ловят нашу станцию, чтобы слушать музыку, через несколько лет будут ловить ее, чтобы слушать последние известия. Впрочем, уже сегодня до них доходит кое-что кроме музыки. Если они запомнят наши слова, то в будущем музыка нам окупится.

Начиная с января 1968 года Новак и Гамарников ставили события в Чехословакии на первое место в повестке дня утренних собраний, где намечалась программа передач на ближайший день. Было приказано как можно чаще обсуждать и цитировать высказывания деятелей «Пражской весны». Новак был восхищен позицией и деятельностью Дубчека, хвалил его на каждом шагу, что вызывало даже насмешки со стороны некоторых сотрудников польской секции.

За ходом мартовских событий в Польше на радиостанции следили с исключительным вниманием. В передачах студенческая молодежь открыто призывалась к выступлениям. Новак надеялся, что студентов поддержат рабочие. Для этого он прилагал немало усилий. В то время я впервые заметил, что для своих целей он использует некоторых аккредитованных в Варшаве западных корреспондентов.

Как я уже говорил, «Свободная Европа» старается иметь своих людей в разных журналах и газетах. Некоторые из них получают постоянное вознаграждение, другие оплачиваются сдельно. Они должны в первую очередь следить за тем, чтобы газета, в которой они работают, писала о деятельности «Свободной Европы» только хорошее или же не писала вообще.

У Новака были люди, через посредство которых он поддерживал связь с разными редакциями и передавал им свои пожелания. Ванда Пампук-Броньская не составляла исключения. В Западном Берлине, например, живет Богдан Осадчук, хорошо знакомый мне не только как автор многих донесений, проходивших через мои руки, но и как посредник между Новаком и некоторыми западными публицистами. Через него, а иногда и непосредственно, Новак пересылал им фрагменты соответствующим образом обработанных корреспонденций. На основании этих материалов писались статьи, например, в «Ле Монд» — газете, которую в Польше можно читать в клубах международной прессы, и в других периодических изданиях капиталистических стран. Потом те же статьи в свою очередь комментировались и цитировались в передачах «Свободной Европы» на польском языке.

Прочитанные или услышанные сообщения — в данном случае они получали как бы двукратное подтверждение — в виде сплетен расходились по Польше. Их повторяли в разговорах со знакомыми, не указывая, конечно, из каких источников получена эта информация. Сплетник, как правило, стремится произвести впечатление человека, посвященного в строгие тайны, имеющего лично или через друзей доступ к самым важным делам, знать о которых могут только избранные. Сплетни и слухи являются одним из инструментов воздействия на общественное мнение, старательно используемым специалистами психологической войны. О методах применения этого оружия существует богатая литература. Кадровые сотрудники «Свободной Европы» изучают этот вопрос в ходе своей подготовки. Вероятно, я не погрешу против истины, если выскажу предположение, что многие корреспонденты, посылаемые в социалистические страны, прошли в свое время инструктаж о том, как можно использовать сплетни. Не один из них старательно записывает все, что услышит в варшавских кафе, и пересылает в свою редак-

цию. Если он человек порядочный и трезво мыслящий, то начинает свою корреспонденцию словами: «В Варшаве говорят...», если же он гонится только за сенсацией, то сплетни представляет как факты. Когда это «сенсационное» известие будет опубликовано в какой-нибудь западной газете, часто с комментариями корреспондента, и повторено «Свободной Европой», тогда путь, проделанный сплетней, становится ясным. Но так бывает не всегда. Иногда сплетни не публикуются, но мюнхенская радиостанция все же пользуется ими в своих передачах. Чудес не бывает даже в мире электроники — сплетня без посторонней помощи до Мюнхена не доберется. Отсюда можно сделать вывод, что некоторые из иностранных корреспондентов — американских, западногерманских или французских — одновременно служат в нескольких местах и работают не только для агентства или газеты, в качестве представителей которых они аккредитованы в Варшаве. Иногда одним из дополнительных мест их службы является «Свободная Европа», иногда прямо СИА или одно из финансируемых им учреждений. Я не хочу показаться нескромным, но трудно не вспомнить о том, что после моего возвращения в Варшаву и первой пресс-конференции такие любители работать по совместительству из числа западных корреспондентов пришли к выводу, что климат города на Висле им не очень подходит, и быстро покинули нашу страну.

В «Свободной Европе» сплетни используются, по крайней мере, в трех целях. Однажды пущенные, они возвращаются в рапортах местных бюро, оцениваются, анализируются и по служебной линии следуют в СИА, а оттуда плывут далее — за океан, в Вашингтон. В том же или несколько измененном варианте — соответственным образом переработанные и дополненные — сплетни снова повторяются в радиопередачах, сдобренные высосанными из пальца бреднями завсегдатаев варшавских кафе, краковских баров и закопанских ночных ресторанов. Сплетнями пользуется и сам Новак, требуя похвал за свою дальновидность, утверждая, что уже несколько месяцев тому назад ожидал именно таких настроений и такой реакции общественного мнения в Польше. Словом, сплетня, как бумеранг, возвращается к исходной точке своего полета.

Однако несколько раз этот испробованный Новаком и

его людьми метод, основывающийся на лжи, дал осечку. Они ошиблись в своих расчетах.

Но даже в таких ситуациях Новак не теряет присутствия духа. Его мечта — в один прекрасный день прийти к американцам и сказать, что только он олицетворяет разум, волю и чувства польского народа. «Располагая мной, — хотел бы заявить он, — вы управляете мыслями, желаниями и сердцами свыше тридцати миллионов поляков, проживающих между Западным Бугом и Одером, а также многих других поляков, разбросанных по всему свету».

Оставим без внимания его маниакальные претензии на роль «властителя дум» польского общества, ибо такую глупость может принять всерьез только психически больной человек. Но даже значительная часть польской эмиграции, в том числе эмиграции военных лет, резко отрицательно относится к попыткам Яна Новака выдать себя за руководителя поляков, проживающих за рубежом. Об этом свидетельствуют различные эмигрантские публикации, не только полемизирующие с директором польской секции «Свободной Европы», но нередко и откровенно высмеивающие его, ибо именно смех является эффективным оружием в борьбе с таким человеком.

Новак имеет влияние главным образом на те группы находящихся в эмиграции поляков, которые зависят от «Свободной Европы» в финансовом отношении (например, «Объединение польских ветеранов войны»). Ему подыгрывают и руководители других группировок, надеющиеся в будущем подчинить его собственным интересам. Эта игра идет в очень сложных политических и тактических условиях.

Конечно, Новак не намерен без боя сдавать свои позиции. Он старается уничтожить те эмигрантские журналы и издательства, которые осмеливаются публиковать материалы, не соответствующие его взглядам. Своих критиков он преследует долго и упорно. Он полностью скомпрометировал себя, будучи послушным исполнителем воли американцев, без каких-либо возражений делающим все, что ему прикажут. Новак понимает, что его хозяевам из CIA известна та сомнительная репутация, какой он пользуется у польских эмигрантов. Поэтому он изо всех сил пытается убедить американцев хотя бы в том, что в самой Польше его авторитет чрезвычайно высок.

Надо иметь ловкость акробата, чтобы сохранить равновесие в этом переплетении конфликтов и интриг.

Американцы неуступчивы, когда речь идет об их интересах. Новаку и его ближайшим сотрудникам хорошо известны их требования. Во всех вопросах, касающихся авторитета Соединенных Штатов, идет ли речь о политических или военных мероприятиях, оценка может быть только одна — полное одобрение. Так, «Свободная Европа» должна была положительно оценивать американскую поддержку Израиля или прогневшего южновьетнамского режима. Малейшее отклонение от этой линии сразу вызвало бы острую реакцию. Некоторой свободой Новак и его компания пользуются во второстепенных, маловажных вопросах, хотя и здесь требование придерживаться американской точки зрения остается в силе. Если, например, Тадеуш Новаковский напишет, что он думает о Ярославе Ивашкевиче и его творчестве, то к этому на станции все отнесутся равнодушно. Но стоило Адаму Циолкошу сделать критические замечания, касающиеся работ американского фаворита профессора Адама Шаффа, как сразу же вмешались хозяева. Они не только потребовали прекратить этот цикл, но и проследили, чтобы «Свободная Европа» в специальной передаче рассказала, как высоко оценивают творчество Адама Шаффа «самые выдающиеся ученые».

Такие истории происходили и происходят также с некоторыми из польских литераторов. У них тоже бывают свои покровители, причем не всегда по эту сторону океана.

«Свободная Европа» ежегодно присуждает литературные премии, имеющие «символический» характер. Дело в том, что лауреат не получает венка, сплетенного из зеленых банкнот. О его книге и о нем самом только сообщают в радиопередачах и пишут в бюллетенях станции, рассылаемых большинству журналов в капиталистических странах. Иногда, как следствие этой рекламы, книга переводится и даже переиздается, что сказывается и на материальном положении автора, если только совесть и достоинство позволяют ему пользоваться доходами, которыми он в какой-то мере обязан «Свободной Европе». Формально председателем жюри, распределяющего премии по литературе, является Тадеуш Новаковский-Ольштынский — человек, остававшийся для меня загадкой на

протяжении всего периода моего пребывания в Мюнхене. Он был единственным из польской секции, кто поддерживал контакты с прогрессивными и вообще высоко котирующимися на книжном рынке писателями и публицистами ФРГ. Он был связан с так называемой «Gruppe-47» — организацией литераторов, созданной в 1947 году (отсюда и ее название), не имеющей четкой программы, но играющей видную роль в формировании культурной жизни Федеративной Республики Германии. Он принимал участие в различных мероприятиях, и всюду его принимали хорошо, даже с некоторыми почестями. Ему пришлось многое пережить в гитлеровских концентрационных лагерях; там погиб его отец, борющийся в свое время за возвращение Польше ее исконных земель, захваченных немцами. Способный, начитанный, он знал многих людей, хотя и занимающих официально невысокие должности, но пользующихся большим авторитетом в высших кругах США и Великобритании. При всем этом, как ни странно, он покорно склонял голову, когда Новак топал на него ногами или повышал голос. Он не решался ничего возразить, когда Гамарников или Стыпулковская разражались своими антипольскими тирадами, а делали они это ежедневно по любому поводу. Вот такой человек и был председателем жюри комиссии, распределявшей награды на конкурсе, который «Свободная Европа» официально объявляла. Каждый год в начале осени на его адрес приходили из Польши книги от разных литераторов, алчущих славы, оплаченной иностранными деньгами. Почти все книги были снабжены раболепными посвящениями. Если бы эти комплименты соответствовали истине хотя бы на десять процентов, то Новаковский должен был бы уже дважды получить Нобелевскую премию. В действительности же во всем этом литературном мероприятии он был лишь посредником. Книги попадали к американцам, и там, на значительно более высоком уровне, решалось, кого и за что следует отметить. Список лауреатов обычно передавался Новаку за несколько дней до заседания жюри. Новаковскому же оставалось только написать обоснование — несколько дешевых комплиментов — и прочесть этот текст перед микрофоном.

Американцы высоко оценивают все то, что может оказать отрицательное влияние на нашу идеологию, политику и культуру, что ведет к брожению, дезориентации и

недовольству в разных группах общества. И в вопросах литературы, и в проблемах, волнующих мир искусства, и в любой другой области они категорически требуют соблюдения своих собственных пропагандистских или шпионских интересов. Им безразличны личные симпатии или антипатии Адама Циолкоша, Тадеуша Новаковского и даже самого Новака. Они заботятся о последовательном осуществлении своей стратегии в психологической войне, и от этой генеральной линии, как я уже подчеркивал, не допускают никаких отступлений. Совершенно очевидно, что в этих условиях Новаку может отводиться только роль послушного исполнителя. Он же хочет быть равноправным партнером и всеми силами стремится убедить своих хозяев в том, что благодаря ему и его людям польское общество уже мыслит так, как этого желают американцы.

Эта страсть директора часто приводит к ляпсусам. Я много раз наблюдал, как сотрудники Новака потели, вымучивая анализ, подтверждающий восхищение поляков американской политикой во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Прислужник Новака Люциан Пежановский, заранее зная вкусы шефа и его начальников, рассказывал на программной конференции (вскоре после своего выезда из Польши), что жители Варшавы, Кракова или Познани, отвечая на вопрос, что они думают о войне во Вьетнаме, с восхищением отзывались о замечательной технике и вооружении американских войск и ни один из них даже не подумал осудить бомбардировки. Сам Новак поморщился, выслушав такую чушь, но ничего не сказал, поскольку в зале были три-четыре американца, от которых зависела его дальнейшая карьера.

Я был свидетелем и более напряженных усилий, когда Израиль начал агрессивную войну на Ближнем Востоке. В соответствии с официальной позицией, занятой в этом конфликте США, польская секция станции должна была оправдывать захватническую политику Израиля.

Начался какой-то психоз. Стыпулковская, Гамарников, секретарши Новака и его заместителей, а также секретарши, работающие непосредственно у американцев, стали собирать деньги для Израиля. Корызма не хотел давать и сразу же получил разнос. Другие после колебаний давали от пяти до двадцати марок. Радость по пово-

ду успехов Израиля у некоторых была несравненно большей, чем выплачиваемые ими суммы.

Те же самые секретарши внимательно следили за тем, чтобы каждый сотрудник польской секции выражал, как можно чаще, свою радость по поводу успехов Израиля. Тот, кто хотел заслужить хорошую репутацию, должен был повторять:

— Это победа не только Израиля, это победа всего Запада, это также победа цивилизации над варварством.

Одних слов было мало. Нужно было, не обращая внимания на ход и последствия агрессии, напалмовые бомбы, убийства мирного населения и издевательства над военнопленными, говорить с энтузиазмом, с блеском в глазах.

Нашлись и такие усердные доносители, которые внимательно следили за теми, кто не выражал слишком большого восторга по поводу военных успехов Израиля. Жертвой такого доноса стал Тростянка. Уже всерьез предсказывали конец его карьеры, когда он, не на шутку испугавшись, начал спасать себя, расхваливая в своих передачах Израиль и громя арабов.

Стыпулковская не боялась донощиков, ей ничто не угрожало. Она сразу же заняла нужную позицию. Без всякого чувства меры она поносила арабов. Когда до Мюнхена докатилась волна решительного протеста польского общества против агрессии Израиля и террора, установленного на оккупированных территориях, в одной из передач эта дама осмелилась утверждать, что если поляки не одобряют израильской агрессии и осуждают захват арабских земель, то они тем самым — обратите внимание на ее слова! — «ставят под вопрос свои права на Гданьск, Щецин, Вроцлав и Валбжих».

Если бы не режим, установленный Новаком и его людьми и усиленный истерической активностью произраильской группы, поднявшей бешеную шумиху во время войны на Ближнем Востоке, Стыпулковская после такого заявления вряд ли сумела бы удержаться в польской секции. Обычно в «Свободной Европе» никто не слушает радиопередач, мало кто знает, какие тексты идут в эфир. Но на этот раз все обстояло иначе: не было ни одного человека, который не знал бы о передаче Мечковской. Даже те, кто еще до поступления на службу на станцию работал в нескольких разведках, даже циники, которых

интересовали только собственные чековые книжки, почувствовали себя задетыми. О причинах такого волнения вслух не очень распространялись. Частично оно было вызвано страхом перед реакцией американцев. Хозяева могут быть щедрыми, когда речь идет об их интересах, но они хотят знать, на что тратятся деньги. Передача Стыпулковской сводила на нет годы усилий, направленных на то, чтобы представить «Свободную Европу» как организацию, движущей силой которой являются якобы польские эмигранты. Высказывались опасения, что американцы опомнятся, поймут, какая серьезная ошибка допущена, и, разобравшись, на что идут их доллары, приступят к реорганизации польской секции, а тогда многим придется снова искать работу. Но наряду с этим страхом проявлялось и искреннее возмущение, ибо скандальность поступка Стыпулковской действительно переходила все границы. Наиболее смелые, встречаясь в коридоре и поздоровавшись, говорили друг другу:

— Вот ведь стерва... а?

И ни разу никто не спросил, о ком идет речь, потому что в эти дни все только и говорили о Стыпулковской — «оплоте христианства».

Американцы никак не реагировали. Если они что-нибудь и предприняли, то сделали это так осторожно, что никто из сотрудников польской секции об этом не знал. А на повестке дня стояла уже новая антипольская кампания, своим размахом превосходившая предыдущие. В ее шуме передача Стыпулковской как-то забылась.

В финансируемой сионистскими кругами западной прессе стала резко усиливаться пропаганда, направленная против Польши и польского народа. Позиция, занятая нашей страной в связи с конфликтом на Ближнем Востоке, поддержка, оказанная подвергшимся нападению арабским странам, осуждение в ООН израильской агрессии и ее последствий стали причиной антипольской кампании, для которой все средства были хороши. Я жил тогда в Мюнхене, читал западногерманские газеты, смотрел передачи местного телевидения и просто не мог поверить тому, как далеко могут зайти люди, охваченные ненавистью к Польше.

Известие о группе «благородных бывших эсэсовцев», которые, восхищенные «героизмом Израиля в деле защиты интересов Запада», решили отдать свою кровь для

солдат Моше Даяна, соседствовало с рассказами о новом взрыве якобы традиционного польского антисемитизма. Сообщения о результатах сбора денег для Израиля, проводившегося в ФРГ, чередовались с фрагментами воспоминаний, относящихся к годам второй мировой войны, из которых следовало, что лагеря смерти — дело рук поляков. Об этом не говорилось прямо. Просто указывалось, что они находились на польской территории, и дальше уже они фигурировали как «польские лагеря смерти», «польские концентрационные лагеря». Таким образом поляки объявлялись соучастниками в истреблении еврейского населения во время оккупации.

Несколько сотрудников польской секции «Свободной Европы» обращались к Новаку с тем, чтобы он согласился провести какую-нибудь контракцию. Директор пользовался любым случаем, чтобы продемонстрировать, как дороги ему воспоминания о времени, проведенном в Армии Крайовой. Когда ему приходилось впервые разговаривать с кем-нибудь из бывших членов этой организации, он торжественно протягивал руку и говорил: «Приветствую коллегу из Армии Крайовой». Некоторые надеялись, что Новак для поддержания этой легенды о себе напишет или поручит написать другим из своего окружения о входившей в Армию Крайову организации «Жегота». Эта организация была создана для оказания помощи евреям, которым угрожала смерть в гитлеровских лагерях уничтожения. Новак не позволил уговорить себя.

— Этот вопрос нас не интересует, — заявил он. — У нас другие функции...

Прошло немного времени, и все узнали, в чем заключались функции польской секции «Свободной Европы».

В группе, руководимой Заморским, начали готовить список кадровых изменений в Польше. Список составлялся под определенным углом зрения: требовалось установить, кто из получивших повышение или снятых с высоких постов в последние годы был евреем. Эту работу выполнял Кучмерчик по поручению Всемирного еврейского конгресса, руководство которого находится в США.

В то же время Новак получил список лиц, проживавших в Польше, которых «Свободная Европа» должна была защищать в своих передачах. Если же по тактическим соображениям такая защита оказывалась невозмож-

ной, то следовало поддерживать их так, чтобы они продержались на своих постах как можно дольше. Эта директива несколько противоречила проводившимся в «Свободной Европе» с середины июня 1967 года приготовлениям к достойной встрече и использованию на радиостанции людей, выразивших желание выехать из Польши в Израиль. Но это противоречие отчетливо проявилось только во второй половине 1968 года. Годом раньше шефы Новака думали, что эмигрировать из Польши будут молодые люди призывного возраста, стремящиеся вступить в ряды армии Моше Даяна. Их родителей намеревались задержать в Польше. После израильской агрессии, а особенно после мартовских событий, в здании на Энглишер Гартен начали появляться новые лица.

Однажды с большим шумом прибыл Йотем, то есть Юзеф Мушкат. Он ожидал, что все будут только о том и мечтать, чтобы он своим пером усилил польскую секцию. Уверенный в себе, даже надменный, спустя несколько дней он как-то стих, сгорбился и часами просиживал в холле, дожидаясь, чтобы какая-нибудь из секретарш провела его к Новаку, Гамарникову или Зеньчиковскому. Спустя неделю или две, разочарованный, он исчез с нашего горизонта.

Его не приняли на работу в «Свободную Европу», сказав, что американские правила не позволяют принимать на работу журналистов старше пятидесяти лет. Но это была не вся правда. Американцы не любят, когда на работу принимают людей старше пятидесяти лет, но часто делались исключения. Его кандидатура оказалась отвергнутой по другим причинам.

С начала 1968 года в Мюнхене ждали Станислава Выгодского, который, однако, не приехал. В Вене с ним беседовал Вацлав Поморский. Содержание этой беседы он изложил в донесении от 1 февраля 1968 года. Это донесение многословно, как и все написанное Поморским, и я приведу только его фрагмент, начинающийся с вопроса корреспондента, что слышно в Варшаве.

«Выгодский говорит:

— Зачем вы меня об этом спрашиваете, когда сами все хорошо знаете!

Я усмехаюсь многозначительно.

— Не смейтесь, вы знаете значительно больше, чем рядовой гражданин ПНР.

— Но вы не рядовой гражданин.

— Но и не слишком известный. Я, правда, бывал на партийных собраниях в Союзе польских литераторов, но особенно партийная жизнь меня не интересовала, — отвечает Выгодский. — Мыслями я был в Израиле...

— Действительно ли вы обязательно должны были выехать?

— Пожалуй, так, — отвечает Выгодский, — с теперешним руководством я не согласен. Но в конце концов окончательное решение выехать я принял не по политическим, а по семейным мотивам. Уже несколько лет, как наши родные поселились в Израиле, и дела у них идут хорошо. Жена очень хотела переехать к ним. Мне пришлось подчиниться ей.

— А у ваших детей не будет трудностей с приспособлением к новым условиям жизни в Израиле?

— Пойдут в школу.

— Значит, они знают иврит? — спрашиваю я.

— Конечно знают».

В конце своего донесения Поморский писал, что, как только Станислав Выгодский устроится в Израиле, он сразу же начнет писать специально для «Свободной Европы».

Не уверен, что Выгодский принял предложение Поморского о сотрудничестве. Не помню также, чтобы он появлялся когда-либо в здании радиостанции. Но я не могу утверждать, что его вообще не было в Мюнхене, ибо Новак приводил в польскую секцию не всех гостей, услугами которых пользовался.

Долгое время особенно почетным гостем «Свободной Европы» был Адам Корнецкий, сын Корнхендлера. Новак окружил его заботой и вниманием. Он принимал его, улыбался и называл «паном полковником» так часто, что в конце концов вызвал недовольство нескольких сотрудников польской секции, бывших офицеров Армии Крайовой.

Корнецкий не сразу попал в «Свободную Европу». Его направил в Мюнхен Шимон Визенталь, человек, «заслуги» которого не исчерпывались сотрудничеством с израильской разведкой.

Мне не приходилось встречаться с Шимоном Визенталем лично, но я составил полное представление о нем на основании секретных документов, прошедших через

мои руки в «Свободной Европе». Несколько лет тому назад много говорили о нем и о его центре документации в Вене. Еще немного, и ему пришлось бы свернуть свои дела и оставить столицу Австрии в качестве персона нон грата. Своим видом и своим прошлым, особенно связями с разными тайными службами, он немногим отличался от большинства старых сотрудников станций. После войны Визенталь, вероятно за его сомнительные заслуги во время оккупации, взяли под свое крылышко американцы, и он оказался руководителем центра в Линце, официально занимавшегося разоблачением гитлеровских преступников. Пользуясь этой вывеской, он начал устанавливать контакты с гражданами социалистических стран и эмигрантами из Восточной Европы. Характер этих контактов во многих случаях не имел ничего общего с официальными задачами учреждения Визенталь. Он рекламировал себя как «охотника» на нацистов, сумевшего открыть местопребывание Эйхмана — бывшего шефа отдела VI В-4 RSHA, виновного в уничтожении сотен тысяч евреев. Закулисную сторону этого сенсационного дела Визенталь описал в своей книжке «Я охотился за Эйхманом». Я не упоминал бы о ней, если бы не тот факт, что еще по крайней мере пять человек с такой же настойчивостью приписывают себе захват Эйхмана в его южноамериканском укрытии. Одно совершенно очевидно: примерно с 1966 года Визенталь перестал интересоваться гитлеровскими палачами (процесс над Эйхманом должен был в соответствии с намерениями правящих кругов Израиля и ФРГ явиться заключительным аккордом акции по поиску военных преступников) и активно занялся разведывательной деятельностью. В тесном контакте с сионистскими организациями он начал собирать материалы о проявлениях якобы традиционного антисемитизма в социалистических странах, обращая главное внимание на Польшу, которую неплохо знал. В сборе этих материалов ему помогали за соответствующую мзду в числе других Адам Корнецкий, Александр Дрожджинский и Эрвин Вейт, которые в то время были еще польскими гражданами.

Визенталь поддерживал постоянный контакт с работниками местного бюро «Свободной Европы» в Вене, сотрудничал с Вацлавом Поморским. Эти два разведывательных центра информировали друг друга о приездах

различных лиц из социалистических стран, согласовывали в рабочем порядке, к кому и с какой стороны лучше подойти, чтобы получить информацию.

Когда Визенталь выжал из давнего своего сотрудника Корнецкого все, что ему было необходимо, он направил его к Поморскому. Корнецкий был представлен как человек, который на протяжении многих лет выполнял в Польше функции, облегчавшие ему доступ к некоторым тайнам, знающий многих лиц, что можно было бы с успехом использовать для того, чтобы придать правдоподобие сфабрикованным на Западе сплетням.

Представив обширные материалы обоим сотрудникам разведки, Корнецкий не остался без дел. По совету Визенталья Поморский рекомендовал его Новаку, который пригласил «пана полковника» в Мюнхен.

Я не был свидетелем встречи обоих джентльменов, о чем сожалею, ибо охотно посмотрел бы на эту церемонию. Я видал лишь, как позже Новак восторгался Корнецким, превозносил значение полученной от него информации и без конца титуловал его «паном полковником». Я вместе с другими смеялся над анекдотом, который в то время ходил по польской секции:

— Вскоре мы будем свидетелями милых сценок. Вот идет Розпендовский, а навстречу ему Корнецкий. Розпендовский вытягивается в струнку и чеканит: «Здравия желаю, пан полковник!», а Корнецкий отвечает на это свысока: «Здравствуйте, пан майор!»

Все помнили, что Розпендовский, прежде чем решил эмигрировать в Израиль, дослужился в Польше до звания майора.

Может быть, такая встреча и состоялась. Корнецкий очень долго околачивался на радиостанции. Думали, что Новак пожелает дать ему постоянную работу в польской секции, но нашлись такие, кто стал возражать против этого. Наиболее резко запротестовали бывшие члены Армии Крайовой. Именно они не могли простить Новаку, так часто декларировавшему свою принадлежность к этой организации, явного двуличия и унижительного преклонения перед «паном полковником».

Во всяком случае, Новаку пришлось оправдываться. Он не сделал этого сам: ему удобнее было использовать своих приспешников. Они ходили от одного сотрудника польской секции к другому и рассказывали, что шеф ни-

когда не согласился бы на участие в передачах таких типов, как Корнецкий, но ведь зависит это не только от него. К этому добавлялся и более серьезный аргумент.

«Если необходим свидетель обвинения, — говорили они, — никто ведь не будет требовать характеристики его морального облика. Важен тот факт, что своими показаниями он может поддержать обвинение. Будет ли оно правдивым? Это нас не интересует. Наше дело заключается в том, чтобы оно звучало правдоподобно...»

Я несколько раз слышал такое объяснение. С ним выступил позже сам Новак. Эту формулировку стоило запомнить на будущее, потому что на станции еще не раз принимали гостей, подобных Корнецкому.

Одним из них был, например, Артур Ковальский.

Будучи корреспондентом «Трибуны люду», Артур Ковальский в июне 1968 года отказался вернуться в Польшу. «Отказался вернуться» сказано не совсем точно, ибо никто его в Варшаву не вызывал. Просто в один прекрасный день он заявил, что хватит с него Польши и поляков и что с этого момента он будет сыном своей настоящей родины со столицей в Тель-Авиве.

Меня это решение Артура Ковальского не удивило. Ведь я знал его не столько по публикациям в «Трибуне люду», сколько по материалам, которые он поставлял «Свободной Европе». Он информировал о ходе совещаний в редакции «Трибуны люду» и о содержании инструкций, которые получал из Варшавы, когда уже был корреспондентом в Бонне. Я помню также, как восхищались Ковальским западногерманские газеты.

Аккредитованные в ФРГ польские журналисты часто принимают участие в различных дискуссиях. Это популярная форма идеологической подготовки в молодежных организациях, а также форма занятий для слушателей многочисленных в ФРГ народных и рабочих университетов. В президиуме собрания обычно занимают места несколько специалистов по какому-либо вопросу, которым предстоит спорить друг с другом на объявленную тему. Организаторы таких встреч всегда мечтают о том, чтобы свести за столом людей, известных уже своим участием в острых полемиках в прессе, в Федеральном парламенте или, например, автора какой-нибудь книги с его критиками. Вначале диалог идет только за столом президиума. Зал молчит и слушает. После того как обе стороны

изложат свои точки зрения, в дискуссию включаются присутствующие. Иногда эти встречи, рассчитанные на несколько часов, затягиваются до поздней ночи. Накал дискуссии быстро возрастает. Иногда дело доходит до драки. Бывает, что в зал врывается группа политических противников одной из сторон или подосланных ими пьяных хулиганов, старающихся вызвать беспорядок и сорвать дискуссию.

Артур Ковальский любил участвовать в разных польско-немецких дискуссионных встречах, особенно в тех, где приглашаемых гостей благодарят не только рукопожатием и лаконичным «спасибо».

Темой дискуссий чаще всего были отношения между Польшей и Федеративной Республикой Германии. «Свободная Европа» живо интересовалась этими диалогами, высылая на наиболее интересные из них своих наблюдателей. В начале 1967 года до Мюнхена дошли слухи, что еще немного — и корреспондент «Трибуны люду» Артур Ковальский начнет отдавать немцам польские Вроцлав, Щецин и Гданьск. Когда кто-то впервые упомянул об этом в буфете, Юзеф Птачек коротко отрезал:

— Это невозможно!

Розпендовский рассуждал несколько иначе.

— Не означают ли такие выступления Ковальского, — говорил он совершенно серьезно, — смягчение позиции Варшавы в отношении западных и северных земель...

Я избегал участия в этих дискуссиях, хотя мне очень хотелось спросить Птачека, что именно, по его мнению, невозможно. Но я воздержался от этого, ибо Птачек, считавшийся в польской секции человеком, которому не доверяет СИА, часто делал прямо-таки провокационные заявления. Я подозревал, что за этим кроется какая-то намеренная игра. Слишком много знал Птачек о настроениях, распространенных в польской секции, для человека, который собирал бы эти сведения только для себя. Слишком настойчиво интересовался он взглядами сотрудников и часто заводил разговоры на довольно скользкие темы, которых на радиостанции обычно избегали. Не думаю, что делал он это по легкомыслию. Я наблюдал его в разных ситуациях и всегда приходил к одному и тому же мнению. Подозрительность не входит в число положительных черт характера, но в моем положении, когда в чужой среде я мог рассчитывать только на собственные

силы, я не мог позволить себе роскошь доверчиво относиться ко многим явлениям, на первый взгляд нормальным или находящим оправдание в свете конкретных обстоятельств. Мне приходилось постоянно вникать в их внутренний механизм, искать скрытые пружины, сопоставлять и анализировать разные изолированные факты, изучать их причинные связи. Со временем эта привычка, продиктованная суровой необходимостью, о которой мне то и дело напоминал Центр, делалась понемногу моей второй натурой. Постоянная напряженность внимания, первоначально изнуряющая, становилась естественным состоянием организма. Какая-то внутренняя система самоконтроля, остерегавшая от неосторожного шага или слова, действовала уже без участия сознания.

Вот почему я не мог вступать в дискуссии с Птачек-ом или же вести разговоры с Розпендовским, так далеко идущим в своих предположениях.

Не знаю, был ли Розпендовский первым, кто заглянул в газету «Westdeutsche Rundschau» от 1 февраля 1967 года. Именно там можно было прочитать, какую позицию занял Артур Ковальский во время одной из публичных дискуссий. Корреспондент этой газеты писал: «Подвергшись атаке, он не переходит к обороне. Он принимает возражения к сведению и признает факты... Поляки также совершали бесчестные поступки в отношении немцев. Для многих немцев потеря родины была большим ударом. Со всем этим согласен А. Ковальский...»

Возбужденный Розпендовский ходил с газетой по секции. Позиция, занятая Артуром Ковальским, который, что ни говори, был не просто обывателем, случайно оказавшимся на Западе, а корреспондентом ведущей польской газеты, вызвала большой интерес и массу комментариев. Все задумывались над тем, говорит ли он только от своего имени или же представляет какие-то новые политические силы, голос которых наконец-то начинает раздаваться в Варшаве, на что постоянно рассчитывала «Свободная Европа».

В действительности дело обстояло проще. Зная немного обстановку, существующую в Федеративной Республике Германии (хотя бы только из местной прессы, радио и телевидения), наблюдая через призму документов, хранящихся в архивах Polish Research and Analysis Unit, извилистые пути многих бывших польских граждан, мож-

но было понять, что Артур Ковальский готовит почву для того, чтобы остаться на Западе, и, пользуясь пока еще корреспондентской карточкой польского журналиста, преступно злоупотребляет в интересах враждебных Польше сил своим положением и сознательно искажает взгляды нашего общества. Задним числом нетрудно изображать из себя пророка, и я не намерен этого делать. Я хотел бы только напомнить о типичном для того времени механизме поведения определенных людей, которые, действуя по холодному расчету, не считаясь ни с интересами общества, которое их воспитывало, дало им соответствующие посты и почести, ни с элементарными принципами этики, играли много лет роль «самоотверженных деятелей», никогда не забывая повернуться в ту сторону, откуда раздается шелест банкнот. Примером мог бы послужить не один Ковальский, не обязательно Артур, и не только бывший корреспондент «Трибуны людей».

Раз уж речь зашла о нем, напомним, что долгое время он считался в Польше весьма заслуженным человеком. После войны никто не задумывался над тем, какова в действительности профессиональная квалификация Артура Ковальского; никто не спрашивал также о его политических взглядах и не думал, что они могут претерпеть радикальные изменения и стать всего лишь маской.

Когда Артур Ковальский еще только собирался объявить, что отказывается от польского гражданства за несколько недель до опубликования этого решения в «Süddeutsche Zeitung», Новак потребовал его регистрационную карточку. До этого я никогда не заглядывал в нее, потому что таких карточек было свыше шестидесяти тысяч. Я был знаком только с теми, в которых нуждался для своей текущей работы на станции и которыми интересовался Центр. Но я всегда старался заглянуть в карточки, которые требовал Новак и поступил также в данном случае. Образ Артура Ковальского после этого обрисовался совершенно отчетливо и его характер взглядов, публично демонстрируемых на дискуссионных собраниях, не мог уже вызывать никаких сомнений.

Вот какое мнение он высказал в отношении Генрика Коллята, Януша Рошковского, Рышарда Войны и Чеслава Яцковского, тогдашних корреспондентов польской прессы, радио и телевидения в Бонне: «Они придержива-

ются таких крайних догматических взглядов, подкрепленных польским шовинизмом, что нет смысла вести с ними серьезные разговоры». Из регистрационной карточки было неясно, кому Артур Ковальский высказал эту точку зрения, но говорила она о многом. В свете других данных, содержащихся в карточке, можно было уже несколько иначе оценивать те заслуги, на которые ссылался Ковальский и которые подчеркивались людьми из числа его близких знакомых, столько лет оказывавших ему поддержку.

Один из информаторов «Свободной Европы» в рапорте обо всех польских корреспондентах прессы, радио и телевидения в Бонне, а также о журналистах, приехавших в столицу Федеративной Республики Германии на непродолжительный срок, говоря об Артуре Ковальском подчеркивал, что корреспондент «Трибуны люду» имеет частые контакты с несколькими сотрудниками французского посольства. При этом он давал понять, что речь здесь идет о французских гражданах, которые, располагая дипломатическими паспортами, выполняют не только свои официальные функции, но ведут и менее открытую деятельность. «Знакомство Ковальского с одним из этих французов, — писал далее автор рапорта, — относится еще к предвоенному периоду». Эта лаконичная информация давала достаточные основания для того, чтобы дополнить характеристику Артура Ковальского и говорить о нем как о человеке, который действовал отнюдь не под воздействием случайных стимулов...

Я неоднократно задумывался над тем, что в действительности склоняло к такому поведению людей типа Корнеецкого, Ковальского и многих других, прибывших к «Свободной Европе». Даже люди, представляющие собой отбросы общества, как утверждают знатоки этой проблемы, признают в определенных ситуациях какие-то правила неписаного кодекса чести, эти же совершенно потеряли совесть. Они упорно хотели и в дальнейшем пакостить стране, которой уже принесли такой вред в прошлом.

В польской секции этих людей оценивали по-разному. Новак, Гамарников, Стыпулковская, частично Заморский были в полном восторге. Их взгляды на этот счет однажды резюмировал Микицюк.

— Еще немного, — сказал он, — и Польша станет

единственной в мире страной, не имеющей государственных тайн. Все распродадут эти... — Он задумался, подбирая определение, ибо комната была полна людей, и наконец выдал: — ...эти новейшие эмигранты...

Нельзя было понять, огорчает ли Микицюка такое положение дел или он его одобряет, но Розпендовский, Знамеровский и другие потирали руки от радости.

Скептики, конечно немногочисленные, пытались предостеречь от иллюзии. Несколько раз они сумели даже высказать свое мнение.

— Те, которые выезжают теперь, это люди, скомпрометировавшие себя в политическом отношении уже много лет тому назад, — говорили они. — Их информация имеет главным образом историческую ценность.

Но эти голоса тонули в общем шуме. Когда я смотрел, как щедро тратят американцы доллары на Романа Карста, Эрвина Вейта, Адама Корнецкого и некоторых других, помня в то же время, что даром они никому ничего не платят, то мне становилось не по себе. Несколько недель я боролся с собой, а потом сообщил в Центр довольно подробно причины моего беспокойства и охвативших меня сомнений. Уже вернувшись в Польшу, я узнал, что в Варшаве это письмо было воспринято как признак нервного кризиса или переутомления. Меня очень обрадовал молниеносный ответ, который я получил в Мюнхене. Ответ был примерно таким: «Держись, Анджей! Оснований для беспокойства у тебя нет. Мы направляем к тебе...» И здесь мне сообщали, кто и когда придет и как мы должны установить контакт друг с другом. Я вздохнул с облегчением. Этот ответ очень ободрил меня.

Во время моего пребывания в Мюнхене меня несколько раз посещали офицеры из Центра. Я высоко ценил эти встречи, они очень мне помогали, хотя часто приходилось выслушивать не только похвалы. Я вспоминаю, например, как в начале моей работы в «Свободной Европе» я стал ухаживать за женой одного из редакторов, довольно близко стоявшего к Новаку. Это облегчало мне получение информации из канцелярии директора польской секции. Я был весьма доволен содержанием тех сообщений, которые посылал в Варшаву. Я не успел еще похвастаться, каким путем добываю эти материалы, как получил сообщение о предстоящем визите представителя Центра. Офицер, который приехал тогда и встретился

со мной в ночном ресторане на Швабинге, в самом начале нашего разговора сказал:

— Да, Анджей, пока я не забыл. Роман с пани N (он называл ее имя) ты должен прекратить, и как можно скорее. Сделай это спокойно и культурно, но решительно. Этот флирт может оказаться для тебя в дальнейшем небезопасным, ясно? Теперь об этом еще никто не знает, потому что конспираторы вы ловкие, но забот о конспирации тебе и без этого довольно.

— Но ведь об этом и в самом деле никто не знает, — пытался оправдаться я, ухватившись за его слова. Я был совершенно уверен, что о наших встречах знаем только она и я.

— Что касается пани N, то это не совет, а приказ, — тон моего собеседника стал строгим. — Я просто передаю тебе приказ Центра!

Я должен был сдаться: приказы не обсуждаются. Дисциплина в разведке очень строгая, и никаких исключений ни для кого не делается. Уже вернувшись в Варшаву, я пытался установить, как Центр узнал о моих интимных встречах с пани N. Но меня тут же приструнили:

— У нас каждый знает столько, сколько должен знать, товарищ капитан!

Встречи с представителями Центра позволяли мне вырваться из душной атмосферы «Свободной Европы». Передо мной как бы открывалась настоящая картина Польши, живая, пульсирующая, не искаженная в кривом зеркале. Тогда я особенно остро чувствовал, как далеко нахожусь от родины, ее проблем и людей, от настоящих земляков, которые живут на Висле, работают, радуются успехам, собственным и своих друзей, искренне ругаются, когда кто-нибудь наступит им на мозоль, но даже в моменты злости и горечи всегда с уважением говорят о своей родине, гордятся ее достижениями, готовы отдать за нее все. Отрезанный от родины, обреченный на постоянное пребывание в чужой среде, втянутый в атмосферу лжи и лицемерия, я смотрел на эту картину как на увлекательный фильм или цветную панораму.

У меня бывали трудные, даже очень трудные периоды. Март 1968 года мог меня совершенно вывести из равновесия. Ведь перед выездом из Польши я был студентом Варшавского университета и теперь чувствовал

себя эмоционально связанным с обитателями студенческих общежитий на улице Кицкого, где провел столько лет. Я хорошо помнил о студенческой солидарности, которая позволяла мне неделями жить, не имея ни гроша. И вот я дождался дней, когда эти люди, выручавшие меня прежде, сами попали в беду. Я не знал, как в действительности развивались мартовские события в Варшаве, и был вынужден черпать информацию из западно-германской прессы, а та рисовала мрачную картину. Газеты писали о сотнях раненых и тысячах арестованных. Я пытался спокойно проанализировать эти сообщения, отбросить обычные вымыслы западных журналистов, в погоне за сенсациями терявших чувство меры, но все же в эти дни я испытывал потрясение. Временами эмоции брали верх над разумом. В моем сознании как бы столкнулись два человека: недавний студент, которым я себя все еще чувствовал, и сотрудник МВД, ответственный в какой-то степени за то, что происходило в Варшаве. Генрик хорошо меня знал и догадывался о моем настроении. Он прислал офицера, который подробно рассказал мне о ходе событий и дал их общую оценку. Я до сих пор благодарен Генрику за эту заботу. Мне стало легче, и работа пошла лучше.

Офицера, приехавшего ко мне после моего сообщения, в котором я выражал свое беспокойство, вызванное волной «новых эмигрантов», и которое, как я понимаю теперь, было написано в чрезмерно тревожном тоне, я раньше не знал. Оказалось, однако, что ему отлично знакомо содержание переснятых мною и отправленных в Центр рапортов, которые в последнее время беспрерывно поступали в группу Заморского от корреспондентов, выходящих вокруг эмигрантов в Стокгольме, Вене, Париже и Лондоне.

Читая их, я пытался понять, что в них может быть правдой, а что — ложью, но мне обычно не хватало необходимых для такого анализа данных. Мой собеседник был в значительно лучшем положении, ему было известно как содержание рапортов, так и действительное положение в стране, он мог сопоставлять эти данные. Он помнил содержание рапортов и, цитируя их, рассказал мне, сколько в них было лжи, придуманной только для того, чтобы повысить цену «товара» в СИА и «Свободной Европе».

— Если бы эти рапорты содержали в себе только правду или только ложь, — сказал он, — они могли бы представлять опасность для нас. Но если американская разведка и ее союзники получают такую смесь, то им придется либо прибегнуть к услугам целой армии гномов, чтобы выбрать зернышки правды из мешков золы, либо выбросить все вместе на помойку. Они засорят сита, через которые просеивается информация, а их компьютеры захлебнутся, перерабатывая никому не нужные данные...

— Но ведь правдивые данные в информации будут повторяться, — попытался было возразить я, но тотчас же был призван к порядку:

— Об этом уж предоставьте позаботиться другим. Ваша задача заключается в том, чтобы мы как можно больше знали, что им передают разные Корнеецкие. Об остальном думают другие.

Я не буду рассказывать о всех наших разговорах, потому что продолжались они долго: по несколько часов на протяжении трех дней. Тогда я узнал многое, а самое главное — мой собеседник заверил меня в том, что, вопреки моим опасениям, никто из «новой эмиграции» не может знать о том задании, которое я выполняю в «Свободной Европе». Он сообщил мне также, кто в ближайшие месяцы еще выедет из Польши. Он привел характеристики нескольких десятков лиц, высказал предположения о сведениях, которыми они располагают, и о том, чего можно от них ожидать.

Данные им характеристики оказались абсолютно точными, и поведение многих вновь приезжающих лиц уже не было неожиданным. Достаточно мне было взглянуть на фамилии в рапортах, и я уже заранее знал, о чем будет говорить обиженный на Польшу эмигрант из новой волны. Некоторых я потом наблюдал лично в здании радиостанции.

В 1969 году Польша готовилась к выборам в Сейм, назначенным на 1 июня. Всегда, когда в Польше предстояли сколько-нибудь серьезные политические мероприятия, Новак созывал программную конференцию для определения направлений и методов деятельности станции на этот период. Так было и в тот раз. Конференция продолжалась с 30 апреля по 2 мая. В ней приняли участие все сотрудники польской секции, а также приглашенные гости.

Одной из них была Кристина Милотворская-Кшиштофяк, которая в декабре 1968 года выехала из Польши к своему мужу, временно пребывавшему в Голландии, обосновав свою поездку желанием написать репортажи из этой страны для «Штандара молодых», где в то время она еще была штатным сотрудником. Ее пригласили на конференцию, а вскоре приняли в польскую секцию. В этом ей помог муж, Хиляры Кшиштофяк, художник, который, выставляя свои картины на выставках в ФРГ, Франции и Голландии, добился признания со стороны нескольких варшавских критиков и постепенно завоевал славу и в городе на Висле. Но в один прекрасный день он махнул рукой на эту славу и, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, остался вместе с женой в ФРГ, поселившись в Мюнхене.

Кристина Милотворская дебютировала на конференции как будущий сотрудник польской секции. Представляя ее, Новак рассыпался в комплиментах:

— Приветствую нашу новую очаровательную сотрудницу, пани Кристину Милотворскую, которая укрепит наши ряды.

«Очаровательная сотрудница» держала себя уверенно, не испытывая в новом обществе никакого стеснения, хотя еще совсем недавно в другой роли работала в редакции «Штандара молодых». Поражало, с какой быстротой она изменила свой облик, а скорее — сбросила маску, которую люди ее типа носили в Польше.

Рядом с ней совсем жалким во время этой конференции выглядел другой послемартовский эмигрант — Житомирский, тоже из числа приглашенных, который, пользуясь разрешением Новака, пришел с очень молодой (некоторые думали даже, что это его внучка) женой — довольно эффектной женщиной. Мне уже была известна характеристика Житомирского, человека до неприличия предупредительного по отношению к влиятельным лицам, от которых он в какой-то степени зависел, но то, что он продемонстрировал на конференции, превосходило все ожидания. Когда к нему с чем-нибудь обращался Новак, он, как школьник, срывался с места, становился по стойке «смирно» и каждое слово директора воспринимал с глубоким поклоном.

Третьим гостем был инженер Шацкий, тоже из «новой эмиграции», родственник одного из старых сотруд-

ников станции. Его статьи помещались на страницах парижской «Культуры», подписывал он их псевдонимом Скарбек.

Именно в связи с участием этих гостей стоит, как мне кажется, рассказать о ходе конференции и ее конечных результатах.

Открыл конференцию, конечно, Новак, разразившийся длинной торжественной речью на тему о Сейме в Польше вообще и о приближающихся выборах. При этом он ограничился обычными банальностями, многократно уже повторявшимися в передачах станции и на внутренних собраниях ее сотрудников. Все сводилось к тому, что Сейм в Польше не такой, каким он, по мнению Новака, должен быть. На эту тему он уже больше не распространялся, потому что задача конференции заключалась не в анализе структуры и функционирования сейма, а в подготовке пропагандистской акции, которая должна была помешать проведению избирательной кампании в Польше. Главные ее положения Новак заранее согласовал с американцами, но по своей привычке обратился к собравшимся, призывая их «внести свой вклад» в формирование программной линии радиостанции и высказаться на тему о том, следует ли призывать польских граждан бойкотировать выборы или нет. Должна ли «Свободная Европа» указывать, кого следует вычеркивать из списков кандидатов, или же предоставить решение этого вопроса самим избирателям?

Новак предложил высказаться также гостям, которые были этим, кажется, несколько озадачены.

Милотворская потеряла свою уверенность. Она заборотала что-то, и сразу же стало ясно, что сказать ей нечего или, точнее, что она не знает, какой стороны придерживаться. Она выбрала средний путь, рассчитывая, вероятно, что так будет лучше всего. Она была против бойкота, но... Она была за вычеркивание, но... Короче говоря, это была та тактика уверток, которая не производит хорошего впечатления на зрителя, но зато дает спортсмену шансы уйти с ринга ненокаутированным. Милотворская знала, как много зависит от ее первого публичного выступления.

Житомирский не старался казаться ловким дипломатом. Он чувствовал, в какую сторону дует ветер, и сразу же взял ориентацию на Новака. Он хотел, чтобы его

выступление понравилось директору, и для этого прямо-таки лез из кожи вон. Он поплыл на этой волне, так раболепно прославляя «величие и мудрость» Новака, что в конце концов Тадеуш Новаковский не выдержал, и я услышал его баритон:

— Чего нам не хватает для полного счастья, так это того, чтобы эта тварь понравилась Новаку. Представь себе, что с такой гнидой будешь встречаться в коридоре, в буфете...

Не знаю, к кому был обращен его шепот, во всяком случае несколько человек рассмеялись. Житомирский, возможно, услышал сделанное по его адресу замечание, потому что отвесил еще серию словесных поклонов Новаку и кончил, заявив, что вычеркивание представляется ему необходимым.

Один Шацкий приехал на конференцию подготовленным. Не считаясь с мнением Новака, он выдвинул собственный план, что, конечно, сразу же вызвало интерес у присутствующих. Он мог себе это позволить: получив капитал от своих заграничных покровителей, он вошел в какую-то западноберлинскую фирму. Доллары «Свободной Европы» его мало интересовали — у него был более прочный фундамент. Из его выступления следовало, что станция не может рассчитывать на эффективность своей пропаганды, поскольку вместо аргументов использует брань («пропаганду посредством эпитетов», как он выразился). Он советовал изменить тон и шире использовать работы ревизионистов, а также чаще говорить о различии в позициях, занимаемых отдельными коммунистическими партиями. Шацкому был хорошо известен американский курс на ревизионизм, и он, в сущности, не сказал ничего нового, но уже тот факт, что он вышел за пределы схемы дискуссии, навязанной Новаком, вызвал у собравшихся одобрение.

Общим для этих трех выступлений, различных по содержанию и форме, было постоянно подчеркивавшееся требование включить в программу диверсионно-пропагандистскую акцию, цель которой заключалась в нарушении хода избирательной кампании в Польше. Несмотря на определенные нюансы и колебания, носящие скорее тактический характер, никто из выступавших не ставил под вопрос необходимость организации «Свободной Европой» такой акции.

К этому хору присоединились сотрудники польской секции. Виктор Тростянка заявил, что не следует склонять слушателей к тому, чтобы они вычеркивали или не вычеркивали кандидатов, дело не в этом. Дело и не в том, чтобы призывать к бойкоту. Дело не в выборах, важно прогнать из Польши коммунистов. От волнения он даже побледнел, пот выступил у него на лбу, он еще раз оглядел присутствующих и рухнул на стул, охваченный ненавистью как к коммунистам, так и к тем, которые свою ненависть предпочитали проявлять в более изощренных формах, соответствовавших, как они говорили, изменившимся условиям.

Каневич, Новаковский, Хтюк, называющий себя Цельтом или Лясотой, а также Яблонский, выступающий перед микрофоном станции без псевдонимов, не согласились с Тростянкой. По их мнению, в радиопередачах следовало изображать Сейм так, чтобы из него можно было сделать оружие для борьбы с партией.

Новак в принципе согласился с ними, хотя отметил, что Тростянка тоже прав: пока в польском правительстве будет хоть один коммунист, Сейм не сможет сыграть роли настоящего парламента.

После этого выступления Новак перешел к распоряжениям. Польская секция сразу же должна была приступить к обсуждению перед микрофоном нежелательных кандидатов. Их следовало охарактеризовать так, чтобы слушатель сам догадался, что эти кандидаты должны быть вычеркнуты. Он приказал также всем собравшимся внимательно читать поступающие из Польши газеты и искать там неясные или носящие общий характер формулировки.

— Элегантность в полемике для нас необязательна, — заявил он прямо. — Люди, которые нас слушают, не будут проверять, насколько точно мы цитируем польскую прессу. Если сама польская пресса захочет вступить с нами в дискуссию, тем лучше для нас. Пусть полемизирует, у нее не останется места для других пропагандистских статей. За неделю до выборов мы начнем напоминать слушателям положение о выборах. Хорошим приемом будет постоянное внушение слушателю, что тот, кто не пользуется кабиной, нарушает положение о выборах...

Указания Новака сразу же приобретали характер официальных распоряжений. Вопрос больше не подлежал об-

суждению; решительная позиция директора «рассеяла» все сомнения.

После конференции Житомирский с женой какое-то время еще посещали здание «Свободной Европы». Они записали несколько передач, получили деньги и уехали, потому что никто из влиятельных боссов станции не выразил желания принять эту пару на работу. Как видно, критерии оценки кандидатов в «Свободной Европе» различны. Житомирский не прошел, но свое он сделал — выступил в радиопередаче как еще один «преследовавшийся»...

Уехали Житомирские, но волна послемартовской эмиграции принесла других. С некоторыми Новак и его люди беседовали где-то за пределами здания на Энглишер Гартен.

Несколько раз для участия в таких беседах в Мюнхен приезжал Леон Шульчинский, он же Шульцингер, родом из Станиславова. Будучи еще журналистом в Польше, Шульчинский установил различные контакты с «коллегами по перу» из прессы Шпрингера, с западногерманского радио и телевидения. Он встречался с этими журналистами в ФРГ и принимал их в Польше. Они помогли ему устроиться в Федеративной Республике Германии. Здесь, уже как Шульцингер, он пытался стать экспертом по польским вопросам. Желающих работать по этой специальности на Рейне много, поскольку нет недостатка в разных фольксдойче, которые знают польский язык не хуже Шульчинского, а с немецким имеют куда меньше затруднений, чем новоявленный Шульцингер. Когда до «Свободной Европы» дошли слухи, что Шульцингер займет важный пост в еженедельнике «Дер Шпигель», Новак, стремящийся иметь в каждой большой газете своего посредника вроде Ванды Пампук-Броньской или Имануэля Бирнбаума из «Зюддойче Цайтунг», почувствовал вдруг горячую симпатию к этому человеку. Он начал приглашать его для бесед в Мюнхен. В результате этих встреч Шульцингер спрятал в бумажник пачку старательно пересчитанных банкнот, а Новак получил заверения в том, что ни в одной газете, к которой имеет доступ его новый посредник, не появится ничего такого, что могло бы лично обеспокоить директора польской секции и других боссов из «Свободной Европы». В качестве дополнительной премии Новак обещал ему доступ ко всем

материалам, необходимым для написания статей и других работ о Польше.

Заморский просто трясся от злости, когда рассказывал об этом. Он кричал, что обо всем доложит американцам. Мне был понятен его приступ злости. Он сам зарабатывал несколько марок на том, что передавал материалы разным журналистам. Об американцах он болтал зря. Никогда бы он этого не сделал, потому что не только я, но также Кучмерчик и Микицюк, то есть люди Новака, знали, для чего и за сколько Заморский подготавливал разные материалы, в том числе и совершенно секретные рапорты SLD, перед каждым приездом Стробеля и Нежвицкого, людей, работающих для западногерманской разведки в Пулах. Я был уверен, что где-то там, наверно, под покровительством самих американцев, замыкалось это кольцо взаимных услуг, выгодных в конечном счете CIA. Просто так, тайком от своего начальства и без его одобрения ни Новак, ни Заморский не отважились бы торговать пропагандистскими или шпионскими материалами.

В Мюнхен приезжал также Эрвин Вейт, человек, представляющий особый интерес с точки зрения политической диверсии большого масштаба.

Минуя Польшу, используя путь, ведущий через Вену (это обстоятельство имеет определенное значение), Вейт опубликовал в Федеративной Республике Германии книжку под названием «Восточный блок изнутри».

Отрывки из книжки Вейта публиковались в еженедельнике «Дер Шпигель», а также в шпрингеровском издании «Бильд ам Зонтаг». Книжка получила шумную рекламу. Некоторые круги Федеративной Республики Германии старались использовать публикации Вейта для того, чтобы вызвать трения между Польшей и Германской Демократической Республикой. Особенно акцентировались те фрагменты, которые в соответствии с замыслами авторов этой провокационной кампании можно было интерпретировать как доказательство разногласий, существующих якобы между ПНР и ГДР.

Информаторы аферы Вейта старались создать вокруг его книги шумиху. Чтобы усилить пропагандистский эффект, они распускали различные слухи, сфабриковали несколько захватывающих историй о том, как Вейт все эти годы заботливо собирал документы и вел записи, как

этот материал при помощи преданных ему людей он тайком пересылал в Вену, какую ловкость и находчивость он проявил в своей опасной деятельности. Вопреки ожиданиям авторов эти рассказы обернулись против Вейта, скомпрометировали его. К нему обращались со следующими вопросами:

«Господин Вейт, вы говорите, что в Польше были переводчиком, но действовали вы в соответствии с классическими методами сотрудника секретных служб. Какой разведке вы служили, какой стране?»

Вейт не отвечал и наверняка не ответит на эти вопросы, если только не напишет когда-нибудь новых воспоминаний.

Но поскольку он вряд ли это сделает, я могу здесь рассказать о некоторых фактах. Выехав из Польши, Вейт не случайно задержался в Вене. Он там не был одинок и предоставлен самому себе. В столице Австрии он был тепло встречен несколькими своими друзьями. Без всяких трудностей он нашел дорогу к Шимону Визенталю и его центру документации. У меня есть все основания утверждать, что некоторые из записей, относящихся к переговорам между делегациями ПНР и ГДР, Вейт передал Визенталю еще за несколько лет до своего выезда из Польши. Оборотистый шеф центра документации предоставлял эти материалы «Свободной Европе» и каждому, кто готов был заплатить за них. Он известен своей готовностью к сотрудничеству с любой империалистической разведкой.

Шимон Визенталь принимал участие в разных мероприятиях, направленных против Польши в рамках далеко идущих планов политической диверсии. Он даже бывал их инициатором, особенно после войны на Ближнем Востоке. Приезд Вейта давал хороший повод начать новую атаку. Визенталь уговорил Вейта писать книгу, вместе они набросали ее конспект. Вейту облегчили установление контактов с кругами, которые были заинтересованы в быстром появлении на книжном рынке такого издания. Визенталь вспомнил, конечно, и о своих хороших знакомых из «Свободной Европы», а также и о друзьях, занимавших довольно высокое положение, которые никогда не отказывались принять участие в каком-либо мероприятии, направленном против Польши, поляков и социализма.

Бейт пользовался материалами, собранными на радиостанции «Свободная Европа», и получал там консультации по поводу многих фрагментов своей книжки. Его приезды на радиостанцию и само пребывание в Мюнхене пытались окружить строгой тайной. Ничего из этой конспирации не вышло. Винават в этом был Новак, но это уже другая история.

Вспоминая о ряде персонажей «новой эмиграции», прошедших через польскую секцию, я не могу не остановиться на довольно характерной истории некоего Давида Крыштала.

Давид Крыштал появился на радиостанции весной 1970 года, его вызвали из Израиля. На протяжении месяца он считался таинственной личностью, выделявшейся тем, что им занимался или сам Новак, или люди из его ближайшего окружения. Он записывал какую-то передачу, как говорили, сенсационную.

Затем тайное начало становится явным, и я узнал, что темой передачи должны быть воспоминания Давида Крыштала о пребывании в различных тюрьмах в Советском Союзе и Польше. Если бы кто-нибудь сложил месяцы и годы, якобы проведенные им под арестом и в тюрьмах, то оказалось бы, что их сумма превышает возраст Крыштала, но эта мелочь как-то никого не заинтересовала. Важным было то, что он рассказывал.

У Новака появилось замечательное поле деятельности. В его руках Давид Крыштал, оказавшись человеком мягким, легко поддавался редакционной обработке. Нужно было рассказать о преследованиях, которым Крыштал подвергался в Советском Союзе, как поляк, — он без колебаний рассказывал; нужно было добавить, что причиной этих преследований была религия, — и Крыштал немедленно сменял пластинку и сыпал «фактами». Он сразу вспоминал, как сидел за то, что выполнял требования талмуда, а в камере вместе с ним находились три раввина, два епископа, несколько иезуитов, а также молодые старообрядцы. В его рассказе трогательно выглядела сцена совместных молитв христианских епископов с раввинами, к которым присоединялись даже охранники, стоявшие за дверями.

Крыштал болтал и болтал, техники едва успевали мотать ленту в магнитофонах. Так была создана одна из самых длинных в истории польской секции серия пере-

дач, годившихся для любого случая. В основном они носили резко антисоветский характер, а что касается Польши, то из них следовало, что если человек благороден, добр и отважен, то в нашей стране он лишь случайно может избежать тюрьмы. Все польское общество, как утверждал этот «кристальный» человек, состоит из одних преступников, включая судей, прокуроров и тюремную охрану. Если же попадется честный человек, то делается все, чтобы как можно скорее посадить его за решетку.

Когда Давид Крыштал находился в Мюнхене, «Свободная Европа» оплачивала ему номер в хорошем отеле, платила по 30 марок в день и заботилась о его развлечениях, не всегда культурных. За свои труды Крыштал получил гонорар, выражавшийся четырехзначной цифрой.

В секции Новака думали над тем; когда и как использовать этот материал. Передать ли его немедленно или же сохранить про запас в арсенале «Свободной Европы»? Было решено, что радиостанция достигнет наибольшего успеха в том случае, если антисоветский бред Давида Крыштала будет передан в тот день, когда начнется визит польской партийно-правительственной делегации в Москву. Ведь подрыв польско-советской дружбы является одной из главных целей деятельности станции. Она испытывает постоянные трудности, пытается найти новые, еще не использованные темы из этой области. Мелешко-Каневич, главный специалист польской секции по оплевыванию отношений Польши с Советским Союзом, очень часто, иногда дважды в неделю, ходит в родственную организацию — на радиостанцию «Свобода» за материалами.

Обстановка в «Свободе» еще хуже, чем в «Свободной Европе». В здании на Энглишер Гартен американцы время от времени пытаются говорить с поляками, чехами, словаками, а иногда и венграми по-человечески. Они ссылаются на общие традиции борьбы за независимость, на антигитлеровскую коалицию и стараются подчеркнуть, что только предоставляют материальные средства, а каждый коллектив пользуется «политической автономией». На этой струнке часто играет Новак, отлично понимающий подлинные намерения своего начальства. Камуфляж необходим для того, чтобы сотрудник «Свободной Европы» не чувствовал себя в положении негров, о которых рассказывается в книге Бичер Стоу «Хижина дяди Тома».

На станции «Свобода» американцы не нуждаются в такой дипломатии. Большинство сотрудников этой радиостанции — бывшие власовцы и другие коллаборационисты. Есть там несколько человек, родившихся уже в эмиграции, но у большинства — темное прошлое, а некоторые из них принимали участие в гитлеровских злодеяниях и фигурируют в списках разыскиваемых преступников. Только благодаря американцам им удалось избежать суда.

В польской секции «Свободная Европа» можно наблюдать такую картину: кто-нибудь обращается к одному из редакторов и говорит:

— Мне нужны материалы о сельском хозяйстве и положении крестьян в Польше.

В ответ он услышит:

— Этим вопросом у нас занимается Михал Лясота.

«Эксперт» Хтюк, он же Лясота, гонимый жаждой заработка, сразу же коснется сущности вопроса.

— Сколько страниц вы желаете? — спросит он без колебания. — К какому числу должен быть подготовлен текст?

К назначенному сроку материал наверняка будет готов. Содержание его может быть самым разным — в зависимости от пожеланий заказчика. Лясота может написать, что сельское хозяйство в Польше находится в лучшем положении по сравнению с другими социалистическими странами, но так же легко, не испытывая ни малейших угрызений совести, он может доказывать, что такой нужды, какая царит в польской деревне, нет ни в одной другой стране. Легкость, с какой даются диаметрально противоположные оценки одного и того же явления, присуща не только Лясоте, но и другим редакторам станции, но он, известный отсутствием каких бы то ни было убеждений и постоянной погоней за легким заработком, в этом отношении занимает одно из первых мест.

На радио «Свобода» нет даже и такой свободы. По всем без исключения вопросам решение принимают американцы.

В руководстве CIA, конечно, согласовывается план сотрудничества между «Свободной Европой» и «Свободой»; по общим и программным вопросам такое взаимодействие в самом деле имеет место. На практике, однако, американцы из CIA, направленные на работу в «Сво-

бодную Европу» и «Свободу», относятся друг к другу как конкуренты. В такой обстановке Новак мог ликовать и надеяться обрадовать своих шефов, когда ему удавалось раздобыть оригинальный, по его мнению, антисоветский материал. Именно так он вел себя, получив «воспоминания» Давида Крыштала, за которые были заплачены большие деньги. Подготовленная бомба должна была вот-вот взорваться, когда вдруг в одной из вроцлавских газет появилась статья о шайке аферистов. Среди других фамилий фигурировал также Давид Крыштал, который, выдавая себя за сотрудника жилищного отдела, брал взятки, обещая взамен квартиры.

Энтузиазм Новака несколько утих. Речь шла именно о знакомом ему Давиде Крыштале, который, прежде чем стать «новым эмигрантом», жил именно во Вроцлаве. На всякий случай Новак строго допросил его, и Крыштал «раскололся». Правда, он пытался вывертываться, говоря, что речь шла вовсе не о взятках, а о более благородных делах, что он действительно во имя победы добра над злом старался помогать людям и вступил в контакт с посольством одной западной страны. Органы безопасности, не имея возможности справиться с ним иначе, придумали историю о взятках, что, конечно, ложь... В конце концов, рассудив, что деньги уже получены, он махнул рукой и, оскорбленный в своих лучших чувствах, отправился в Израиль.

На этот раз Новаку пришлось поверить вроцлавской газете. Пытаясь как-то сгладить впечатление от этой нечистой истории с кристалльным Давидом, в которую он вложил столько денег и собственного авторитета, он сразу же выдвинул новую теорию.

— Конечно, вся эта история могла обойтись дешевле, не спорю, — оправдывался он, — зато мы убедились, что у «беспеки» на нашей радиостанции нет своего человека. Если бы был, то они не позволили бы опубликовать во Вроцлаве статью о пане Крыштале. Подождали бы, пока наши передачи пойдут в эфир, и только тогда подняли бы шум...

Новак хотел не только сгладить неприятное впечатление, произведенное провалом, но также поднять настроение сотрудников, почувствовавших себя после статьи, разоблачающей Давида Крыштала, неудобно, и успокоить их.

Я думаю, что сегодня Новак уже не имеет иллюзий на этот счет и лучше понимает, почему вроцлавская газета так перечеркнула его планы в самый неожиданный момент.

За два или три года до этого на одном из утренних совещаний польской группы Новак с торжествующей улыбкой прочитал статью о «Свободной Европе», опубликованную в одной из варшавских газет. В этой статье среди других упоминалась также фамилия одного бывшего сотрудника мюнхенской радиостанции, скончавшегося несколько лет тому назад.

— Теперь, уважаемые дамы и господа, — сказал Новак с иронией в голосе, — вы видите, какими сведениями о нас располагает «беспека»...

Я сидел тогда рядом с ним и, подавив улыбку, думал о том, как позабавятся мои товарищи в Центре, когда ознакомятся с этим его выступлением.

Таких случаев было много.

Возвращаясь к передаче с Крышталом, скажу, что если бы готовил ее кто-нибудь другой, то Новак наверняка отнесся бы к этому случаю иначе. Он пожелал бы, как всегда, выступить в роли провидца, который уже с самого начала знал о возможности компрометации сотрудника, но великодушно не хотел сковывать его инициативы. Мне известны многочисленные случаи, когда, не моргнув глазом и не испытывая никаких угрызений совести, он менял свою точку зрения, несколько не интересуясь тем, что скажут на это подчиненные.

Как-то, например, Новак пытался дать прогноз относительно результатов предстоящих выборов в бундестаг и возможности переговоров между Бонном и Варшавой, посвященных нормализации их взаимоотношений.

Обычно Новак избегает (вероятно, не только по своей инициативе) публичного выражения своих симпатий или антипатий в отношении ведущих западногерманских политиков. В этом отношении он изменяет себе только в одном случае: когда на различных собраниях и манифестациях раздаются горячие приветствия реваншистов в адрес Франца Йозефа Штрауса. У меня сложилось впечатление, что Новаку в ФРГ импонируют только две личности: Штраус и Шпрингер, известный газетный король.

В 1969 году, накануне выборов в бундестаг, Новак предсказывал победу коалиции ХДС/ХСС и очень на-

деялся на это. Люциан Пежановский, всячески старавшийся угодить Новаку, безоговорочно поддерживал точку зрения директора, говоря, что после победы Штрауса Советскому Союзу придется признать западногерманские претензии на территорию ГДР и западные и северные польские земли. Дальновидный Новак выслушивал эти излияния, шурился, гладил лысину и повторял:

— Не исключено, не исключено...

И вот все надежды Новака пошли насмарку. В результате выборов к власти в ФРГ пришла коалиция СДПГ/СвДП. Штраусу не досталось канцлерское кресло, о котором он мечтал, его программа не получила поддержки большинства.

На одной из первых конференций, состоявшихся после этого, безусловно, значительного политического события, Новак без тени смущения заявил:

— Наши прогнозы в отношении выборов в бундестаг оказались правильными. Неизвестно, как долго продержится это коалиционное правительство и что нового внесет оно во внешнюю и внутреннюю политику. Я считаю, однако, что в нашем положении никаких изменений не произойдет...

И снова он говорил вздор. Вопреки его предположениям начался первый тур переговоров между ПНР и ФРГ. Уже сам факт, что такой диалог был начат, вызвал растущее беспокойство в польской секции станции. Перепуганный Новак бегал к американцам и вел там какие-то секретные переговоры. Делать какие-либо официальные заявления о новой политике Бонна он уже не пытался. Между тем дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь не приносил якобы достоверные сообщения о позиции, занятой канцлером Брандтом по вопросу о дальнейшем пребывании «Свободной Европы» на территории Федеративной Республики Германии. Не без страха говорили, что канцлер требует якобы от американцев ликвидации радиостанции или перенесения ее за пределы государственных границ ФРГ. Ходили бесчисленные слухи о новом месте ее размещения.

— Нас переведут в Турцию, причем не в Стамбул, а в степь, недалеко от Анкары, — распространился однажды слух.

Всех охватила паника, потому что уже сама мысль о замене Мюнхена, большого города со всеми удобствами,

на азиатскую степь, по которой гуляет ветер и ползают скорпионы, пугала даже самых храбрых.

На следующий день пронесился новый слух:

— Вовсе не в Турцию, а на корабль. Американцы уже ведут переговоры с одним судовладельцем о покупке большого пассажирского теплохода. Они посадят всю радиостанцию на корабль, и мы будем плавать по Средиземному морю.

— Не по Средиземному, а по Северному, — поправлял кто-то, якобы располагающий более достоверными сведениями. — Летом еще куда ни шло, но осенью и зимой...

Не успевали еще сотрудники станции освоиться с мыслью о штормах и ураганах, как поступало новое сообщение:

— Никакого корабля, это чушь! Испания или Португалия.

Те, кто знал эти страны по проведенным там отпускам или купленным там земельным участкам, ходили счастливые. Они уже рисовали в своем воображении, как устроят жизнь в новых условиях, уже подсчитывали, сколько долларов можно будет сэкономить каждый месяц, поскольку по сравнению с ФРГ расходы на жизнь в Испании или Португалии действительно были значительно ниже.

Но радость продолжалась недолго, потому что через несколько дней кто-то снова заявлял:

— Все эти разговоры об Испании — чушь! Нас все-таки посылают в Турцию...

И все начиналось сначала, запускалась та же самая пластинка, и сопровождали ее все более пессимистические комментарии.

Такое настроение царило на протяжении всего времени переговоров между Варшавой и Бонном. Никого не интересовало содержание этих переговоров, сущность расхождений во мнениях, позиции обеих сторон. Был только страх, что переговоры могут закончиться успехом, будет достигнуто какое-то соглашение, а что тогда?

Только Новак, оправившийся от первого испуга, проявлял к этим переговорам определенный интерес. Он быстро понял, сколько может потерять, если переговоры закончатся успешно, и начал кампанию подкупа западногерманских журналистов, для чего откуда-то получил допол-

нительные фонды. В этом направлении, как я уже упоминал, он действовал и ранее, но значительно усилил свою активность, узнав, что во время переговоров между министрами иностранных дел Польши и ФРГ был затронут также и вопрос о «Свободной Европе». Ему стало не хватать Пампху-Броньской, Осадчука, Шульцингера и Рейха-Раницкого, он начал искать союзников из числа «новых эмигрантов». Из этих кругов он привлек на свою сторону, среди прочих, Дрожжинского и Карста. Суммы по несколько тысяч марок легко переходили из рук в руки. За эти деньги Новак хотел добиться одного, чтобы западная, и особенно западногерманская пресса обходила молчанием вопросы, связанные со «Свободной Европой». Ему было важно скрыть от читателей, что ее существование затрудняет нормализацию отношений между Польшей и ФРГ и что Варшава требует от Бонна ликвидации этой диверсионной радиостанции, деятельность которой противоречит как духу, так и букве документов, определяющих отношения между обоими государствами.

Наряду с этими мероприятиями, безусловно, имеющими большое значение для «Свободной Европы», оказавшейся объектом критики со стороны общественного мнения, Новак усилил также внутреннюю цензуру в польской секции. Хотя передачи по-прежнему сохраняли антипольский пропагандистский характер (мюнхенская ячейка СИА никогда не имела и не имеет намерения ввести какие-либо изменения в этом отношении), тон выступлений перед микрофоном как бы несколько смягчился. О тех же самых вопросах говорили, более тщательно подбирая слова, стараясь избегать резких выпадов. То же содержание подавалось в новой форме.

КОЕ-ЧТО О ЛИЧНЫХ ДЕЛАХ

Взяться за написание этого раздела мне было очень нелегко. Когда-то, еще в средней школе, я прочитал «Исповедь» Жан-Жака Руссо, но под влиянием прочитанного я почувствовал отвращение к публичному показу своей жизни, к рассказам о наиболее личных, даже интимных ее сторонах. Мой товарищ, с которым мы часами раздумывали, чем закончить книгу о длинном и нелегком периоде моей жизни за пределами родины, прочитав первые главы, сказал:

— Знаешь, читать эту книгу, пожалуй, можно, но чего-то в ней еще не хватает. Читатель не поверит, что твоя жизнь была сплошной полосой рискованных приключений, что ты был занят только вопросами «Свободной Европы» и, кроме основных своих дел, связанных с выполнением заданий Центра, не думал ни о чем другом и ничего другого не делал. Ведь семь лет — срок немалый.

— Эта сторона моей жизни имеет второстепенное значение, — пытался возразить я. — Она лишь в малой степени связана с кругом основных проблем, о которых я хотел рассказать...

Товарищ не дал мне закончить.

— Когда обсуждалось порученное тебе задание, — напомнил он, — то было решено, что твое поведение будет определяться принципом: «С волками жить — по волчьему выть». Речь шла не только о политических, так сказать, декларациях, но также и об образе жизни в новой среде, о приспособлении к царящим там обычаям, о вхождении в роль человека с той стороны баррикады. Хорошо, если бы ты добавил что-нибудь на эту тему, дал бы более полную картину мирка, в котором провел столько лет и был, сам того не желая, его составной частью.

Читатели сами решат, был ли прав мой товарищ. Я не привел бы этот разговор, если бы был совершенно уверен, что мои личные дела действительно должны стать составной частью моих воспоминаний. Слова моего товарища объясняют, почему, несмотря на все нежелание рассказывать о своей личной жизни, я в конце концов делаю это.

Когда я начал работать в «Свободной Европе» и получил первое жалование, то оказалось, что я располагаю значительной суммой. Никогда ранее у меня не было столько денег, сколько я зарабатывал в Мюнхене.

Довоенного времени я не помню. Только как в тумане вижу я небольшой особняк моих родителей на Вилепцине. У подъезда были зеленые колонны, а за окном комнаты, где стоял мой конь-качалка, я однажды увидел на заснеженном кусте какую-то ярко окрашенную птицу. Наверное, странно, что в памяти четко запечатлелись такие подробности, а все остальное стало каким-то неуловимо отдаленным фоном. Скорее всего, это был снегирь, ибо сочетание его алого оперения с белизной снега и раскачиваемой холодным ветром черной веточкой показа-

лось мне таким волшебным прекрасным, что много лет спустя, уже в начальной школе, получив на уроке польского языка задание написать сочинение на тему «Твое самое сильное переживание», я разорвал тетрадь, будучи не в состоянии обычными словами выразить то, что чувствовал, когда ребенком сидел в теплой комнате и не мог оторвать глаз от маленькой птички, подвижной капли пурпура в поседевшем от инея парке.

В Казахстане наша жизнь проходила в напряженном труде, мы отказывали себе во всем ради нужд фронта. В колхозе, где работала мать, в то время было очень тяжело. О деньгах тогда не было и речи. Нам выдавали только муку, овощи и дрова.

В Университете я получал стипендию. Каждый день выплаты стипендии становился днем, когда я скрывался от кредиторов и ловил своих должников. Если в результате двух этих операций мне удавалось сохранить больше денег, чем это было необходимо для того, чтобы заплатить за столовую, то мы шли все вместе в какой-нибудь третьеразрядный ресторанчик, чтобы под дешевую закуску выпить по рюмочке чего-нибудь покрепче. В то время это считалось проявлением зрелости и студенческого шика. Если бы не возможность подработать в нашем студенческом производственном кооперативе и помощь, получаемая от родителей, то жил бы я весьма скромно. Но я не горевал, потому что был в таком же положении, как и другие обитатели студенческого общежития. Мало было таких, кто, проживая вместе с родителями, мог похвастать наличием денег и модной одежды. Хотя иногда и донимал голод, а желудок бунтовал против студенческих харчей, не помню, чтобы я когда-нибудь жаловался.

Начав работать в МВД, я стал зарабатывать в сравнении со своей студенческой стипендией довольно много. Но я должен был выехать за границу в роли студента и поэтому не мог и виду подать, что располагаю более крупными суммами, чем средний учащийся высшей школы. Я собирался поехать в Великобританию и должен был купить себе кое-что из одежды и обуви, чтобы прилично выглядеть среди островитян. Словом, располагая немалыми деньгами, я в то же время практически не имел их.

В Мюнхене за квартиру я не платил. Обедал я в буфете, завтраки и ужины готовил себе сам, так что рас-

ходы мои были сравнительно невелики. Впервые в жизни передо мной встал вопрос, что делать с остающимися деньгами. Не желая отличаться от других, я должен был экономить, но мне было трудно так сразу перестроиться и заставить себя подражать своим новым коллегам.

Эта атмосфера всеобщей скудости, зависти, алчности, споров за каждую марку и непрестанных денежных комбинаций поразила меня, хотя я и был к ней подготовлен. В центре внимания персонала радиостанции находятся финансовые вопросы, на эту тему ведется большинство разговоров, дискуссий и даже острых споров. Высокие по масштабам ФРГ, очень высокие по сравнению со средними доходами поляка, занятого на британском, западногерманском или даже американском предприятии, заработки должны обеспечивать верность сотрудников щедрой фирме, действующей под вывеской радио «Свободная Европа». Этот принцип лег в основу положений, которые должны были составить фундамент «Свободной Европы». Этот принцип оказывает также большое влияние на отношения, существующие между «Свободной Европой» и эмиграцией.

Этим очень ловко пользуется Новак. Он знает, что находящийся в эмиграции писатель никогда не выскажется о «Свободной Европе» откровенно, потому что его благосостояние часто зависит от того, закупит ли она тысячи экземпляров книги этого писателя, чтобы раздать их — не обязательно с помощью штатных сотрудников радиостанции — приезжим из Польши. Гемар, например, за сатирические стихи мог бы получить в эмигрантской прессе десять, двадцать, максимум пятьдесят долларов, у Новака же он получал пятьсот, а это уже не пустяковая разница. Так обстояло и по-прежнему обстоит дело со многими авторами литературных произведений, причем не только тех, которые «Свободная Европа» намерена использовать в своих передачах. Новак может себе позволить закупить те произведения, которые позже появятся в американских, западногерманских, британских или итальянских журналах. Платят, на первый взгляд, редакции этих журналов, но фактически существенную добавку к гонорару делает Новак, конечно, не из собственного кармана и не рассчитывая на то, что станция сможет использовать эти материалы немедленно.

Раз уж я затронул сугубо личные вопросы, следует

отметить, что во время работы в «Свободной Европе» я подвергся суровому испытанию, связанному с отношением к деньгам. Люди моего поколения, детство которых прошло в годы войны, думают, что мужчина проходит настоящую проверку только в боях, в борьбе с врагом. У меня такой возможности не было. Не участвовал я и в послевоенном строительстве новой Польши, когда молодежь отправлялась в те районы, где в упорном труде поднимались первые крупные стройки социализма. Бросая булыжники на площади Нарutowича, я наивно полагал, что прохожу такую проверку. Но это были не те масштабы, о которых я мечтал. В сущности, проверка для меня началась только в Мюнхене, когда я стал получать сотни марок из кассы «Свободной Европы», когда меня окружала атмосфера культа денег, высоких доходов, банковских счетов и всего того, что доступно каждому, кто отправляется в мир ночных клубов с набитым бумажником. Этот климат воздействует на воображение людей, ломает характеры, развращает и часто толкает на безответственные поступки и даже преступления. Я познакомился с такими сбившимися с правильного пути людьми, читал о них в западногерманской прессе. Получая деньги на станции, тратя их разумно или глупо, я все время думал о том, чтобы эти марки или доллары не стали для меня важнее других дел.

Я не последовал примеру моих «коллег», хотя, как и все они, открыл счет в банке. Я купил несколько костюмов на разные случаи, но даже и здесь я не мог перейти определенных границ, чтобы не вызвать зависти у других. Почти все служащие станции ведут скромный образ жизни. Это является следствием определенного отношения к деньгам: имею, но не трачу. Радость дает сам подсчет растущих сбережений. Не то чтобы я мечтал об автомобиле, но какую-нибудь автомашину купить я собирался. Ведь она облегчает контакты, дает возможность более интересно проводить нерабочие дни.

Первую машину — «Рено-8», голубой лимузин — я купил только в 1968 году. До этого я должен был получить водительские права. Правда, проходя подготовку в МВД, я научился водить машину и сдал экзамен. Уезжая из Польши, прав на вождение автомобиля я с собой не взял. В Центре решили, что поскольку я должен выехать как студент, то права, не будучи чем-то особенно подозри-

тельными, могут все же породить дополнительные сомнения в том, не слишком ли долго и старательно готовился я к тому, чтобы покинуть Польшу. Поэтому я записался в Мюнхене в автошколу. Цена за курс составляла около 600 марок. Сначала сдается теоретический экзамен. Необходимо ответить на 25 вопросов, составляющих нечто вроде анкеты-теста. Позже начинаются практические занятия. Прежде чем его допускают к заключительному экзамену, кандидат должен наездить в учебной машине по крайней мере двадцать часов, а каждый такой час стоит четырнадцать марок. На экзамене по практике самым трудным было поставить машину на стоянку задним ходом. Именно здесь чаще всего проваливались сдающие, поэтому во время учебной езды этот маневр мы отрабатывали десятки раз.

Купив машину, я ездил много. Первые сорок тысяч километров я преодолел менее чем за полтора года. Географическое положение Мюнхена позволяет устраивать короткие экскурсии в конце недели. По субботам в польской секции, как правило, не работают. Остаются только дежурные редакторы. Иногда я «отрабатывал» свои часы, но по субботам во второй половине дня обычно на радиостанции было слишком много народу, и я не мог рисковать, занимаясь своими делами. Я предпочитал задерживаться на радиостанции по другим дням.

От столицы Баварии рукой подать до Австрии, недалеко и до Швейцарии. С первых дней весны и до поздней осени каждую неделю я садился за руль и отправлялся в путь. Я выезжал в пятницу во второй половине дня, а возвращался поздно вечером в воскресенье. Я нашел несколько замечательных мест, где было тихо и спокойно, я очень ценил такой отдых после утомительной работы. В Австрии, недалеко от Зальцбурга, я нашел текущий в глубоком ущелье ручей, изобиловавший форелью. Нередко я возвращался оттуда с десятком замечательных рыб. Недалеко от Мюнхена, у дороги, ведущей в Аугсбург, был лес, полный грибов: рыжиков, белых и маслят. Я привозил их большими корзинами, а затем мариновал, тушил в масле, жарил на сковороде. Это было замечательное угощение для гостей.

Больше всего километров набиралось на счетчике моей машины во время отпусков. Три раза отправлялся я в своем голубом «рено» в далекие путешествия. Первое

из них я предпринял, когда вместе с Бетти поехал в отпуск в Испанию.

С Бетти я познакомился осенью 1968 года. Как-то вечером, утомленный шатанием по Швабингу, я зашел в один мрачный ресторанчик выпить пива. Усаживаясь у бара, я заметил на одном из столиков дамскую сумку. Из осторожности я уселся подальше. Бывали случаи, когда хозяйка такой оставленной сумки возвращалась со своим партнером после окончания танца и поднимала шум, заявляя, что из ее сумки кто-то украл несколько сотен марок. Появлялась полиция, начиналось следствие, протоколы... Иногда ни в чем не повинный мужчина, случайно оказавшийся замешанным в такой инцидент, доставал бумажник и выкладывал требуемую сумму только для того, чтобы избежать скандала, о котором могло стать известно жене, полагавшей, что ее муж в это время должен находиться на важном совещании. Я такого шантажа не боялся. Работники бюро безопасности станции по своим каналам быстро улаживали с полицией любой скандал, связанный с сотрудниками «Свободной Европы». Но на всякий случай я предпочитал избегать такого хода событий.

Когда оркестр замолк, к столу вернулась хозяйка сумочки. Оказалось, что она одна. Потом отказала ее зажигалка, а у меня в кармане были спички. Через несколько минут я пригласил ее на танец. Вернувшись, мы уселись рядом. Еще три танца, два стакана — и, как старые друзья, мы вышли в осеннюю ночь. Спустя несколько дней девушка, не производившая впечатления специально подосланной, стала навещать меня в моей квартире.

Бетти по сравнению с моими прежними знакомыми — Лилло и Гизелой — оказалась интересным открытием. Ее родители были швейцарцами, а родилась и выросла она в Южной Америке. Воспитание в атмосфере иной культуры дало ей чувство юмора и стерло налет расчетливой бесстрастности. Бетти отличалась от своих ровесниц, которые более или менее длительное время считались моими подругами, ее присутствие создавало атмосферу сердечности и близости. Она была бескорыстной, умела радоваться, ей была свойственна любовь к жизни.

Коротко расскажу, как я проводил свой отпуск в то время, когда работал на станции.

Первый отпуск сотруднику радиостанции дается на 18 рабочих дней. Тот, кто хочет продлить его на несколько дней, должен брать различные дежурства и выполнять задания своих начальников в нерабочее время. Заранее не известно, когда такие задания будут даны. Так, сообщение о предстоящем пленарном заседании Центрального Комитета ПОРП могло вызвать распоряжение о введении дополнительных дежурств, а когда имели место исключительные события, такие, как мартовские беспорядки или события в ЧССР, в польской секции объявлялась всеобщая мобилизация. Если уж я упомянул о мобилизации, то добавлю, что «Свободная Европа» имеет также свои планы на случай вооруженного конфликта. Сотрудники станции, выехавшие из социалистических стран, живут в постоянном страхе перед неожиданным воздушным десантом стран Варшавского Договора, которые, как здесь считают, будут проводить такие же операции, какие американцы организуют в Азии. В ходе молниеносного рейда они якобы полностью уничтожат радиостанцию, захватят ее архивы, схватят тех из сотрудников, которые попадутся им под руку, и, прежде чем кто-либо успеет прореагировать, вернуться на свои базы. Эти тревожные настроения особенно усилились в 1969 году, когда американцы начали в спешке снимать на микро пленку архивы станции и переправлять кассеты за океан. СИА вынуждена была в то время направить своих сотрудников «в массы», чтобы положить конец наступившей панике. В буфете, за кофе, при разговорах в коридоре они терпеливо разъясняли, что нет никаких оснований для тревоги, ибо недалеко от Мюнхена расположена специальная авиационная часть, на которую возложена задача эвакуации персонала станции в случае военной опасности. Часть сотрудников должна была сразу же полететь за Атлантику, а часть — в Португалию, где находились, как говорили, запасные передатчики «Свободной Европы». И вообще, если опасность третьей мировой войны станет реальной, станция якобы будет эвакуирована в первую очередь. В действительности же, добавлю я от себя, эти планы разработаны далеко не так тщательно, как утверждают.

Наш с Бетти отпуск продолжался три недели. Перед отъездом я сообщил в бюро безопасности о своем маршруте и назвал в качестве конечной точки гостиницу «Ка-

бо» около Аликанте. Этого от меня требовали внутренние правила безопасности. Выбор места в Испании мне помогла сделать Бетти. Недалеко от Аликанте жила ее знакомая, испанская графиня, друг их семьи. Мы навестили эту даму. Она оказалась старушкой немкой, которая еще во времена Вильгельма II вышла замуж за поляка из Познани (насколько помню, фамилия его была Калицкий) и вместе с ним объездила чуть ли не весь мир. Во время этих странствий она познакомилась с испанским графом, чувства которого остались постоянными и тогда, когда она стала вдовой. Как и другие женщины, в прошлом жены или любовницы поляков, она знала несколько польских слов. И, как обычно в таких случаях, это были отнюдь не салонные выражения. Проехать около двух тысяч километров автомашиной, сидеть на террасе виллы, откуда открывается вид на Средиземное море, и слушать, как испанская графиня, не понимая смысла собственных слов, ругается, как последний сапожник по-польски, — такое не забывается.

Мы весело проводили время в Испании. Бетти оказалась отличной спутницей. Я прекрасно чувствовал себя с ней. Именно поэтому это был наш первый и последний отпуск, проведенный вместе. Заметив, что я сильно привязался к Бетти и все тяжелее переношу ее отсутствие, я решил расстаться с ней. Принять такое решение, откровенно говоря, было нелегким делом, а что хуже всего, Бетти не давала мне никаких оснований, чтобы я мог рассердиться и сказать с раздражением: «Пора кончать, дорогая...»

Она не устраивала сцен ревности, когда я демонстративно начинал интересоваться другими девушками. Ко всем моим выходкам она относилась с таким терпением, что именно ее терпеливость стала предлогом нашего последнего разговора. Мы расстались официально и окончательно. Правда, мы встречались до самых последних дней моего пребывания в Мюнхене, но уже только как друзья, избегая близких отношений и проявляя друг к другу умеренный интерес. Прежние чувства ушли безвозвратно. У меня нет никаких оснований считать, что Бетти была как-то связана с американской или западно-германской контрразведкой. Дело заключалось в другом. Мне пришлось поступить так, чтобы всегда и везде предполагать свободой действий. Привязанность к другому

человеку, естественное тепло чувств с течением времени становятся слишком всеохватывающими, связывающими, могут отвлекать внимание от важных дел и помешать, как в моем случае, выполнению поставленных заданий. Может быть, мой подход к этим человеческим в полном смысле этого слова вопросам чересчур суров, но еще в Варшаве, когда я проходил подготовку, мне объяснили, почему каждый сотрудник разведки должен подчиняться определенным требованиям и дисциплине. И думать нечего было о том, чтобы вдали от Центра самовольно изменять эти законы или пренебрегать ими.

Свой следующий отпуск в Испании и Португалии я провел с Гердой, девицей мещанского склада, очень любившей порядок и чистоту. Она заботилась о моей квартире, гладила брюки, готовила. Рассчитывала на то, что я женюсь на ней, хотя и не любила поляков, а я в ее глазах был исключением. Она была слишком высокого мнения о своем умении вести себя в изысканном обществе. Черт дернул меня предложить ей провести отпуск вместе. Конечно же, она согласилась без колебаний.

Наш маршрут проходил вдоль Атлантического побережья Франции. Первый скандал произошел в деревне, а точнее, в поселке недалеко от испанской границы. Герда возмущалась тем, что я постоянно стремился в рыбацкие ресторанчики. Эти ресторанчики славятся замечательной кухней и посетителями, которых в обычных условиях можно встретить только в фильмах о пиратах. Блюда из свежей рыбы, морских раков и крабов, подаваемые там, — это настоящая поэма, а вина не уступают напиткам в самых дорогих ресторанах Парижа. Правда, там не благоухают розы, нет блеска зеркал и хрусталя, не увидишь там и обвешанных бриллиантами дам, но именно на этом и основывается очарование маленьких ресторанчиков. Герда придерживалась, однако, другого мнения. Она раскричалась:

— Я не собираюсь сидеть вместе с таким сбродом. Разве ты не слышишь, как чавкают эти оборванцы? Вонь лука, оливкового масла и чеснока прикончит меня! Ты делаешь это мне назло...

Когда я пытался убедить Герду, что она преувеличивает, то она грубо заявила:

— Сразу видно, что ты поляк!

Моя реакция была бурной. Она успокоилась, но не надолго. Мы остановились в живописной португальской деревне на Атлантическом побережье недалеко от Лиссабона. Сильный ветер и высокие волны не позволяли поплавать в океане. Но как хорошо, однако, было прыгать по камням, о которые разбивались волны, взлетающие высокими фонтанами. Рядом отправлялись на лов рыбаки на своих тяжелых лодках, напоминающих венецианские гондолы. На берегу их возвращения ждали одетые в черное жены и дочери. Восхитительной была эта картина грозной природы, безбрежность освещенной ярким солнцем воды, дикий пляж с почти белым песком, перемешанным с остатками панцирей крабов. Я мог бы часами любоваться суровой красотой берега Атлантики, но Герда была недовольна.

— Столько километров мы мучались в автомашине, а в этой глухой дыре нельзя даже искупаться в море, а жить приходится в убогой гостинице, где нет ванны и теплой воды. Надо было, как это делают все культурные люди, полететь самолетом на Майорку, а не сидеть здесь среди португальских вонючек...

Я не выдержал и сделал ей резкое замечание. Еще немного, и я отправил бы ее самолетом из Лиссабона в Мюнхен, чтобы она не испортила мне отпуск окончательно. Она расплакалась и стала просить у меня прощения. Меня раздражали ее униженность, раболепие. Если бы не возможность наслаждаться видами португальского и испанского побережий, представляющаяся не так уж часто, то весь мой отпуск можно было бы считать неудачным. Нет необходимости добавлять, что с Гердой я вскоре прекратил все отношения.

Свой третий продолжительный отпуск (последний, которым я воспользовался как сотрудник «Свободной Европы») я провел в ином обществе. В мюнхенском университете я познакомился с Богданом, выросшим в Соединенных Штатах, украинцем, гражданином США. Богдан заканчивал медицинский факультет. Когда он сдал все экзамены, мы вдвоем отправились в Италию, где проехали вдоль всего «сапога» и переправились на Сицилию. Мы решили провести отпуск с минимальными расходами, попробовать, как говорил Богдан, «солдатской жизни», а поэтому захватили с собой спальные мешки, походный примус и большую сковороду.

Италия по сравнению с Испанией или Португалией страна более дорогая для туристов, лучше приспособленная для того, чтобы драть с них деньги всюду, где имеются достопримечательности. Мы этого не чувствовали, потому что готовили пищу сами и жили немного по-цыгански. На рынке мы покупали оливковое масло, кусок мяса или рыбу, а у детей, стоящих вдоль дорог, — грибы и фрукты. На берегу моря, вдали от модных, заполненных отдыхающими пляжей, мы устраивали бивак. Мясо и грибы отправлялись на сковородку, и вскоре наша пища была готова. Время от времени мы приобщались к цивилизации и за плату посещали древние достопримечательности, обозначенные в путеводителях наибольшим числом звездочек.

Мне запомнилась встреча с группой поляков на польском военном кладбище под Монте Кассино. Перед воротами рядом с несколькими автомашинами с варшавскими, краковскими и силезскими номерными знаками стоял автобус, которым приехала группа поляков-строителей, работающих в Ливии. Я сразу же понял, кто они, потому что через Polish Research and Analysis Unit приходили материалы об их работе. CIA и «Свободная Европа» были намерены организовать в этом районе какую-нибудь провокацию. Вокруг квартир, где жили польские специалисты, кружили подставленные агенты, которые старались распознать, кто из специалистов «тверд», а кто «мягок». Этих «мягких» — в соответствии с терминологией, применявшейся в рапортах, — старались уговорить «выбрать свободу». Информаторы регистрировали также те трудности, с которыми сталкивались польские специалисты, для использования в целях пропаганды в передачах «Свободной Европы». Мюнхенская радиостанция представляла в искаженном свете возможности Польши по оказанию помощи странам третьего мира.

Встреча с земляками, всегда приятная для человека, несколько лет пребывающего вдали от родины, в моем случае могла явиться источником дополнительных неприятностей. По понятным причинам я стремился избегать их, но тогда, на кладбище победителей в битве под Монте Кассино, это оказалось невозможным. Я что-то сказал Богдану по-польски, и кто-то из туристов — техник-строитель, как потом оказалось, — спросил:

— Вы поляки?

— Я украинец, но на этом кладбище лежит мой отец, который был польским солдатом, — быстро соврал Богдан, увидев, что я не спешу с ответом. Ложь выглядела вполне правдоподобно.

— А где вы живете? — расспрашивал нас поляк из Ливии.

— В Мюнхене, — ответил Богдан, не понимая, что такая откровенность становилась для меня опасной. Мне нравился Богдан, и я хорошо знал его, но не настолько, чтобы решиться, вернувшись на станцию, не писать отчет сотрудникам бюро безопасности о встрече с гражданином ПНР.

Разговор принял весьма щекотливый характер. Поляк хотел узнать у нас, как может устроиться на Западе человек, покинувший свою родину. Правда ли, спрашивал он наивно, что хороший рабочий-строитель уже через год может купить автомашину, а через четыре-пять лет — собственный домик? Если бы я разговаривал с ним с глазу на глаз, то рассказал бы, как обстоит дело в действительности, когда кто-нибудь пытается искать счастья в роли беженца. Я хорошо помнил людей из лагеря в Цирндорфе и из рот охраны, потерпевших крах всех своих жизненных планов. Они тоже бежали из Польши, соблазненные цветными витринами, прельщенные иллюзорной роскошью, испытывая призрачную надежду на легко достижимое благосостояние. Лишь сделав этот безрассудный шаг, когда путь назад уже был отрезан, они испытывали горькое сожаление. Конечно, автомобиль купить можно, их здесь производится достаточно, но для человека, живущего трудом своих рук, он является излишеством, за которое приходится платить годами лишений. Тот, кто может собрать на своем банковском счете значительную сумму, необходимую для того, чтобы сделать первый взнос, может купить и домик, но затем на протяжении двадцати лет он живет в страхе, что что-нибудь произойдет и денег на взносы за дом не хватит, а это автоматически будет означать разорение. Отсюда Запад выглядит иначе, нежели его изображает мюнхенская радиостанция в передачах из серии «Европа за пять долларов». Порядочность требовала, чтобы я рассказал обо всем этом, но рядом стоял Богдан, для которого я был сотрудником «Свободной Европы», учреждения, настойчиво призывающего поляков «выбирать свободу».

Так совершенно случайно я оказался в глупейшем положении. Это было очень трудное испытание для моего разума и логики, одно из самых трудных, с какими мне пришлось столкнуться на Западе. Я не смог бы повторить всего того, что говорил тогда, чувствуя на себе внимательный взгляд Богдана. Я долго описывал условия жизни в итальянских лагерях для беженцев, гораздо более тяжелые, чем в Цирндорфе. В Федеративной Республике не хватает рабочих рук и к беженцам относятся в конечном счете положительно — как к дешевой рабочей силе. Иначе обстоит дело в Италии, откуда ежегодно сотни тысяч людей отправляются в поисках заработка. Контрасты незаметны, когда на эту страну смотрят глазами туриста и видят потоки автомашин на дорогах и роскошные кварталы богачей. Солнце, голубое небо, яркая зелень, переполненные пляжи и беззаботные, на первый взгляд, люди: великолепные мужчины, редко когда трезвые настолько, чтобы могли безнаказанно дыхнуть в пробирку автоинспектора, кокетливые женщины и красивые дети — все это ведет к тому, что даже сицилийская нужда представляется почти карнавалом. Я говорил об этом и упомянул также об одном своем знакомом, хорошем механике, который нашел работу в автомобильной мастерской. Долго он там не выдержал. Помню, как он рассказывал мне: «Старик, если в Польше кто-нибудь наступал мне на мозоль, то я посылаю его к чертям собачьим, не взирая на то, кем он был, потому что знал свои права. А здесь? Каждый хочет и может тебя одурачить».

Человек, который так говорил, отнюдь не был продуктом моего воображения, интенсивно работавшего в поисках соответствующих аргументов, чтобы удержать этого техника-строителя от самого ошибочного шага в его жизни. Я имел в виду Анджея Заморского, с которым Януш Корызма познакомился как-то в Париже и который останавливался у него на квартире во время своего пребывания в Мюнхене. Заморский (он не имел никакого отношения к Казимежу Заморскому, шефу Polish Research and Analysis Unit на станции) в Мюнхен приехал автостопом. Водитель спортивной машины заинтересовался молодым человеком и предложил ему работу и даже квартиру. Вскоре оказалось, однако, что за этой заботой кроются особые мотивы. Изнурительная работа в авторемонтной мастерской (именно там пытались его оду-

рачить) плюс удивительный любовный треугольник — все это несколько превышало возможности Анджея Заморского. В конце концов он сбежал к Коризме. Эта история, раз уж я вспомнил о ней, имела забавное продолжение.

Мы рассказали ее как-то — просто так, от нечего делать, — в буфете за кофе молодому Тышкевичу и Яну Гевелю, который в польской секции занимался легкой музыкой. Это он является автором передач «Свидание в десять минут седьмого». Гевель, работая вместе с Тышкевичем, может быть под его влиянием, а может быть по какой-то другой причине, помешался на аристократизме. Он начал рассказывать, что происходит из древнего рода, основателем которого был Ежи Гевель, богатый гданьский купец, помогавший королю Владиславу IV в строительстве флота, за что получил дворянство, а позже и графский герб. Наивный Янек Гевель, охваченный манией величия, начал писать перед своей фамилией «фон» и подписываться в зависимости от прихоти своей фантазии Haevell, Nevell или Hawell. Он заказал себе перстень с гербом и, идя по стопам Тышкевича, который был родом из настоящих аристократов, старался завязывать знакомства с различными князьями, баронами, графами и другими «фон унд цу», которых было полным-полно в Мюнхене. Время от времени он забавлял нас, рассказывая, у кого был на приеме, кто пригласил его на уикэнд, с кем он играл в теннис... Эти рассказы изобиловали громкими фамилиями, титулами, гербами и названиями имений. Однажды он так увлекся, что приключения Анджея Заморского стал излагать как свои собственные. Загородная вилла превратилась в громадный средневековый замок, имеющий, однако, все современные удобства. В истории были сохранены ревность хозяина дома, который ночью пытался взломать двери в комнате гостя, и осторожные шаги его супруги, которая в замочную скважину шептала, что разъяренный муж выпил полбутылки коньяку и спит как убитый, а следовательно, подвернулся удобный случай... Гевель комически воспроизводил любовные клятвы страдающей от скуки графини и весь ход волнующих событий в гербовой комнате. Мы смеялись до упаду над этими приключениями и над самим Гевелем, который забыл, что именно от нас он услышал эту историю.

Всего этого я, конечно, не рассказал технику-строителю на кладбище. Я старался, однако, повернуть разговор так, чтобы в него включился Богдан. Он также пытался снять позолоту с той картины Запада, которая известна слушателям «Свободной Европы» и, к сожалению, читателям некоторых репортажей, публиковавшихся в варшавских журналах.

Позже, уже в Риме, у меня произошел довольно трудный разговор с Богданом. Он хотел узнать и понять, почему я занял такую двойственную позицию. Я прибег к уже проверенному объяснению.

«Видишь ли, — отвечал я, — моя работа в «Свободной Европе» — это только этап в биографии. Еще немного, и я получу гражданство США. К этому времени я защищу диссертацию по славистике в Мюнхене и, располагая научной степенью, полученной в западногерманском университете, легче смогу начать жизнь в Соединенных Штатах. Мне проще будет найти работу в высшем учебном заведении, в научно-исследовательском институте или даже в какой-нибудь фирме, поддерживающей оживленные связи с Россией, Польшей или другими странами Восточной Европы. Мои шансы как научного работника в США будут выше, если я не слишком восстановлю против себя власти в Варшаве и не отрежу себе полностью путь к непосредственным контактам с Польшей. Получив гражданство Соединенных Штатов и переехав на ту сторону Атлантики, я постараюсь выполнить все формальности, которые требуют польские законы при отказе от гражданства ПНР. Таковы мои планы, и я не хочу, чтобы в Варшаве меня считали непримиримым врагом. Мир тесен, какие у меня могут быть гарантии, что тот, кто расспрашивал нас о жизни на Западе, разговаривал с нами откровенно?»

Это было довольно путаное объяснение — другого в моих условиях я дать не мог. Мне было важно, чтобы Богдан признал мою «правоту», и, кажется, мне удалось его убедить. Во всяком случае, к этому вопросу он уже больше не возвращался.

Я уже говорил, что в Цирндорфе подал просьбу о разрешении иммигрировать в США. Я заранее знал, что в Рейне много грязной воды утечет, прежде чем из этого что-нибудь получится, но тем не менее всю ругался с Лубеньским и другими чиновниками, которые должны

были помогать полякам, желающим выехать в США на постоянное жительство. Судьба польских беженцев их мало интересовала, они были больше озабочены тем, чтобы подбросить «Свободной Европе» информаторов. Мои же усилия, направленные на получение разрешения иммигрировать в США, были частью «легенды», которая должна была облегчить мне проникновение в «Свободную Европу».

Проблема получения гражданства США и переезда за Атлантику стала весьма актуальной в польской секции летом 1967 года, когда международная обстановка в связи с израильской агрессией стала напряженной. Особую активность проявил тогда Знамеровский. Именно он объяснял всем недавно принятым на работу, что и как следует оформить, чтобы получить разрешение на въезд. Обладатель такого документа становился почти гражданином США. Он мог приехать в Соединенные Штаты без визы, мог также быть призван в американскую армию. В соответствии с существующим законом (так называемый Rodino-Bill), каждый иностранец, проработавший в «Свободной Европе» пять лет, мог претендовать на получение гражданства США точно так же, как если бы он прожил эти пять лет в Соединенных Штатах, что, пожалуй, является еще одним доказательством того, как американцы трактуют «независимую» радиостанцию. Все эти юридические правила, в которых я по-прежнему ориентируюсь слабо, досконально изучил Знамеровский. Он подсовывал нам бланки, которые следовало заполнить, следил за тем, чтобы наши заявления были соответствующим образом сформулированы. Он также сказал мне, когда я должен обратиться в PAIRC за анкетами и для прохождения медицинского осмотра.

Я получил огромный вопросник, на который следовало ответить. Никогда еще я не видел документа с такой массой граф. Представляю себе, как бы обрадовались наши сатирики, если бы какое-нибудь учреждение в Польше придумало такую гигантскую анкету. Там были вопросы, касающиеся расы, религии, политических убеждений, а также, что меня позабавило, составители «деликатно» интересовались у дам: занимаетесь ли Вы проституцией, намерены ли Вы продолжать заниматься ею и т. д. К вопроснику следовало добавить подпись, что отвечающий никогда не был коммунистом.

После того как документы были заполнены, мне предстояло еще пройти медицинский осмотр, обязательный для всех, желающих получить гражданство США. В кабинете несколько любопытных медиков рассматривали меня, выслушивали и выстукивали, как коня на ярмарке.

В мае 1968 года, когда все формальности были уже позади, дама-вицеконсул вручила мне паспорт квазигражданина США. В течение трех месяцев с этого дня я должен был отправиться на ту сторону Атлантики, чтобы там окончательно оформить документы. Каждые два года надо было путешествовать в Соединенные Штаты, чтобы продлевать там «reentry permit» — временный американский паспорт.

В США я вылетел в начале мая 1968 года. Я договорился с Яблонским (сотрудником станции), что мы встретимся в нью-йоркском отеле YMCA. Поляки, особенно варшавяне и жители Кракова, знакомы с этой организацией, созданной в середине прошлого века. Young Men's Christian Association (Христианское объединение молодых мужчин) имело в Польше свои дома, где были клубы, плавательные бассейны и комнаты для ночлега. В сравнении с хорошо известным мне домом, который когда-то был собственностью YMCA в Варшаве, нью-йоркское здание показалось мне огромным и мрачным. Прежде чем получить ключ, я должен был подписать заявление о том, что являюсь христианином (американцы обожают такие бумажки), после чего мне предоставили номер — тесный и довольно грязный, хотя и воняющий порошками для чистки полов и жидкостями для дезинфекции. Такой номер стоит шесть с половиной долларов в сутки, что недорого в сравнении с ценой в других гостиницах самого большого города Соединенных Штатов, но и убожество его поразительно.

Яблонского, который формально был руководителем издания «На антенне» — ежемесячного приложения к эмигрантской газете «Вядомости», содержащего тексты наиболее важных передач «Свободной Европы», — я до того времени знал довольно мало. Это был человек, постоянно оказывавшийся на распутье, более того, сам эти распутья отыскивающий.

Во время второй мировой войны Яблонский был моряком. В плавания он начал ходить еще до войны и с Нью-Йорком познакомился, кажется, уже в 1939 году.

После войны он поселился в Великобритании. Там он жил с женой и детьми. Для ухода за ними он нанял по объявлению в газете немку, которая приехала на Британские острова для изучения английского языка и была готова заниматься домашним хозяйством. У Яблонского она занималась им так усердно, что он вместе с ней оставил Англию и оказался в «Свободной Европе». Он считался литератором, имел даже определенный успех, но в Мюнхене любителей писать очень много. Яблонский находился в тени Тадеуша Новаковского, для «Свободной Европы» писал Казимеж Вежнинский, там вертелись и другие лауреаты предвоенных, военных и эмигрантских литературных конкурсов. Так что поле деятельности Яблонского было весьма ограничено. Он оставался на вторых ролях и время от времени называл кого-нибудь из своих более удачливых коллег графоманом, видимо получая от этого удовлетворение. Мне не удалось поближе познакомиться с ним в Мюнхене. В Нью-Йорке он тоже не был склонен вести со мною разговоры и делать какие бы то ни было признания. Он обожал бифштексы и в баре самообслуживания съедал их по три-четыре порции сразу. Он говорил: «Это лучшее из всего того, что до настоящего времени придумали американцы...» Бифштексы действительно были вкусны, но я слишком мало знаю Штаты, чтобы утверждать, что это самое хорошее из того, что существовало и существует в этой огромной стране.

Яблонский был в Нью-Йорке моим гидом, но чувствовал он себя в этом городе явно плохо. С легкой иронией говорил он об архитектуре этого города-колосса, как бы сгибающегося под тяжестью башен-небоскребов и производящего впечатление каменной пустыни. Он привел меня и в нью-йоркский центр «Свободной Европы», расположенный на Парк Авеню. Мы поднялись на двадцать седьмой этаж, где Яблонский бывал уже и ранее. Сначала мы зашли в польское бюро, во главе которого стоит Кароль Вагнер, многолетний сотрудник CIA.

По должности мне прежде не приходилось иметь дело с нью-йоркским центром. Отношения на линии Мюнхен — Нью-Йорк носят не вполне определенный характер. Когда-то, как мне говорили старые сотрудники станции, перевод в Нью-Йорк считался большим повышением, но позже как-то к этому никто уже не стремился. Одной

из причин было то обстоятельство, что, хотя в Нью-Йорке платили немного больше, покупательная способность доллара в Мюнхене была значительно выше. Между Новаком и сменявшимися шефами польского бюро в Нью-Йорке всегда существовал острый антагонизм. Некоторые побуждали Новака к тому, чтобы он подчинил себе весь польский отдел «Свободной Европы» по обе стороны Атлантики. Другие утверждали, что именно нью-йоркское бюро должно руководить всей работой польской секции. Эта точка зрения пользовалась поддержкой американцев. У Стешетельского когда-то ничего не получилось. Но ходили слухи, что Вагнер, который чувствовал себя в своем кресле более уверенно, при помощи американцев легче подчинит себе Новака. В учреждении на Парк Авеню нас встретили без энтузиазма и далеко не сердечно, что меня, знающего закулисную сторону отношений между Мюнхеном и Нью-Йорком, несколько не удивило. С нами обращались типично по-американски: делай побыстрее свое дело и прощай.

Все формальности, связанные с оформлением документов, заняли у нас неполных три дня. «Свободная Европа» позаботилась о соответствующей организации: нам нигде не пришлось долго ждать или толкаться в толпах пуэрториканцев. Я снова заполнял длинные анкеты и писал разные заявления, похожие на клятвы. Так я стал обладателем удостоверения личности, маленького кусочка картона в обложке из пластика, «greentry permit».

У меня оставалось несколько свободных дней, и я использовал их для того, чтобы немного осмотреть Америку. Прежде всего я решил посетить Дычковского, которого мы прозвали в Цирндорфе Копытом. В Соединенные Штаты ему удалось выехать в 1967 году. Он писал мне в Мюнхен, что дела его идут блестяще, зарабатывает он свыше восьмисот долларов в месяц, купил автомашину и вскоре, собрав достаточную сумму в банке, намерен оставить работу и заняться диссертацией. Я письмом предупредил его о приезде в США. Приглашая меня к себе, он писал: «У меня двухкомнатная квартира с ванной. Здесь ты можешь устроиться отлично. Когда закончишь свои дела, звони по телефону... и приезжай. Я отпрошусь на работе, и мы отправимся куда-нибудь...»

Так я и сделал. Из Нью-Йорка я выехал автобусом. Как мы и договорились, Копыто ждал меня на автобус-

ной станции. Выглядел он не очень хорошо, был похож на куклу, помятую и потрепанную ребенком, забывающим мыть руки. Он повел меня к своей машине. Это был старый, изношенный автомобиль, наверняка купленный из вторых или даже из третьих рук. Дычковский внимательно следил за тем, какое впечатление произведет на меня его автомашина. Я понял, как важно для него мое восхищение, и похвалил:

— Колымага у тебя в порядке.

Он сразу же расплылся в улыбке.

— Подумай, где в Европе ты найдешь такие машины, — говорил он взволнованно. — В Польше, старик, таких машин придется ждать еще лет сто, а может быть, и дольше...

Домик, в котором Дычковский снимал две комнаты в мансарде, был одним из сотен одинаковых деревянных домиков, стоящих длинными рядами по обеим сторонам часто пересекавшихся улочек. Они отличались друг от друга только цветом дверей и оконных рам, но эта игра цветов еще больше подчеркивала монотонность всего окружения: домик, заборчик, несколько квадратных метров газона, а на нем два деревца, кустик и снова домик...

Стены комнатшек были из какого-то пластика. Ванна тоже. Забравшись в нее, я испугался, что сейчас продавлю дно и свалюсь на первый этаж. Стены комнат легко пропускали каждый звук.

Приятельница Дычковского оказалась вдовой с тремя детьми. Ее муж погиб в автомобильной катастрофе. На получаемое за него пособие она содержала детей, а себе на жизнь зарабатывала тем, что служила в магазине продащицей. У родителей ее покойного мужа и жил Копыто.

Дычковский работал официантом в довольно низкопробной пивнушке. Зарабатывал он около 300 долларов в месяц. Ему не удалось скрыть, что писал он мне неправду, но он сразу же начал оправдываться:

— Америка — богатая страна, очень богатая. Пока еще счастье мне не улыбнулось, но когда-нибудь придет и мой день. Вот увидишь...

Я не увидел этого ни тогда, ни позже, в 1970 году, когда я во второй раз полетел в США, чтобы продлить «teentry permit». Дычковский по-прежнему был официантом, только в еще более жалком заведении, и о «сво-

ем дне» говорил уже с меньшей уверенностью. В свой второй приезд я мог уделить ему меньше времени, так как решил посетить своего двоюродного брата, проживающего в Канаде. Мать написала мне в свое время: «Не вернувшись в Польшу, ты сделал большую глупость и причинил нам сильную боль. Но я прошу тебя: не оставайся в ФРГ. Ты выбрал скитальчество. Я уже написала в Канаду, чтобы тобой там занялись...» У тех, кто хотел меня приютить, дела шли не лучшим образом. Мой двоюродный брат был высококвалифицированным рабочим, но получил серьезную производственную травму, в результате которой не мог свободно двигаться, и хотя его оставили на той же должности, но квалификационный разряд понизили. Он все равно был благодарен своим канадским хозяевам:

— В Штатах со мной не цацкались бы. Там я уже давно оказался бы на улице.

О его жене в Польше знакомые наверняка говорили: «Вот уж кому повезло...» Она поехала ненадолго в Канаду навестить своих родных, познакомилась там с моим двоюродным братом и вышла за него замуж. Подруги завидуют ей, но вряд ли они станут по-прежнему восхищаться, если увидят, как она теперь возвращается после рабочего дня, проведенного у конвейера на заводе, и тщательно подсчитывает скромную зарплату, заботясь о том, чтобы ее хватило на очередные взносы за купленные в кредит домик, автомобиль, стиральную машину, на плату страховой фирме, а также на еду и покупку чего-нибудь из одежды. Мне было жаль эту энергичную, еще молодую, но уже увядающую женщину. Я с сочувствием смотрел на седину двоюродного брата, который был ненамного старше меня. Я слушал, как он рассказывал, что после травмы потерял уверенность в себе. Как хороший, квалифицированный специалист, он мог бы не опасаться ухудшения конъюнктуры и уменьшения заказов (явлений, характерных для капиталистического рынка), но теперь его положение было другим. Увольнения и сокращения начинаются с рабочих низших разрядов, к одному из которых после производственной травмы относился и он.

По случаю моего приезда двоюродный брат взял на несколько дней отпуск. Он хотел немного показать мне Канаду. Дычковский, когда я был у него в первый раз,

возил меня на Ниагару. Тогда я проехал несколько тысяч километров по автострадам Канады и Соединенных Штатов. От Канады в моей памяти осталась суровая красота прерий, лесов и озер, от Соединенных Штатов — толчея на шоссе, которой восхищался не только Копыто. Когда мы застревали в гигантских пробках, мне приходила на память статья, написанная для «Свободной Европы» Леопольдом Тымандом.

Он писал текст для цикла радиопередач, в которых на примере США показывалось полное и во всех областях жизни проявляющееся превосходство Запада над Востоком. Но уже один из первых написанных им материалов вызвал в польской секции довольно противоречивую реакцию. Тыманд утверждал, что в США на каждом шагу сталкиваешься с проявлением настоящей демократии, какой нет в социалистических странах. Для подтверждения этого положения он приводил следующий пример. Как-то он ехал автобусом, который по переполненной улице передвигался так же тихо, как и роскошные лимузины. Стоимость каждого из этих лимузинов равнялась сумме трехмесячного заработка всех пассажиров переполненного автобуса. Именно в этом, по мнению Тыманда, и заключалась сущность американской демократии, сущность равноправия. Редакторы польской секции не знали, как тут быть. Ведь Тыманд, как и следовало, похвалил Америку, рассказал о западной демократии, что некоторые так любят, но в итоге получалось что-то не то.

Я недолго был в Соединенных Штатах и слишком мало видел, чтобы иметь возможность основательно ознакомиться с контрастами этой большой страны, с противоречиями и конфликтами, часто имеющими место в американском обществе, со всеми сложными механизмами американского образа жизни, поражающего европейцев своим богатством и своей нищетой, достижениями современной цивилизации и бандитизмом, жонглированием идеалами свободы и законом кулака, успехами медицины и устрашающим ростом наркомании. Во время двух моих поездок на ту сторону Атлантики я старался сопоставить миф об Америке, с которым часто сталкивался в Польше, особенно в средней школе и в университете, так старательно поддерживающийся «Свободной Европой», с действительностью. На каждом шагу я сталкивался с красноречивыми примерами. Таким примером служил хотя бы

тот же Дычковский, мужчина еще молодой, с высшим образованием, скатившийся до роли официанта и не желавший признать, что жизненные планы его потерпели крах. Ситуация, в которой сам он оказался, красноречиво опровергала все то, что он говорил и о чем мечтал. Вопреки этому он жил в мире иллюзий и ждал «своего дня». Другие расстаются с иллюзиями значительно быстрее: их вынуждает к этому суровая борьба за существование. Я часто задумывался над этим вопросом в Цирндорфе и Мюнхене. Если бы рядовой гражданин Федеративной Республики Германии, американец, англичанин или француз узнал, что на основании передач «Свободной Европы», «Голоса Америки» или «Немецкой волны» от него и его земляков ожидает легкомысленный беженец из Польши, то он наверняка был бы удивлен. Если бы он услышал, как эти радиостанции, существующие на взимаемые с него налоги, открыто говорят, что достаточно выехать из Польши, чтобы получить виллу, автомашину, высокий уровень жизни, то рассмеялся бы до слез. Но как объяснить это всем наивным людям в Варшаве, Кракове, Лодзи и Белостоке?

Я уже говорил о своих занятиях в Мюнхенском университете. Благодаря им у меня были основания для того, чтобы вырываться из замкнутого мирка «Свободной Европы», а также для того, чтобы задерживаться в служебном помещении после работы, без чего я не мог бы передавать Центру копии секретных и совершенно секретных документов станции. Мысль начать занятия в университете пришла ко мне не сразу, а лишь после того, как я прочно обосновался в «Свободной Европе».

Меня немного беспокоил вступительный экзамен. Он состоял из трех частей: устного экзамена по немецкой грамматике, диктанта и письменного изложения. Экзамен считался трудным, и мне об этом говорили прямо.

Больше всего я боялся экзамена по грамматике. Я уже неплохо знал немецкий язык, но, как известно всем изучающим иностранные языки, в лабиринте разных времен, спряжений, склонений или словообразовательных комбинаций легко зайти в тупик. Так что на протяжении нескольких недель я зубрил всюю. Экзаменатор, молодой и симпатичный мужчина, услышав, что я из Польши, отнесся ко мне приветливо, можно даже сказать, сердечно. В такой доброжелательной атмосфере я отвечал быстро

и уверенно. Даже сложные вопросы не вызывали у меня никаких затруднений, и экзаменатор хвалил мои ответы, ободряя меня еще больше. Он уже собирался поставить мне оценку, как вдруг как бы мимоходом, просто из доброжелательного любопытства, спросил:

— Как вы оказались в Мюнхене?

— Я беженец, — последовал ответ.

— А чем вы занимаетесь?

— Работаю в «Свободной Европе».

— Там? — искренне удивился он, и сразу же исчезла его улыбка, дружелюбной атмосферы как не бывало. Последовали новые вопросы по грамматике, все более сложные. Он как бы хотел показать, что мои знания еще невелики. Наконец он поставил мне оценку и на прощание сказал двусмысленно:

— Желаю вам больше счастья в жизни...

Остальные экзамены оказались более легкими, и так я стал студентом одного из самых крупных университетов Федеративной Республики Германии.

Поскольку еще недавно я был студентом в Польше, я часто сравнивал условия занятий в высших учебных заведениях обеих стран. В Мюнхенском университете было значительно больше бюрократизма. Учеба там проводится по семестровой системе, на каждый семестр следует записываться заново, а это означает потерю времени в деканатах и бухгалтериях. Прежде чем писать работу и защищать докторскую диссертацию (отмечу, что степень доктора в ФРГ несколько превышает по своему значению нашу степень магистра, но значительно уступает тем требованиям, которые предъявляются у нас к докторской диссертации), необходимо принять участие в определенном для каждого факультета числе семинаров, а также прослушать обязательные лекции и сдать множество экзаменов. Занятия в университете занимали у меня около семи часов в неделю — я посещал семинары, в которых должен был участвовать. К лекциям я относился не столь серьезно. Но мне приходилось много читать, используя материалы библиотеки радиостанции. В отличие от многих студентов, у меня с учебниками никаких трудностей не было. Я просто покупал их в соответствии со списком обязательной литературы, хотя большая часть этих книг представляет собой пухлые тома, очень дорогие и труднодоступные для среднего студента. Чтобы

раздобыть их, необходимо было приложить много усилий, ловчить, записываться в очередь, отдавать книги через определенный срок и т. п. Словом, студентам часто приходилось портить нервы и терять время, чтобы в конце концов раздобыть нужные им книги.

Занятия проходили в типичной, известной мне еще по Польше, атмосфере: увлекательный труд чередовался со скукой, экзаменам предшествовала лихорадочная подготовка, а на студенческой «бирже» шел обмен последними новостями и предпринимались попытки как-то раздобыть немного денег... В этом отношении все студенты похожи друг на друга, хотя учатся в разных странах, на разных континентах. Из событий, заслуживающих упоминания, расскажу о споре, происшедшем между мной и преподавателем церковнославянского языка профессором Панцером. Он считался знатоком предмета, много требовал от студентов и требования эти постоянно повышал.

На одном из семинарских занятий Панцер затронул проблему древней истории славян. В соответствии с традицией немецкой науки — а это не лучшая традиция — он говорил о славянах как о представителях примитивных племен, источником существования которых была рыбная ловля и сбор диких плодов. Поселившись сначала в болотах бассейна реки Припяти, они проникли на запад и юг, утверждал Панцер, только потому, что стоявшие значительно выше их в культурном отношении германские племена двинулись на запад, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся в результате падения Римской империи. Там, куда проникали древние славяне, не оставалось и следа от многочисленных поселений, обработанных полей, все возвращалось в первобытное состояние: дороги зарастали лесом, а в развалинах домов поселялись волки и медведи. Панцер рисовал картину, типичную для журналов, издаваемых реваншистскими землячествами, в которых именно так изображалось положение польских земель в VIII, IX и X веках нашей эры.

В конце концов я не выдержал. Я вежливо, но решительно перебил Панцера. Во время учебы в Варшавском университете я основательно интересовался судьбой и культурой полабских славян. Я посетил места в ГДР, населенные лужицкими сербами, и очень тщательно готовился к этому путешествию. Я хорошо помнил работы Юзефа Костшевского и Тадеуша Лер-Сплавинского о древ-

ней родине славян в бассейне Вислы и Одера. Я начал говорить обо всем этом. Мое выступление продолжалось четверть часа, а может быть и больше. Когда я закончил, Панцер посмотрел на часы и сказал:

— Прошу прощения, но наши занятия затянулись, и мы должны заканчивать. — Он задумался немного и добавил: — Есть и такие немецкие исследователи, которые согласились бы с господином Чеховичем.

Этим дело не кончилось. Мои замечания выслушали человек тридцать, участвовавших в семинаре. Среди них было несколько студентов, придерживавшихся крайне националистических взглядов в пангерманском или, скорее, прусском духе. И вот что интересно. Раньше эти немцы меня почти не замечали. После столкновения с Панцером они первые стали здороваться со мной. Некоторые поздравляли меня. Я произвел на них впечатление тем, что публично выступил в защиту собственных взглядов.

Не в первый и не в последний раз за время моего пребывания на Западе я убедился, что заслужить уважение других мы можем только будучи самими собой, когда нам удастся защитить нашу точку зрения и мы не желаем выступать в роли бедных — материально и духовно — родственников других народов. Об этом, к сожалению, еще забывают многие наши земляки. В наших контактах с Западом мы довольно часто ведем себя униженно. Даже наше гостеприимство, которым мы так гордимся и называем традиционно польским, вызывает у людей, приезжающих из западных стран, чувство неловкости, а часто и не слишком доброжелательные замечания. Если человека приглашают на обед или ужин, то в соответствии с критериями, принятыми на Западе, от него чего-то ожидают взамен. Если ему говорят, чего ожидают, то гость начинает строить домыслы. А в каком направлении идут домыслы лиц, наслушавшихся всякой ерунды о Польше и поляках, о коммунизме и коммунистах, — об этом говорить нет необходимости.

После заканчивающихся вечером занятий в университете мы обычно шли в ресторан. Там за пивом и вином беседовали на разные темы, рассказывали друг другу анекдоты, пели польские, русские, украинские песни.

В группе студентов-славистов и студентов других специальностей, а также молодых художников, скульпторов,

начинающих поэтов, писателей и актеров, охотно присоединявшихся к нам, мы отмечали наши маленькие праздники — именины, дни рождения, свадьбы. Часто в этих вечеринках, совместных поездках за город (мы их устраивали весной) принимал участие профессор Кошмидер, а также его доценты и ассистенты. Иногда появлялись и другие преподаватели, но Кушмидер, как мы его называли, был самым частым нашим гостем, тем более дорогим, что он всегда охотно вытаскивал бумажник, чтобы оплатить если не весь счет, то по крайней мере его часть.

Многие из этих совместных увеселений проходили в моей квартире — просто потому, что у меня была большая квартира, а не комната.

За время моей работы на станции у меня было две квартиры. Первая находилась в доме № 114 по Терезинштрассе. Она состояла из комнаты и ванной. Мебель я получил на радиостанции. Из-за этой мебели постоянно шли разговоры с Бруксом, снабженцем «Свободной Европы». Брукс покупал все, начиная с ленты для пишущих машинок и кончая простынями для сотрудников. В Европу он попал как капрал американской армии, кажется, еще во время войны или сразу после ее окончания. После демобилизации он не вернулся в Штаты, а начал работать официантом в офицерском казино. Кто-то из офицеров американской разведки, прикомандированных к станции, забрал Брукса с собой и позаботился о том, чтобы устроить его на должность снабженца. Здесь капрал полностью проявил свой коммерческий талант. Он обманывал всех и во всем. Благодаря этому, а также коммисионным, получаемым им от разных оптовых торговцев, Брукс сколотил немалый капитал. Весь персонал «Свободной Европы» знает, что в настоящее время он является хозяином нескольких больших отелей в разных городах, но никто не решается вмешиваться в дела Брукса и Манфреда Щенсного, его компаньона. Слишком крупная он ныне фигура на станции, и слишком много у него влиятельных покровителей.

Когда я устроился в своей первой квартире, то оказалось, что у меня нет радиоприемника. Прежде радиоприемник давали вместе с мебелью, но позже была введена экономия, и радио было вычеркнуто из списка вещей, положенных для квартир сотрудников. Я сказал как-

то на радиостанции, что мне предстоят еще расходы по приобретению радиоприемника. Кто-то вспомнил тогда о Гамарникове, у которого был старый ненужный радиоприемник. Я выразил готовность помочь ему избавиться от ненужной вещи. Через несколько дней он действительно остановил меня в коридоре и спросил:

— Это правда, пан Анджей, что вы хотели бы избавиться меня от старого радиоприемника?

— Да, охотно.

— Загляните ко мне сегодня после обеда и заберите его.

Я пришел, взял приемник и был уже у дверей, когда Гамарников обратился ко мне:

— Двадцать марок за него вам не обязательно отдавать сегодня, вы можете сделать это после зарплаты...

Поскольку недалеко от моей старой квартиры находились две ночные пивнушки, около которых часто до самого утра раздавались крики пьяниц, я, как человек, совмещающий работу с учебой, то есть работающий вечерами и ночами дома, имел все основания обратиться к администрации с просьбой заменить квартиру. Это было нелегким делом, но в конце концов мне повезло, поскольку как раз в это время произошел скандал из-за одной дамы, работающей в чехословацкой секции, которая устраивала шумные пьянки и не давала спать жителям красивого, в то время самого высокого в Мюнхене небоскреба. В наказание чешку переселили в район, где благодаря многочисленным ночным ресторанам жители были более привычны к пению, шуму и вою джазовых оркестров. А я поселился на одиннадцатом этаже современного здания из стекла и алюминия, где отопительные приборы были вмонтированы в пол и потолок. Квартирная плата превышала там 500 марок в месяц, поэтому состав жильцов этого дома был довольно специфическим. Наряду с проститутками высшей категории здесь жили преуспевающие немецкие промышленники и сотрудники «Свободной Европы».

Квартира состояла из двух комнат и темной кухни. Имелась, конечно, и ванная комната, а также огромный балкон, на котором свободно размещались десять человек, в чем мы убеждались несколько раз, когда у меня собирались товарищи по университету.

К таким вечеринкам мы часто готовились по два-три

дня, и уже сами эти хлопоты являлись своеобразным развлечением. Приходили девушки со своими молодыми людьми, и все вместе начинали варить, печь, жарить, мариновать... Я научился неплохо готовить студень и бигос. Часто на стол подавались маринованные мною грибы, только что пойманная форель и, что никого не должно удивлять, хорошо охлажденная польская водка. Украинцы по-своему приготавливали принесенные с собой баклажаны, русские делали пироги и пельмени. Никто не мог пожаловаться на нехватку еды.

Эти устраивавшиеся в складчину вечеринки, на которых собирались студенты-слависты и их друзья, нравились мне больше, чем чопорные встречи сотрудников польской секции за бриджем или шумные вечера, устраивавшиеся время от времени администрацией «Свободной Европы».

Такие вечера устраивались для сотрудников станции ежегодно на рождество.

Мы собирались тогда в большом зале, называвшемся «Джексон-рум», который обычно использовался как конференц-зал. Из громадных, похожих на котлы сосудов наливали жидкость, которая считалась пуншем, но, скорее, напоминала компот, в который влили немного водки. На столах громоздились горы бутербродов. Казалось, что их очень много, но в действительности нужна была большая ловкость, чтобы успеть выловить из гущи рук один-два на свою тарелку. Половину сотрудников станции составляли баварцы, большие любители поесть на дармовщинку. Наблюдая со стороны за некоторыми из них, трудно было удержаться от смеха. Дамы, разодетые в парчу и шелка, мужчины в белоснежных рубашках и лакированных туфлях, все довольно упитанные (международным авиалиниям пришлось расширить кресла в самолетах, совершающих полеты в ФРГ, чтобы угодить владельцам толстых бумажников), как голодающие, набрасывались на полные блюда. Подвергшийся атаке стол вскоре выглядел так, как стадо коров в Африке после того, как через него прокатилась лавина пожирающих все на своем пути москитов. Белели лишь скатерти, салфетки и начисто опорожненные блюда. Если бы кто-то начал вылизывать тарелки, то это, пожалуй, не вызвало бы сенсации. Пунша тоже не щадили, хотя казалось, что его должно хватить для целого батальона бундесвера, поэто-

му на лицах баварцев быстро появлялся румянец и спустя несколько минут в зале слышны были только их возбужденные голоса. В криках баварцев совершенно тонули другие языки, а ведь их на станции было немало.

Несколько раз я был также на балах, устраивавшихся для персонала «Свободной Европы». Мало было таких, кто бы действительно хотел пойти на них. Большинство сотрудников польской секции, как говорили, ходило на эти балы только потому, что этого требовал обычай. После каждого бала по секции прокатывалась волна различных сплетен и иронических замечаний. Женщины из всех сил перемывали косточки жены Тадеуша Новаковского. Пани Данута умела одеваться и была так красива, что если бы даже она надела кухонный фартук, то завистливые кумушки все равно рассказывали бы, что Новаковский купил ей костюм в лучшем мюнхенском ателье.

«Свободная Европа» не была бы американской организацией, если бы ее шефы не были озабочены из-за отсутствия внутренней сплоченности в коллективе. Было время, когда всем казалось, что для такой сплоченности создана замечательная база. В один прекрасный день в Мюнхене появился пан Жуковский. Он выглядел как директор цирка на иллюстрации к детской книжке. На Тюркенштрассе он открыл ресторанчик, который назвал «Славише зееле» («Славянская душа»). Эту «Славянскую душу» на Турецкой улице Новак, с одобрения шефов, решил превратить в своего рода клуб для всех сотрудников национальных коллективов станции. Он постарался даже, чтобы и американцы из радиостанции «Свобода» погнали в «Славянскую душу» своих сотрудников. О «Славянской душе» и пане Жуковском Новак вспоминал при каждом случае. Новаковский, Яблонский и другие читали там свои произведения. В зале при этом присутствовали Новак с женой и иные высокопоставленные лица из «Свободной Европы». По рекомендации директора в этот ресторан приводили также разных гостей польской секции. Ежедневно там можно было встретить людей, желавших подлизаться к Новаку. И вдруг разразился скандал. Жуковский исчез. Ресторан закрыли. Полиция устроила там обыск, но ничего не обнаружила или, точнее, ничего не захотела сообщить. Во всяком случае, причины исчезновения Жуковского остались для сотрудников польской и других секций тайной.

Жуковенкий был не единственной фигурой, связанной с польской секцией «Свободной Европы» и исчезнувшей при таинственных обстоятельствах. Об исчезновении хозяина «Славянской души», насколько помню, даже мюнхенские газеты написали очень мало, зато все вечерние газеты на самых видных местах опубликовали историю исчезновения Анатоля Еры и поместили фотографии главного героя этого дела.

Прежде чем рассказать об этой истории, необходимо сделать кое-какие предварительные замечания. Это был период, когда в Федеративной Республике Германии если не три четверти, то наверняка половина всех кабаре со стриптизом, баров, ресторанов и других ночных заведений в больших городах принадлежала евреям, знающим польский язык. Стоило проходившему через зал хозяину услышать польскую речь, как он обычно останавливался и говорил: «Приветствую земляков!» Он сразу же хотел узнать, кем являются его гости, когда и откуда приехали, на какой срок и зачем.

Хозяева этих заведений обычно были связаны с преступным миром, осуществляли самые невероятные махинации, а полиция часто оказывалась в отношении их бессильной.

Как полицейский, принимавший участие в акциях, направленных в период гитлеризма против евреев, мог допрашивать подозреваемого в торговле наркотиками или в других серьезных преступлениях еврея, если тот бросал ему прямо в лицо:

— Господин инспектор, вы всегда ненавидели евреев.

В сферах, связанных с ночной жизнью Мюнхена, вращались три приятеля: Ян Гевель, позже объявивший себя графом, Лешек Мрувчинский и Анатолий Ера. Они встретились в Цирндорфе, где ждали предоставления им убежища. Гевелю помогла «Свободная Европа». Ера тоже пытался получить там работу, но почему-то ему это не удалось. Мрувчинский пошел служить к Мошковичу в Гамбурге. Официально он был там маклером. Фирма Мошковича специализируется на торговле с нашими моряками, но это отнюдь не чисто торговое учреждение, имеющее своей целью одну наживу. Мошкович, как это выяснилось на проходившем в свое время процессе о шпионаже в Гдыне, тесно связан с разведками империалистиче-

ских государств. «Свободная Европа» также прибегала к его услугам.

Анатолий Ера стал «зтитц-директором» в большой фирме, основанной земляками Мошковича. Ничего не делая, он получал около пяти тысяч марок, располагал служебным «мерседесом» и играл роль серьезного человека на ответственном посту, как того требовали интересы фирмы. Прикрываясь обычными торговыми операциями, фирма поддерживала какие-то связи с международными аферистами, специализирующимися на контрабанде золота, ценных бумаг и наркотиков. Я познакомился с Ерой случайно, через Гевеля. Он производил впечатление веселого человека, охотно заглядывающего в рюмку и увлекающегося женщинами, высоко оценивающими свои достоинства в марках и долларах.

— Что мне теперь делать? — говорил он довольно откровенно. — Из Польши я смылся. Обратиться в полицию и заявить, что я «выбираю свободу», было простым делом. Но одной свободой человек долго не проживет. Вот я и принял эту директорскую должность, и теперь другого пути для меня нет. Вернуться в Польшу? Это трудно. Я бы отсидел свои два года, а что потом? Машину мне там никто не даст, и за то, что я пойду в тюрьму, никто мне не заплатит. Теперь я живу вольно, хотя и знаю, чем это кончится. Здесь тюрьма, и там тюрьма, но, по крайней мере, у меня здесь пока сладкая жизнь.

Ера был очень похож на человека, заключившего договор с дьяволом. Те, кто доверил ему пост директора, заранее знали, что в один прекрасный день их преступления будут раскрыты и Ера предстанет за них перед судом. Он сам соглашался на такие условия, но, наверное, под влиянием «сладкой жизни» решил перехитрить дьявола. Не дожидаясь, пока его хозяева попадутся с полицией, он сам совершил преступление. Вечерние бульварные газеты поместили фотографии Еры под большими заголовками: «Присвоил полтора миллиона марок и сбежал», «Директор фирмы — мошенник».

Один мюнхенский юрист объяснил мне, что в таких учреждениях, как фирма, в которой Ера был «зтитц-директором», неизвестно, что является обычным преступлением, а что — заранее спланированной операцией. Поэтому трудно сказать, действительно ли Ера украл целых полтора миллиона или же только сто пятьдесят тысяч ма-

рок. Можно было намеренно завысить сумму пропажи и даже доказать ее с помощью подложных бухгалтерских записей, чтобы получить высокую страховую премию. Нельзя исключать и того, что Ера вообще ничего не украл, а получил несколько тысяч марок за свое исчезновение. Ему приписывают кражу денег, которые два соладельца заранее решили получить от третьего. Вариантов, как мне объяснил упомянутый уже юрист, может быть много, и не такие еще истории происходят в Федеративной Республике Германии, стране, где мошенники часто становились сказочно богатыми людьми.

Я так никогда и не прочитал ни в одной западногерманской газете, чем закончилось дело Еры. Только ли пассивностью западногерманской полиции следует объяснить это обстоятельство?

ВСЕ ЛИ Я ОПИСАЛ?

Когда я садился писать свои воспоминания, единственное, что у меня было уже готово, это окончание. Я предполагал, что последние предложения будут звучать примерно так:

«Сегодня я получил из Центра сообщение, которое ждал несколько лет. Через три дня я должен быть в Варшаве. Я возвращаюсь дорогой Z. Эти три дня не будут легкими. Я должен урегулировать все дела, требующие завершения, причем сделать это я должен незаметно, не обращая на себя внимания. Не знаю еще, как это сделаю, но мыслями я уже в Польше. Земляки, Варшава, Центр... Скорее бы это наступило, скорее бы мне войти в кабинет начальника и доложить: «Поручник Чехович задание выполнил!» Действительно ли у меня есть полное право сказать, что я выполнил задание?

Такое окончание представлялось мне наиболее подходящим, когда я намеревался писать свои воспоминания в форме дневника. Конечно, я не собирался описывать свои переживания день за днем, но хотел сохранить хронологию событий, рассказать, как постепенно возрастали мой опыт и трудности в выполнении данного мне задания.

Но в ходе работы над воспоминаниями (точнее говоря, после нескольких первых десятков страниц) я убе-

дился в том, что мое первоначальное намерение нереально. Такой дневник был бы слишком обширным, представляющим интерес, быть может, для моей будущей научной работы, но не для читателя, который пожелает обратиться к моим воспоминаниям. Поэтому я решил изменить форму своей книги и сконцентрировать внимание на отдельных проблемах, хотя обилие событий часто вынуждало меня отходить от принятой линии изложения.

Когда наконец я поставил точку после восьмого раздела, то обнаружил, что не обо всем смогу рассказать на этих страницах. Многие вопросы я не затронул, о многих других упомянул лишь мимоходом.

Вопросы, которые я не затронул, могут быть разделены на две группы. К первой из них я отнес бы разные события, известные мне, которые я не мог включить в ход своих воспоминаний, ибо и так мне пришлось сделать много различных отступлений и я опасался, что главная тема отойдет на второй план. Ко второй группе относится все то, о чем я не сказал сознательно по понятным причинам. Мне кажется, что даже машинист локомотива, почтальон или директор магазина не могли бы опубликовать своих воспоминаний, не сохранив за собой право кое о чем умолчать. Тем более это относится ко мне, сотруднику секретной службы, никогда не склонной много рассказывать о закулисной стороне своей деятельности.

Я постараюсь дать примеры не затронутых мною тем, относящихся к первой и второй группе.

Я не нашел места для воспоминаний о том, что охотно посещал Октоберфест — Октябрьский праздник, продолжающееся четырнадцать дней торжество, заканчивающееся в первую неделю октября и проводимое в Мюнхене с 1812 года.

Немцы утверждают, что когда-то октябрь назывался у них Weinmonat — месяц вина. В Баварии винных погребков не много, зато пива всевозможных сортов хватает. Поэтому Октоберфест похож на праздник любителей пива, воспользовавшихся случаем для того, чтобы собраться вместе и выпить.

Все происходит на Терезиенвизе. В определенный день здесь собирается весь Мюнхен. «Свободная Европа» также посылает на это гулянье своих сотрудников разных национальностей, выдавая каждому из них по жетону,

за который можно обычно получить половину жареного цыпленка и кружку пива.

В свете прожекторов и цветных лампочек над толпой крутятся чертовы колеса и карусели. В многочисленных лотках продается макрель, огромные леденцы, гигантские кренделя, жаренные на вертелах и сковородах колбаски, а также разных размеров резиновые молотки.

Толпа движется вдоль палаток, больших, как авиационные ангары, и украшенных сверху елками и венками из пихтовых веток, переплетенных разноцветными лентами. Внутри каждой такой гигантской палатки на сцене сидят оркестранты, одетые в праздничные национальные костюмы и играют баварские мелодии. За длинными столами из свежевыструганных досок над кружками пива, горячей колбасой и цыплятами сидят веселящиеся баварцы. То и дело они начинают хоровое пение, напоминающее грохот обрушивающихся скал.

Когда им надоест сидеть в одной палатке, они отправляются в другую. Во время таких переходов устраиваются «Spass» — шутки. Тихонько подбираются к кому-нибудь, кто спокойно пьет пиво, стоя у киоска, и изо всей силы лупят его резиновым молотком по лбу. Когда получивший удар по черепу поперхнется или обольет пивом костюм, толпа взрывается смехом. Шуткой считается здесь даже щипание или похлопывание женщин по пышным ягодицам, на что те реагируют писком или смехом, довольные такой «изысканной» формой ухаживания.

Мюнхенцы из так называемого высшего общества к Октоберфесту относятся без энтузиазма. Они почти никогда не предлагают своим знакомым иностранцам совместно отправиться на Терезиенвизе. Я же охотно ходил на это народное гулянье каждый год, наблюдал за развлечениями баварцев и разговаривал с ними. После всего увиденного и услышанного там мне, кажется, становились значительно более понятными политика ХДС и выступления Ф. Й. Штрауса.

К числу не затронутых мною тем относится также история с культуристами.

Еще в студенческом общежитии на улице Кицкого в Варшаве я подружился с ребятами, занимавшимися тяжелой атлетикой. По их примеру я и сам взялся за штангу и гантели. В Мюнхене я вел малоподвижный образ жизни и, опасаясь последствий, купил гантели. Но лучше

все же было заниматься в тренировочном зале, имеющем соответствующее оборудование. Поэтому я записался в клуб культуристов и начал ходить на тренировки, где встречался с представителями различных общественных слоев. О нескольких мужчинах, которые чаще всего упражнялись рядом со мной, у меня сложилось представление как о культурных, образованных и начитанных людях. Иногда наши разговоры затягивались, и мы продолжали их уже в расположенном недалеко от клуба ресторанчике за кофе и вином.

Как-то один из них пригласил меня к себе в гости.

— Я устраиваю небольшой прием в субботу, — сказал он. — Соберется несколько моих друзей. Может быть, и вы придете?

Я согласился, так как ничего более интересного у меня на этот день не предвиделось.

Придя по указанному адресу, я был несколько удивлен полумраком, царившим в квартире, и сильным запахом дамских духов, хотя ни одной женщины, там не заметил. Хозяин любезно принял меня, представил знакомым и сразу же угостил рюмкой какого-то крепкого напитка. После нескольких рюмок я стоял посреди комнаты и с кем-то разговаривал, когда рядом со мной на низкой софе уселись двое гостей и начали что-то нежно шептаться друг другу. Потом и другие мужские пары, не стесняясь моего присутствия, приступили к недвусмысленным ухаживаниям, а один пожилой господин, улыбаясь, уже направился ко мне.

На какой-то момент я остолбенел. Еще немного, и дело кончилось бы скандалом: я был готов дать отпор этому ухажеру. К счастью, пришел хозяин, также озадаченный моим поведением, и быстро увел меня на кухню. Он начал упрашивать меня не обижаться, говорил, что произошла ошибка, что он, хозяин квартиры, думал, что я тоже... Если бы он думал иначе, то не пригласил бы меня. Его дезориентировала моя принадлежность к клубу культуристов, в котором обычно встречаются люди, обладающие именно такими наклонностями.

Я не знал об этом и с тех пор перестал ходить в клуб культуристов. Тренировался в одиночестве.

Этих двух примеров достаточно, думаю я, чтобы проиллюстрировать те темы, которые я не затрагивал, потому что мне не удалось связать их с основными воспо-

минаниями. Понятно, что каждый день, каждая неделя или месяц приносили новые впечатления, но не обо всем ведь можно было написать.

Сознательно не касаясь некоторых вопросов, я руководствовался известным девизом врачей: прежде всего не вредить. Этим принципом я строго руководствовался, когда писал об информаторах и других источниках информации «Свободной Европы».

В моих воспоминаниях нет фамилий людей, которые продолжают оставаться гражданами Польской Народной Республики, а во время моего пребывания в Мюнхене или в более ранний период доставляли информацию «Свободной Европе», руководствуясь при этом неприкрытой злобой, глупостью, легковерием или попросту желанием подработать.

Почему я не сообщил их фамилий? С некоторыми информаторами «Свободной Европы» сотрудники Центра уже провели соответствующие беседы, по возможности спокойно, с глазу на глаз. Разговаривали главным образом с теми, кому мог угрожать шантаж со стороны противника. Им было сказано прямо:

— Не поддавайтесь тем, кто начнет запугивать вас последствиями предоставления «Свободной Европе» такой-то и такой-то информации. Мы об этом знаем. Думаем, что из нашего конфиденциального разговора вы сделаете правильные выводы. Пока будем считать вопрос исчерпанным. То, что будет дальше, зависит только от вас...

Некоторые информаторы подверглись осуждению со стороны товарищей по работе.

С некоторыми вообще не разговаривали. Так было с одним доктором права, пожилым человеком, проживающим в небольшом городке под Варшавой. Для сотрудничества со «Свободной Европой» он создал нечто вроде собственной информационной службы. В материалах, отправленных им в Мюнхен, он хвастался этой своей организацией. После моего возвращения в Польшу он ожидал ареста и, что очень показательно, хотел быть арестованным. Дело в том, что он относится к числу тех людей, которые ради особого рода известности готовы пойти на многое, пренебрегая мнением окружающих, теряя чувство собственного достоинства. Он был разочарован: никто не

пригласил его даже на беседу. Надеюсь, что он сам сделал соответствующие выводы.

Я не касался многих других подробностей моей работы в Мюнхене. Борьба с опытным противником на невидимом фронте обычно очень трудна, и даже если какой-то из ее эпизодов отходит в прошлое, он зачастую требует сохранения тайны. Ведь эта борьба представляет собой не один законченный раунд, ограниченный определенными рамками времени, а является, в сущности, непрерывной цепью действий, уходящих своими корнями в глубокое прошлое и направленных на будущее, взаимосвязанных и благодаря этому позволяющих надеяться на успех.

Теоретически известно, что и как можно и нужно сделать, чтобы добраться до противника, проникнуть в его штабы, разгадать заботливо охраняемые тайны. Но преодоление этих барьеров — это только половина успеха. Основная трудность заключается в поддержании непрерывной и надежной связи со своими людьми, чтобы от них непрерывным потоком поступала добытая информация. В моем случае это удалось не столько мне, сколько Центру, но об этом я писать не буду.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Как я стал «перебежчиком» из Польши	5
Лагерь в Цирндорфе	19
В Мюнстере и в охранной роте	47
Мои первые шаги на радиостанции «Свободная Европа»	64
Мои «коллеги» из польской секции «Свободной Европы»	93
Разведывательные секреты «Свободной Европы»	142
Кривое зеркало	191
Кое-что о личных делах	233
Все ли я описал?	266

Анджей Чехович

СЕМЬ ТРУДНЫХ ЛЕТ

Редактор *В. А. Никольский*

Художник *Б. П. Журавский*

Художественный редактор *И. Г. Сальникова*

Технический редактор *Л. С. Афанасьева*

Корректор *Н. В. Маркианова*

<p>Сдано в набор 4.9.74 г. Подписано в печать 22.11.74 г. Формат 84×108/32. 8½ печ. л., 14,28 усл. печ. л. 15,027 уч.-изд. л. Бумага тип. № 1 Тираж 65 000 экз.</p>	<p>Изд. № 10/430 Цена 90 коп. Зак. 948</p>
---	--

Воениздат
 103160, Москва, К-160
 1-я типография Воениздата
 103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

p.
5
19
47
64
93
142
191
233
266

r.

Цена 90 коп.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY